

МЭДУК

ЛИОНЕСС
ТОМ III

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Мэдук. Лионесс. Том III

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Мэдук. Лионесс. Том III / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939623-5

Третий том трилогии «Лионесс» привлекает наше внимание к Мэдук, подброшенной феями и принятой Казмиром за дочь принцессы Сульдрун. По мере того, как волшебники изучают предзнаменования катаклизма, готового произвести переворот в магическом мире, король Казмир планирует убийство, которое позволит ему править объединенными государствами всех Старейших островов; тем не менее, удовлетворение его амбиций осложняется одним существенным недосмотром — он забыл принять в расчет существование Мэдук!

ISBN 978-5-44-939623-5

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	10
3	15
4	21
Глава 2	28
1	28
2	35
3	39
4	42
5	46
6	50
Глава 3	52
1	52
2	58
3	59
4	73
Глава 4	75
1	75
2	78
3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Мэдук Лионесс. Том III

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2018

© Александр Фет, перевод, 2018

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-9623-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

К югу от Корнуолла и к северу от Иберии, напротив Аквитании за Кантабрийским заливом расположились Старейшие острова, по размерам часто несопоставимые: например, Клык Гвига – не более чем темная скала, омываемая атлантическими валами, тогда как Хайбрас («Хай-Бразий» ранних ирландских летописцев) площадью не уступает Ирландии.

На Хайбрасе выросли три больших города – Аваллон, Лионесс и древний Исс,¹ не говоря уже о множестве укрепленных фортов, старых серокаменных поселков, многобашенных замков и усадеб, окруженных приятными садами. Ландшафты Хайбраса разнообразны. Параллельно атлантическому побережью высится горный хребет Тих-так-Тих – гряда крутых пиков над альпийскими лугами, изрезанными морщинами ущелий. В других местах ландшафт носит не столь суровый характер – широкие виды открываются на солнечные долины, лесистые холмы, пастбища и реки. Всю центральную область Хайбраса покрывает дикий и темный Тантревальский лес – сам по себе источник тысячи легенд, куда немногие отваживаются забрести, опасаясь колдовства. Дровосеки и одинокие путники, по воле судьбы оказавшиеся в этой глуши, стараются ничем не обращать на себя внимание и часто останавливаются, чтобы прислушаться. Лесная тишина изредка нарушается лишь далеким нежным пересвистом птиц и не внушает уверенности – и вскоре странник опять останавливается, напрягая слух.

В глубине леса краски становятся богаче и насыщеннее, тени приобретают иссиня-черный или темно-бордовый налет – кто знает, кто следит за тобой из-за кустов с другой стороны поляны или примостился на трухлявом пне?

Многие народы посещали и покидали Старейшие острова: фарезмийцы, голубоглазые эвадниане, пеласги со своими жрицами-менадами, данайцы, лидийцы, финикийцы, этруски, греки, галльские кельты, норвежские ска, изгнанные из Ирландии, римляне, ирландские кельты и несколько племен готов-мореходов. Приливы и отливы стольких волн переселенцев оставили после себя сложную смесь следов и преданий: развалины крепостей, могилы и гробницы, дольмены и стелы с таинственными письменами, напевы, танцы, обороты речи, обрывки диалектов, наименования мест и обряды, назначение которых уже никто не помнит, сохранившиеся лишь благодаря их особому очарованию. Практиковались десятки культов и верований, разнообразных, но в любом случае кормивших касту жрецов, служивших заступниками паствы перед божествами. В Иссе ступени, вырубленные в камне, спускались в океан из храма Атланты; ежемесячно, во мраке новолуния, жрецы сходили по этим ступеням в полночь и возвращались на рассвете, увешанные гирляндами морских анемонов. На Дассинете несколько племен совершали священные ритуалы, руководствуясь трещинами в скалах, рисунок которых умели толковать только жрецы. На Сколе, близлежащем острове, поклонники бога Найрена опорожнялись фляги своей крови в каждую из четырех священных рек – самые набожные истощали себя таким образом до полубоморочной бледности. На Тройсинете обряды жизни и смерти справлялись в храмах, посвященных богине Земли, Гее. Кельты странствовали по всем Старейшим островам; от них остались не только названия, но и массовые друидические жертвоприношения в священных рощах, а также «Шествие деревьев» в день Бельтана. Этруские жрецы

¹ В доисторические времена уровень океана ненадолго понизился, и Старейшие острова соединились узкой полосой земли с первобытной Европой. Легенда гласит, что первые охотники-кочевники, проникнувшие на Хайбрас, взглянули с высот Тих-так-Тиха на обращенное к Атлантике побережье и обнаружили, что город Исс уже существовал.

посвящали божеству-гермафродиту, Вотумне, отвратительные, а порой и кровавые церемонии, тогда как данайцы предлагали в целом более здоровый по своему характеру арийский пантеон. С римлянами на Старейшие острова проникли культ Митры, христианство, парсис – поклонение Зороастру – и дюжина других сект. В свое время ирландские монахи основали христианский монастырь² на Пропащем острове у побережья Даота, южнее Аваллона, но в конечном счете ему была уготована та же печальная судьба, что и монастырю на Линдисфарне далеко на севере, у берегов Британии.

Многие годы твердыня правителей Старейших островов находилась в замке Хайдион, в городе Лионессе – до тех пор, пока Олам Третий, сын Фафхиона Длинноносого, не объявил местопребыванием властей предержавших дворец Фалу-Файль в Аваллоне, куда он перевез священный трон Эвандиг и легендарный Круглый стол «совета благороднейших», Карбра-ан-Медан,³ источник многочисленных легенд и сказаний.

После смерти Олама Третьего на Старейших островах наступили смутные времена. Будучи изгнаны из Ирландии, ска обосновались на крайнем западном острове, Скагане, и упорно сопротивлялись любым попыткам вытеснить их оттуда. Готы разграбили побережье Даота, сожгли монастырь на Пропащем острове и заплывали на длинных челнах в глубокое устье Камбера, Камбермунд, до самого Зубчатого мыса, откуда угрожали самому Аваллону – впрочем, не слишком долго. Дюжина наследников королевской короны соревновалась в борьбе за власть; они пролили много крови, причинили много скорби и бедствий, но ничего не добились, кроме разрухи и голода. В конце концов Старейшие острова разделились на одиннадцать королевств, неоднородных по размерам и влиянию, но единодушных в своей враждебной подозрительности к соседям.

Одри Первый, король Даота, никогда не отказывался от претензии на титул суверена всех Старейших островов, ссылаясь на тот факт, что он, а не кто-либо другой, был хранителем трона Эвандига. Его притязания встречали гневные возражения – прежде всего со стороны короля Лионесса Фристана, настаивавшего на том, что Эвандиг и Карбра-ан-Медан являлись его законным имуществом, неправомочно конфискованным Оламом Третьим. Фристан во всеуслышание называл Одри Первого предателем и трусливым мошенником; в конечном счете два государства вступили в войну. В решающей битве под Ормским холмом войска Даота и Лионесса преуспели только во взаимном уничтожении. И Фристан, и Одри Первый погибли, а остатки их великих армий мрачно разошлись по домам с поля боя, сплошь усеянного трупами.

Одри Второй стал новым королем Даота, а Казмир Первый воцарился в Лионессе. Ни тот, ни другой не забывали о претензиях предков, и мир между этими государствами оставался неустойчивым и взрывоопасным.

Так проходили годы: об эпохе безмятежного процветания вспоминали лишь сказатели и барды. В Тантревальском лесу полулюди, тролли, огры и прочие существа, с трудом поддающиеся определению, оживились и совершали злодеяния, которые никто не смел наказывать; чародеи больше не заботились о том, чтобы скрываться, а правители пытались заручиться их помощью в осуществлении суетных политических замыслов.

Волшебники, однако, уделяли все больше времени коварному соперничеству и губительным интригам в своем кругу, что привело к тому, что их ряды существенно поредели. Один из злостных нарушителей конвенции, колдун Сартцанек, уничтожил чародея Коддефута, напустив на него порчу, покрывавшую все тело гнойными язвами, а заодно и его союзника Уид-

² Через некоторое время король Лионесса Фристан позволил христианам устроить епископство на восточном берегу, в Балмер-Скиме, запретив им, однако, вывозить в Рим какие-либо деньги или ценности. Возможно, именно поэтому церковь не получала здесь почти никакой поддержки из-за рубежа, и местный епископ не пользовался заметным влиянием ни в Балмер-Скиме, ни в Риме.

³ Впоследствии Карбра-ан-Медан послужил прототипом «Круглого стола», украшавшего двор короля Артура в Камелоте.

дефута, подвергнув его заклятию абсолютного просвещения. В отместку противники Сартцанека, сговорившись, превратили колдуна-убийцу в чугунный столб и водрузили сей столб на вершине горы Агон. Порождение Сартцанека, чародей Тамурелло, уединился в роскошной вилле Фароли, в глубине Тантревальского леса, окружив себя тщательно продуманными магическими средствами защиты.

С тем, чтобы предотвратить дальнейшие конфликты такого рода, самый могущественный из волшебников, Мурген, опубликовал знаменитый эдикт, запрещающий чародеям оказывать услуги мирским правителям в связи с тем, что подобная деятельность неизбежно приводила к столкновениям между знатоками тайного искусства и подвергала опасности каждого из них.

Два волшебника – Весельчак Снодбет, получивший такое прозвище благодаря умению вовремя вставить острое словцо и привычке украшать себя разноцветными лентами с колокольчиками, а также старец Грундель из Пропастазма – дерзнули игнорировать указания Мургена и дорого заплатились за свою заносчивость. Снодбет, будучи неспособен выбраться из ванны, внезапно многократно увеличившей силу притяжения, был поглощен миллионом маленьких черных насекомых. Грундель проснулся на кошмарной поверхности одной из лун Ахернара, окруженный гейзерами расплавленной серы и стелющимися облаками голубых испарений – никакие заклинания не помогли ему вернуться на Землю.

Чародеи убедились таким образом в преимуществах сдержанности, но их менее приобретенные к тайнам бытия современники по-прежнему предавались вздорным распрям и потугам на превосходство. Кельты, мирно прозябавшие в даотской провинции Фер-Акила, поддались подстрекательскому влиянию новоприбывших гаэльских банд из Ирландии; они зарезали всех попавшихся под руку даотов, провозгласили королем грузного угонщика скота по имени Лысый Морган и нарекли свою землю Годелией. С тех пор даоты никак не могли покорить этих отколовшихся смердов.

Прошли годы. Однажды, почти случайно, Мурген сделал поразительное открытие, настолько пугающее, что в течение нескольких суток великий чародей пребывал в оцепенении, уставившись в пространство. Мало-помалу к волшебнику вернулось самообладание, и наконец у него в голове сложился замысел, успешное осуществление которого позволило бы приостановить или даже повернуть вспять неумолимую поступь судьбы.

Усилия, связанные с этим проектом, теперь поглощали всю энергию Мургена, и жизнь его превратилась в почти безрадостную череду сосредоточенных изысканий.

С тем, чтобы оградить себя от постороннего вмешательства, Мурген предусмотрел препятствия, удерживавшие незваных посетителей от попыток приблизиться к Свер-Смоду; кроме того, он поставил перед входом пару часовых-демонов, отпугивавших самых настойчивых нарушителей спокойствия. С тех пор коридоры и залы Свер-Смода наполнились зловещей тишиной.

Но в конце концов даже Мурген почувствовал потребность в каком-то развлечении. По этой причине он создал свое воплощение, позволявшее ему, по сути дела, вести две жизни одновременно.

Это порождение, сформулированное с пристальным вниманием к деталям, ни в коей мере не напоминало двойника Мургена ни внешностью, ни темпераментом. Возможно, различия оказались даже более существенными, чем изначально предполагал Мурген, так как характер Шимрода порой отличался непринужденностью, граничившей с легкомыслием, что само по себе не гармонировало с безрадостной атмосферой, царившей в Свер-Смоде. Мурген, тем не менее, привязался к отпрыску и обучил его как навыкам повседневного существования, так и тайнам магического искусства.

Спустя несколько лет Шимрод соскучился и, с благословения Мургена, с легким сердцем покинул Свер-Смод. Довольно долго Шимрод бродяжничал по Старейшим островам, иногда

прикидываясь крестьянским увальнем, но чаще изображая из себя рыцаря, странствующего в поисках романтических приключений.

В конечном счете Шимрод слегка остепенился и поселился в усадьбе под наименованием Трильда на лугу Лалы, в нескольких милях от Тантревальского леса.

Тем временем ска, укрепившиеся на Скагане, наращивали и совершенствовали военную машину. Стремясь к расширению жизненного пространства, они вторглись в Северную и Южную Ульфляндию, но им нанес сокрушительное поражение Эйлас, галантный молодой король Тройсинета, в результате присоединивший к своим владениям всю Ульфляндию – к бесконечному раздражению Казмира, короля Лионесса.

Не считая учеников и новичков, на Старейших островах оставались в живых не больше дюжины настоящих чародеев. В числе самых выдающихся можно было назвать Байбалидеса из Ламнета, Нумика, Миоландера, некроманта Триптомологиуса, Кондуа из Конда, Северина Звездочета и Тиффа из Троага. Многим другим в последнее время пришлось тем или иным образом закончить существование – что само по себе свидетельствовало о небезопасности избранной ими профессии. Ведьма Десмёй по неизвестным причинам растворилась в воздухе в процессе порождения Фода Карфилиота и Меланкте. Тамурелло также проявил непредусмотрительность; отныне, превращенный Мургенем в скелет горностая, он отбывал пожизненное заключение в пузатой склянке, подвешенной в большом зале Свер-Смода. Скелет, с трудом помещавшийся в тесном сосуде, скорчился, просунув череп между двумя задранными берцовыми костями; маленькие черные глазницы впивались невидящим взором в каждого, кто проходил мимо, с первого взгляда внушая безошибочное ощущение опасности, исходящее из этого сосредоточения безудержной жажды мщения.

2

Самой удаленной провинцией Даота, так называемыми Топями, правил Кларактус, герцог Даотских Топей и Фер-Акилы, чей гордый титул давно уже звучал напыщенно и преувеличенно, так как древнее герцогство Фер-Акила, захваченное кельтами, ныне именовалось Годелийским королевством. Малонаселенные предгорные Топи не могли похвастаться плодородием; единственным торговым центром в этих местах был ярмарочный городок Бланитц. Крестьяне на редких фермах выращивали ячмень и выпасали овец; в нескольких полуразвалившихся замках обедневшая знать прозябала в условиях, немногим отличавшихся от существования фермеров – их утешали только понятия о чести и приверженности традициям рыцарской доблести. Им чаще приходилось утолять голод кашей, нежели мясом; сквозняки продували пустынные залы их цитаделей, заставляя колыхаться языки пламени смоляных факелов, вставленных в укрепленные на стенах чугунные подставки, а по ночам призраки бродили по коридорам, вздыхая о давно забытых трагедиях.

Западную окраину Топей занимала обширная пустошь, поросшая лишь терновником, чертополохом, бурой осокой и разбросанными группами чахлах темных кипарисов. Пустошь эта, известная под наименованием Равнины Теней, граничила на юге с зарослями кустарника, окаймлявшими Тантревальский лес, на севере переходила в Рябую Трясину, а на западе упиралась в Дальний Данн – эскарп протяженностью восемьдесят миль и высотой, как правило, не меньше трехсот футов, за которым начинались горные луга Северной Ульфляндии. Единственная дорога с болотистой равнины на альпийские луга поднималась по расщелине эскарпа. С незапамятных времен в этой расщелине была устроена крепость, закупорившая просвет тяжелыми каменными блоками, потемневшими от времени и напоминавшими почти однородное включение в поверхности утеса. С равнины в крепость можно было попасть только через узкий проход, закрытый подъемной решеткой, а высоко над входом тянулся ряд парапетов, защищавших выбитую в скале нишу – террасу крепости. Данайцы нарекли эту крепость «Поэлитетц» – что означало «неприступная» на их забытом наречии; действительно, Поэлитетц никогда никому не удавалось взять штурмом в лоб. Король Тройсинета Эйлас атаковал ее с тыла и заставил ска покинуть этот форт, отмечавший восточные пределы их проникновения на Хайбрас.

Теперь Эйлас стоял у парапета террасы Поэлитетца с сыном, Друном, и обзревал Равнину Теней. Солнце стояло почти в зените ясного голубого неба – сегодня по равнине не бежали тени облаков, благодаря которым, скорее всего, она и получила свое название. Когда они стояли плечом к плечу, сходство Эйласа и Друна нельзя было не заметить – худощавые и широкоплечие, оба отличались выносливостью и ловкостью, присущими людям скорее жилистым, нежели мускулистым. Будучи среднего роста, отец и сын выделялись правильно черт лица, серыми глазами и светлыми коричневатыми волосами. Друн вел себя неприужденнее Эйласа – в его манерах можно было заметить признаки тщательно сдерживаемого желания покрасоваться, сочетавшиеся с некоторой склонностью к беспечному удалству – качества вполне привлекательные постольку, поскольку они проявлялись с сознательной умеренностью. Король Эйлас, отягощенный сотнями докучливых обязанностей, выглядел более спокойным и задумчивым. Его положение требовало, чтобы он постоянно скрывал естественные побуждения и их страстную настойчивость под маской безразличной вежливости, и Эйлас уже привык носить эту маску практически в любых обстоятельствах. Сходным образом, Эйлас обычно предпочитал проявлять мягкость, граничившую с застенчивостью, чтобы не тревожить и не подавлять подданных доходившим до экстравагантной дерзости упрямством, позволявшим ему доводить до конца осуществление далеко идущих замыслов. В фехтовании ему почти

не было равных; когда он этого хотел, пронизательностью и остроумием он блистал не хуже, чем танцующим острием меча – но эти сполохи прорывались внезапно, подобно снопам солнечного света в разрывах между тучами. В такие минуты лицо Эйласа оживлялось, и он казался таким же молодым и жизнерадостным, как Друн.

Многие из тех, кто впервые видел Эйласа и Друна вместе, принимали их за братьев. Когда приезжим объясняли, в чем состояла их ошибка, они удивлялись тому, насколько рано у Эйласа появился наследник. Объяснением этому странному наблюдению служил тот факт, что в младенческом возрасте Друна похитили феи, и он провел детство в Щекотной обители. Сколько лет он прожил в компании эльфов и фей – восемь, девять, десять? Никто не мог сказать наверняка. За все это время в мире людей прошел всего лишь один год. По нескольким убедительным причинам, однако, эти обстоятельства воспитания Друна хранились в тайне – несмотря на всевозможные предположения и слухи.

Итак, король и принц стояли у парапета, ожидая приближения тех, с кем они приехали встретиться. Эйлас не мог не вспомнить о давно минувших днях: «Здесь я всегда не в своей тарелке; в Поэлитетце даже воздух напряжен отчаянием».

Друн взглянул по сторонам – в ярком солнечном свете терраса крепости выглядела достаточно безобидно: «Это древние укрепления. Надо полагать, они пропитались потом и кровью, а это вызывает подавленность».

«Значит, тебя тоже беспокоит здешний воздух?»

«Не сказал бы, – признался Друн. – Наверное, мне не хватает чувствительности».

Улыбнувшись, Эйлас покачал головой: «Все очень просто – тебя никто не приводил сюда рабом. Я ходил по этим каменным плитам с цепью на шее. До сих пор помню ее вес; помню, как она глухо позвякивала. Я мог бы даже найти в точности то место, где я когда-то стоял и смотрел на Равнину Теней. О, я был в полном отчаянии, в безнадежном отчаянии!»

Друн неловко усмехнулся: «Что было, то прошло – что еще я могу сказать? Сегодня тебе следовало бы радоваться – ты более чем рассчитался со своими обидчиками».

Эйлас рассмеялся: «Ты прав! Торжество с примесью ужаса – ложка дегтя в бочке меда!»

«Гм! – поднял бровь Друн. – Трудно представить себе такое ощущение».

Эйлас повернулся и прислонился к высокому парапету, опираясь на локти: «Я часто думаю о том, чем сиюминутное отличается от того, что уже было, и от того, что еще будет. Никогда не слышал разумного объяснения сущности времени, а сегодня мне от этих мыслей особенно не по себе». Эйлас указал на что-то внизу, на равнине: «Видишь маленький холмик, поросший кустами? Ска заставляли нас копать подземный ход – целый туннель, чтобы по нему можно было вести лошадей – и туннель должен был кончаться у того холмика. По окончании работ бригаду землекопов собирались убить, чтобы сохранить в тайне существование подземного хода. Однажды ночью мы выкопали лаз на поверхность и сбежали – только поэтому я сегодня жив».

«А туннель? Его закончили?»

«Может быть. Мне никогда не приходило в голову проверить».

Друн протянул руку: «На равнине всадники – рыцари, судя по отблескам стали».

«Они не слишком пунктуальны, – сказал Эйлас. – Немаловажный признак».

Кавалькада приближалась с неспешной целеустремленностью – в ней уже можно было различить две дюжины всадников. Впереди, на гарцующем белом коне, красовался герольд в шлеме, кирасе и наколенниках. На коне герольда была розовая с серым попона, а в руке он держал хоругвь с тремя белыми единорогами на зеленом поле – гербом Даота. Сразу за ним ехали еще три герольда, с другими штандартами. За герольдами с достоинством держались поодаль три рыцаря, тоже в легких доспехах и в атласных плащах – черном, темно-зеленом и бледно-синем. За рыцарями следовали шестнадцать оруженосцев – у каждого в руке было высоко поднятое копьё с плещущим на ветру зеленым вымпелом.

«Несмотря на дальний путь, они выглядят, как парадная процессия», – заметил Друн.
«Таково их намерение, – кивнул Эйлас. – Тоже немаловажный признак».

«Признак чего?»

«А! Значение таких вещей легче всего определяется задним числом! Сейчас можно сказать только то, что они опоздали, но позаботились устроить из своего приезда целое событие. Это противоречивые факторы – их придется истолковывать человеку похитрее меня».

«А ты уже знаешь этих рыцарей?»

«Розовый с серым – цвета герцога Кларактуса. Мне известна его репутация. Справа его сопровождает, судя по штандарту, владелец замка Сиррок, то есть сэр Виттес. А слева...»
Эйлас повернулся и подозвал стоявшего в нескольких шагах герольда Дирдри: «Кто к нам едет?»

«Передняя хоругвь – знамя короля Одри; значит, они прибыли по поручению короля. За ней штандарты Кларактуса, герцога Даотских Топей и Фер-Акилы. С ним едут сэр Виттес, владетель Харна и цитадели Сиррок, а также сэр Агвид из Гила. Оба – потомки древней знати с влиятельными связями».

«Выйди на равнину, – сказал Эйлас. – Встреть их по всем правилам и спроси, с какой целью они прибыли. Если они ответят не слишком вызывающе, я приму их в парадном зале. Если они позволят себе дерзости или угрозы, попроси их подождать и передай мне их сообщение».

Дирдри поспешно спустился с террасы. Уже через несколько секунд решетка поднялась над узким входом Поэлитетца, и герольд, в сопровождении двух оруженосцев, выехал на дорогу под крепостью. Все трое оседлали вороных коней с простой черной упряжью. Дирдри держал в руке королевский штандарт Эйласа: пять белых дельфинов на темно-синем фоне. Оруженосцы везли знамена, разделенные на четыре поля с гербами Тройсинета, Дассинета, Сколы и Ульфляндии. Они отъехали от крепости шагов на двести, после чего придержали лошадей и стали ожидать гостей под яркими лучами солнца; по сравнению с нависшей над ними громадой эскарпа и крепости их фигуры казались маленькими.

Даотская кавалькада остановилась, не доезжая сто шагов до герольда Эйласа. Примерно минуту обе стороны сохраняли неподвижность, после чего даотский герольд на белом коне выехал вперед. Натянув поводья, он остановил коня в десяти шагах напротив Дирдри.

Наблюдая с парапета, Эйлас и Друн видели, как даотский герольд зачитал послание, продиктованное герцогом Кларактусом. Дирдри выслушал сообщение, коротко ответил, повернулся и заехал обратно в крепость. Вскоре он появился на террасе и отчитался о встрече.

«Герцог Кларактус приветствует ваше величество. Король Одри поручил ему передать вашему величеству следующее: „Учитывая традиционные дружественные связи между Тройсинетом и Даотом, король Одри выражает пожелание, чтобы король Эйлас прекратил вторжение на территорию Даота в кратчайшие возможные сроки и отступил к общепризнанной границе Ульфляндии. Выполнив это пожелание, король Эйлас тем самым устранил причину беспокойства, омрачающего взаимоотношения между двумя королевствами, и подтвердит свое намерение продолжать их мирное сосуществование“. От себя герцог Кларактус посмел добавить, что хотел бы проехать в крепость вместе с сопровождающим его отрядом, чтобы они могли незамедлительно занять Поэлитетц, как того требует их долг, в соответствии со своим законным правом».

«Вернись к даотам, – приказал Эйлас. – Сообщи герцогу Кларактусу, что он может захватить в крепость в сопровождении не более чем двух оруженосцев, и что я предоставлю ему аудиенцию. После чего проводи его в нижний парадный зал».

Дирдри снова удалился. Эйлас и Друн спустились в нижний парадный зал – не очень большое полутемное помещение, вырубленное в толще скалы. Узкая амбразура позволяла обо-

зреть равнину; проход соединял этот зал с балконом в пятидесяти футах над внутренним двором крепости.

Согласно указаниям Эйласа, Друн остался в прихожей перед парадным залом и ожидал даотских делегатов.

Герцог Кларактус прибыл, не задерживаясь, вместе с сэром Виттесом и сэром Агвидом. Тяжело ступая, Кларактус зашел в прихожую – высокий черноволосый человек мощного телосложения с суровым, грубым лицом, коротко подстриженной бородой и строгими черными глазами. На голове Кларактуса был стальной боевой шлем; он носил зеленый бархатный плащ поверх кольчуги и не расставался с висевшим на поясе мечом. Его спутники, сэр Виттес и сэр Агвид, были защищены и вооружены сходным образом.

Друн обратился к герцогу: «Ваше высочество! Я – Друн, наследный принц. Королевская аудиенция будет носить неофициальный характер, в связи с чем в демонстрации оружия нет необходимости. Вы можете сложить шлемы и мечи на столе, как того требуют общепринятые рыцарские правила».

Герцог Кларактус слегка покачал головой: «Мы не просим аудиенции у короля Эйласа – это подобало бы делать только на территории его государства. В настоящее время король – посетитель даотского герцогства, и сувереном этого герцогства являюсь я. Таким образом, мой титул преобладает, и протокол должен определяться ситуацией. Я рассматриваю эту встречу как военные переговоры, а участники военных переговоров не разоружаются. Проведите нас к королю».

Друн вежливо отказался: «В таком случае я оглашу сообщение короля Эйласа, после чего вы можете вернуться к своему отряду без дальнейших церемоний. Слушайте внимательно, потому что вам надлежит передать это сообщение королю Одри, слово в слово:

«Король Эйлас обращает внимание на тот факт, что ска занимали Поэлитетц на протяжении десяти лет. Кроме того, ска контролировали земли выше Дальнего Данна. Все эти годы они не сталкивались ни с дипломатическими протестами, ни с каким-либо вооруженным сопротивлением со стороны короля Одри, вашего высочества или какого-либо другого представителя интересов Даота. В соответствии с нормами общего права, применимыми в случаях распоряжения неволевым имуществом, ска, в результате своих действий и отсутствия противодействия со стороны Даота, приобрели неоспоримое право собственности на Поэлитетц, а также на земли выше Дальнего Данна.

Через некоторое время ульфская армия под предводительством короля Эйласа нанесла поражение ска, изгнала их с Хайбраса и приобрела их собственность силой оружия. Следовательно, эта собственность теперь присоединена к территории королевства Северной Ульфландии, законно и полноправно. С учетом исторических прецедентов и практических правовых норм эти факты неоспоримы».

Перед тем, как ответить, Кларактус сделал длительную паузу, впевнив тяжелый взгляд в лицо невозмутимо стоявшего Друна: «Молодым петушкам негоже громко кукарекать».

«Ваше высочество, я не более чем передаю вам слова короля Эйласа. Помимо того, что уже сказано, следует учитывать еще одно обстоятельство».

«И в чем оно заключается?»

«Дальний Данн очевидно служит естественной границей между Даотом и Северной Ульфландией. Оборонительные возможности Поэлитетца ничего не значат для Даота, но для королевств Северной и Южной Ульфландии они чрезвычайно важны в случае нападения с востока».

Кларактус хрипло рассмеялся: «Особенно если нападут даотские армии, не так ли? И тогда мы горько пожалеем о том, что вовремя не потребовали вернуть нашу территорию. Поэтому мы и приехали – предъявить такое требование».

«В удовлетворении вашего требования отказано, – сдержанно ответил Друн. – Можно было бы добавить, что беспокойство у нас вызывают не даотские армии – несмотря на то, что их доблесть не вызывает сомнений – а намерения короля Казмира Лионесского, практически их не скрывающего».

«Если Казмир посмеет переступить границу Даота хоть на шаг, его постигнет катастрофа! – заявил Кларактус. – Мы будем гнать его вдоль Старой дороги до самого Прощального мыса, и там изрубим в лапшу его самого и всех его оставшихся солдат».

«Ваши слова внушают уверенность! – отозвался Друн. – Не премину передать их отцу. Так что будьте добры поставить короля Одри в известность о том, что Поэлитетц и Дальний Данн отныне принадлежат Северной Ульфляндии. У него нет никаких оснований опасаться нападения с запада, теперь он может сосредоточить все внимание на борьбе с разбойниками-кельтами, причиняющими ему столько неприятностей в Визроде».

«Чепуха!» – пробормотал Кларактус, не будучи способен сделать более осмысленное замечание.

Друн поклонился: «Вы выслушали сообщение короля Эйласа. Мне больше нечего сказать, и я разрешаю вам удалиться».

Герцог Кларактус ответил гневным взглядом, развернулся на каблуках, знаком приказал спутникам следовать за ним и покинул прихожую.

Глядя в амбразуру, Эйлас и Друн наблюдали за тем, как отряд всадников удалялся по Равнине Теней. «Одри отличается склонностью к праздному времяпровождению и, говорят, даже некоторой забывчивостью, – задумчиво сказал Эйлас. – Рано или поздно он вполне может решить, что его честь в данном случае не пострадала. Надеюсь, что это так – нам не нужны лишние враги. Королю Одри, между прочим, они тоже не нужны».

3

В далекие времена данайских вторжений Аваллон был укрепленным рыночным городом у самого устья Камбера, достопримечательным лишь благодаря множеству башенок, украшавших его стены.

От данайцев остались одни легенды – высокие чужеземцы с карими глазами, предпочитавшие сражаться нагими и не носившие никаких доспехов, кроме бронзовых шлемов, поблекли и растворились в тумане прошлого. Стены Аваллона потемнели и местами просели; башенки, поросшие лишайником и плющом, защищали теперь только летучих мышей и сов, но Аваллон продолжали величать «городом высоких башен».

Перед тем, как наступили Смутные времена, Олам Третий объявил Аваллон своей столицей и, затратив сумасшедшие деньги, превратил Фалу-Файль в самый великолепный дворец на Старейших островах. Наследники не уступали Оламу в любви к роскоши, и каждый старался перещеголять предков богатством отделки новых интерьеров и пристроек королевского жилища.

Заполучив корону, Одри Второй принялся украшать и совершенствовать дворцовые сады. Он приказал устроить шесть фонтанов, испускавших по девятнадцать струй, окружив их бассейны дорожками и скамьями с мягкой обивкой. Придворных, идущих из дворца по центральной аллее, теперь встречали улыбками тридцать мраморных нимф и фавнов, а в самом конце аллеи виднелась круглая арочная беседка с куполом, где музыканты исполняли нежно трепещущие мелодии с рассвета до заката, а иногда и при лунном свете. Целое поле белых роз соседствовало с таким же пространством, пламенеющим красными розами; ряды лимонных деревьев, подстриженных в форме шаров, окаймляли прямоугольные газоны, где король Одри любил прогуливаться с фаворитами и фаворитками.

Но Фалу-Файль был знаменит не столько садами, сколько экстравагантной пышностью бесчисленных процессий и карнавалов. Всевозможные развлечения – балы-маскарады, празднества, зрелища – следовали одно за другим почти непрерывной чередой, и каждое казалось изобретательнее и расточительнее предыдущего. Галантные кавалеры и надменные красавицы толпились в залах и теснились на галереях в чудесных модных нарядах необыкновенной сложности; каждый внимательно оценивал других, в то же время пытаясь угадать, какое впечатление производит его тщательно продуманная внешность. Все стороны жизни здесь мелодраматически преувеличивались, каждое мгновение, преисполненное упоительной многозначительностью, становилось вязким и сладостным, как мед.

Только в Фалу-Файле умели так изысканно выражаться, только в Фалу-Файле демонстрировалось такое изящество манер. Воздух дрожал от бесчисленных разговоров вполголоса; за каждой дамой следовало дуновение аромата – жасмина, гвоздики с привкусом апельсина, сандалового дерева или розового масла. В полутемных салонах обнимались любовники – иные тайно, другие открыто. Почти ничто, однако, не оставалось незамеченным, и каждое происшествие, забавное, нелепое или жалкое – либо жалкое, нелепое и забавное одновременно – становилось пищей для сплетен.

Во дворце Фалу-Файль интрига была вопросом жизни и смерти. Под покровом блестящей парчи и сверкающих улыбок открывались темные глубины страстей и разбитых сердец, зависти и ненависти. В бледных лучах рассвета фехтовали дуэлянты, под безразличными взорами звезд совершались убийства, сплошь и рядом случались таинственные исчезновения, а когда поведение придворных становилось слишком неосмотрительным, они подвергались изгнанию по приказу короля.

В общем и в целом правление Одри отличалось мягкостью – хотя бы потому, что всеми судебными делами вместо короля занимался вдумчивый канцлер, сэр Намиас. Тем не менее,

сидя на древнем троне Эвандиге с золотой короной на голове, облаченный в алую мантию, Одри казался воплощением благосклонного величия. Его внешность способствовала созданию впечатления царственности. Несмотря на то, что Одри раздался в бедрах и нарастил животик, он был высок и выглядел импозантно в роскошном костюме. Блестящие черные колечки завитых волос обрамляли его бледные щеки, а пухлую верхнюю губу украшали безукоризненно напомаженные черные усы; карие глаза под выразительными черными бровями, большие и влажные, были слишком узко посажены по сторонам длинного презрительного носа.

Королева Дафнида, урожденная принцесса Уэльская, была на пару лет старше Одри и успела родить ему трех сыновей и трех дочерей, но в последнее время не вызывала у царственного супруга никакого влечения. Дафниду это обстоятельство не огорчало: постельные проказы Одри ее мало интересовали, а ее собственные запросы вполне удовлетворяли три рослых лакея. Одри, все еще недовольный таким положением дел, высокомерно хмурился, проходя по галерее мимо вышеупомянутых лакеев.

В хорошую погоду Одри часто предпочитал неторопливо завтракать в отгороженной исключительно для него части дворцового сада, посреди большого квадратного газона. Завтраки носили неофициальный характер, и компанию королю составляли лишь несколько особо приближенных подхалимов.

Незадолго до завершения одного из таких завтраков сенешаль короля Одри, сэр Трамадор, приблизился, чтобы объявить о прибытии Кларактуса, герцога Даотских Топей и Фер-Акилы, просившего предоставить ему аудиенцию в ближайшее время.

Одри выслушал сенешаля с гримасой раздражения – срочные дела почти никогда не бывали приятными; напротив, чаще всего они требовали многочасового обсуждения тягостных и, как правило, неразрешимых проблем.

Сэр Трамадор ожидал ответа с нежнейшей улыбкой на устах, наблюдая за тем, как его величество преодолевал себя, вынужденный сделать усилие. Наконец Одри с разочарованным стоном отодвинул блюдо и поиграл в воздухе белыми пальцами: «Приведите Кларактуса – уж лучше принять его сразу, чтобы покончить с этим поскорее».

Сэр Трамадор удалился, слегка удивленный необычной деловитостью короля. Через пять минут он вернулся и вежливо пропустил перед собой герцога Кларактуса. Суровый повелитель Даотских Топей промаршировал по газону в пыльной и грязной одежде – он только что проделал немалый путь в седле – и поклонился королю: «Государь, прошу меня извинить! Я пренебрег этикетом, чтобы отчитаться перед вами как можно скорее. Вчера я ночевал в Вервийской Гати и успел прибыть в Аваллон сегодня, поднявшись ни свет ни заря».

«Похвальное рвение! – заявил Одри. – Если бы каждый служил мне с таким прилежанием, мне было бы не на что пожаловаться. Значит, вы привезли, надо полагать, важные новости?»

«Об этом, государь, можете судить только вы. Следует ли мне продолжать?»

Одри указал на кресло: «Садитесь, Кларактус! Насколько я понимаю, вы уже знакомы с сэром Гюнемером, сэром Арчемом и сэром Рудо?»

Покосившись на трех придворных, Кларактус сухо кивнул: «Я их заметил, когда приезжал в Фалу-Файль в прошлый раз; они изображали какой-то фарс, нарядившись арлекинами или клоунами – что-то в этом роде».

«Ничего такого не помню!» – чопорно отозвался сэр Гюнемер.

«Неважно, – обронил Одри. – Какие новости вы привезли? Надеюсь, они исправят мое настроение».

Кларактус отозвался резким смешком: «Если бы это было так, государь, я не останавливался бы на ночь. Новости неутешительны. В соответствии с вашими указаниями, я провел переговоры с королем Эйласом в Поэлитетце. Меня впустили в крепость. Я выразил вашу точку зрения, не уклонившись ни на йоту. Мне ответили вежливо, но не по существу дела.

Король Эйлас не намерен уступать ни Поэлитетц, ни земли поверх Дальнего Данна. Он утверждает, что освободил их от ска силой оружия после того, как ска отвоевали их у даотского королевства. Он указал на то, что ска пользовались крепостью и территорией за эскарпом безнаказанно, не встречая никакого сопротивления со стороны ваших армий. Таким образом, заявляет король Эйлас, законное право собственности на эту крепость и на эти земли перешло к нему, как к королю Северной Ульфляндии».

Одри пронзительно выругался: «Сарсиканте! А мои права уже ничего не значат? Он меня ни во что не ставит! Ни достоинство Даота, ни мощь даотских армий уже не вызывают никакого уважения?»

«Не совсем так, государь! Я не хотел бы создавать ложное впечатление. Мне отвечали с уважением, не употребляя вызывающие выражения. Король Эйлас пояснил, что охраняет Ульфляндию не от Даота, а от возможности нападения со стороны короля Казмира – что, по его мнению, общеизвестно».

«Отговорки! – отрезал Одри. – Все это притянута за уши! Каким образом Казмир оказался бы на Равнине Теней, не столкнувшись по пути с превосходящими силами Даота?»

«Король Эйлас считает, что такую возможность не следует игнорировать, хотя она маловероятна. Так или иначе, главным образом он обосновывает свою позицию первым аргументом, утверждая, что владеет нашими землями по праву завоевателя».

«Поверхностный аргумент, вводящий в заблуждение! – презрительно воскликнул сэр Рудо. – Он принимает нас за деревенских дураков? Границы Даота освящены многовековыми традициями, они нерушимы!»

«Совершенно верно! – поддержал сэр Арчем. – Ска можно рассматривать исключительно как временных оккупантов, не более того!»

Одри нетерпеливо махнул рукой, заставив приближенных замолчать: «Все не так просто! Мне придется подумать. Тем временем, Кларактус, не желаете ли позавтракать? Состояние вашего костюма несколько противоречит этикету, но в данном случае было бы бессовестно вас в чем-либо обвинять».

«Благодарю вас, государь, я зверски проголодался».

Завязался разговор на более приятные темы, но атмосфера безмятежного завтрака была необратимо испорчена, и в конце концов сэр Гюнемер снова осудил, в самых безапелляционных выражениях, провокационное поведение короля Эйласа. Сэр Рудо и сэр Арчем безоговорочно поддержали его, рекомендуя строго проучить «тройского выскочку» и поставить на место «неоперившегося юнца».

Одри с тяжелым вздохом откинулся на спинку кресла: «Все это хорошо и замечательно! Любопытно было бы знать, однако, каким образом мы могли бы проучить Эйласа».

«Ага! Если мы отправим в Топи несколько хорошо вооруженных дивизий и тем самым дадим ему понять, что намерены силой добиться возвращения наших земель, Эйлас сразу запоеет по-другому!»

Одри погладил подбородок: «Вы считаете, он уступит перед лицом такой демонстрации решительности?»

«Посмеет ли он бросить вызов превосходящим силам Даота?»

«Что, если Эйлас, движимый безрассудной горячностью, откажется отступить?»

«Тогда герцог Кларактус нанесет ему такой удар, что недоросль Эйлас и все его ульфское отродье разбегутся по горным лугам и попрячутся в норы, как зайцы, завидевшие тень орла!»

Кларактус поднял руку: «Скромность не позволяет мне брать на себя такой славный подвиг. Вы предложили кампанию – значит, только вам принадлежит честь ее возглавить».

Бросив быстрый взгляд на Кларактуса, сэр Гюнемер холодно поднял брови и внес поправку в свои рекомендации: «Государь, я всего лишь представил на ваше рассмотрение вариант, заслуживающий изучения».

Одри повернулся к Кларактусу: «Насколько я знаю, Поэлитетц считается неприступной крепостью?»

«Таково общепринятое мнение».

Сэр Рудо скептически хмыкнул: «Справедливость этого мнения никогда не проверялась на практике – хотя предрассудки успешно предохраняли Поэлитетц от нападения на протяжении многих поколений».

Кларактус мрачно улыбнулся: «Как вы собираетесь атаковать отвесный утес?»

«Решетку входа в крепость можно разнести в щепы тараном!»

«Зачем прилагать такие усилия? По вашей просьбе защитники крепости будут рады поднять решетку. Когда на тесном внутреннем дворе соберется сотня-другая благородных рыцарей, решетку опустят, а пленников не торопясь расстреляют из арбалетов».

«Тогда придется взобраться на Дальний Данн!»

«Не очень удобно карабкаться на отвесный утес, когда тебе на голову сбрасывают камни».

Сэр Рудо надменно смерил Кларактуса взглядом с головы до ног: «Неужели вы не можете предложить ничего, кроме мрачных предсказаний провала и поражения? Король ясно выразил свои пожелания – тем не менее, вы отвергаете любые варианты, призванные удовлетворить его величество!»

«Ваши планы практически неосуществимы, – ответил герцог. – Их невозможно рассматривать всерьез».

Сэр Арчем ударил кулаком по столу: «Тем не менее, рыцарская честь не позволяет нам оставить без ответа наглое вторжение в наши пределы!»

Кларактус повернулся к королю: «Должен поздравить вас, государь, с тем, что вас окружают люди, беззаветно преданные защите ваших интересов! Кто может устоять перед их благородной яростью? Напустите их на визродских кельтов, причиняющих вам в последнее время столько головной боли!»

Сэр Гюнемер тихо зарычал: «Кельты не имеют отношения к обсуждаемому вопросу».

Король Одри глубоко вздохнул и надул щеки, растопырив черные усы: «По правде говоря, визродские кампании не принесли нам ни славы, ни удовлетворения».

Гюнемер стал говорить быстро и серьезно: «Государь, в Визроде мы столкнулись со множеством затруднений! Быдло прячется за каждым кустом, за каждой болотной кочкой; как только мы пытаемся взять их в окружение, они растворяются в горных туманах, а потом набрасываются на нас с тыла с оглушительными воплями и сумасшедшими кельтскими проклятиями – что, естественно, приводит солдат в замешательство».

Герцог Кларактус громко рассмеялся: «Лучше бы вы муштровали солдат не на парадных плацах, а в боевых условиях – может быть, тогда они не стали бы делать в штаны, услышав проклятия из тумана».

Сэр Гюнемер выругался: «Дьявольщина! Что вы себе позволяете, герцог? Никто еще не насмехался над моей службой королю!»

«Я тоже возмущен! – заявил сэр Рудо. – Что такое кельты? Мелкая неприятность! Мы скоро с ними покончим».

Король Одри поморщился и громко хлопнул в ладоши: «Успокойтесь, замолчите! В моем присутствии не должно быть никаких ссор!»

Герцог Кларактус поднялся на ноги: «Ваше величество, мне пришлось прибегнуть к нелюбимым выражениям, чтобы довести до вашего сведения действительное положение вещей, не пытаясь его приукрасить. Теперь, с вашего позволения, я хотел бы освежиться и отдохнуть».

«Разумеется, мой верный Кларактус! Надеюсь, вы присоединитесь к нам за ужином?»

«Сочту за честь, ваше величество».

Кларактус удалился. Сэр Арчем провожал его взглядом, пока он шествовал по газону, после чего, неодобрительно хрюкнув, повернулся к собеседникам: «До чего неприятный субъект!»

«Верный вассал, отважный в бою, как разъяренный кабан – в этом невозможно сомневаться, – заявил сэр Рудо. – Но, как большинство провинциалов, он за деревьями не видит леса».

«Провинциал? Если бы только! – возразил сэр Гюнемер. – Неотесанный мужлан, недостойный своего титула! От его плаща воняет, как от подстилки в хлеву! А как он себя ведет? В Фалу-Файле так выражаются только конюхи!»

«По-видимому, эти свойства взаимосвязаны и, вероятно, происходят из одного источника, что заставляет усомниться в чистоте его происхождения», – задумчиво сказал сэр Рудо. Помолчав, он осторожно спросил короля: «А какого мнения придерживается ваше величество?»

Одри ответил не сразу: «Над всем этим придется поразмышлять. Такого рода решения нельзя принимать скоропалительно».

К столу на газоне приблизился сэр Трамадор. Наклонившись, он прошептал королю на ухо: «Государь, вам пора переодеться. Мантия приготовлена».

«Это еще зачем?» – жалобно воскликнул Одри.

«Осмелюсь напомнить вашему величеству, что сегодня вам предстоит председательствовать в суде».

Одри укоризненно взглянул в глаза сенешалю: «Вы уверены?»

«Совершенно уверен, государь! Участники тяжбы уже собираются во Внешней палате».

Одри нахмурился и вздохнул: «Значит, теперь мне придется ковыряться в чужих глупостях, в алчных претензиях, во всей этой ерунде, до которой мне нет никакого дела! В суде у меня от скуки сводит скулы и в глазах темнеет! Трамадор, у вас есть хоть капля сострадания? Как только мне удастся на минутку передохнуть, вы снова начинаете мне докучать!»

«Сожалею, что возникла такая необходимость, ваше величество».

«Ха! Что ж, закон есть закон! Каждый вынужден выполнять свой долг – похоже на то, что мне уже не отвертеться».

«К сожалению это так, ваше величество. Где вы предпочитаете вершить правосудие – в Тронном зале⁴ или в Старой приемной?»

Одри задумался: «Какие дела предстоит решать?»

Сэр Трамадор передал королю пергаментный свиток: «Вот перечень, ваше величество, снабженный примечаниями и выводами секретаря суда. Как вы можете видеть, требуется повесить одного грабителя и высечь трактирщика, разбавлявшего вино. Более существенных дел, кажется, не предвидится».

«Да-да. Пойдемте в Старую приемную. Никогда не чувствую себя в своей тарелке, сидя на Эвандиге. Мне кажется, что он подо мной вздрагивает и ерзает – необычное ощущение, вы не находите?»

«Несомненно, ваше величество!»

Судебные разбирательства скоро закончились. Одри вернулся в частные апартаменты, где слуги переодели его в костюм, приличествовавший королю после полудня. Одри, однако, не торопился выходить к придворным. Отпустив слуг, он опустился в кресло и глубоко задумался – герцог Кларактус поставил его в трудное положение.

Помышлять о том, чтобы взять Поэлитетц штурмом, было, разумеется, нелепо. Вооруженное столкновение с королем Эйласом пошло бы на пользу только Казмиру Лионесскому.

⁴ Тронный зал именовали также «Залом героев»; в нем стояли священный трон Эвандиг и Круглый стол, Карбра-ан-Медан.

Одри поднялся на ноги и принялся расхаживать из угла в угол, опустив голову и заложив руки за спину. Учитывая все обстоятельства, невозможно было не признать, что Эйлас всего лишь заставил его непредвзято смотреть в глаза действительности – такой, какова она есть. Даот подвергнулся опасности, но она исходила не из Ульфляндии и не из Тройсинета; она исходила из Лионесса.

Кларактус не только привез плохие вести, но и сумел намекнуть на некоторые неприятные аспекты положения вещей, которые Одри предпочитал игнорировать. Даотские солдаты красиво маршировали в парадных униформах, но даже Одри понимал, что их способность успешно воевать оставляла желать лучшего.

Одри вздохнул. Для устранения возникших проблем требовались меры столь решительные, что одна мысль о них заставляла его воображение судорожно смыкаться подобно прикосновению к чувствительным усикам венеиной мухоловки.

Король Одри раздраженно воздел руки и потряс ими. Все должно быть хорошо – иначе не может быть! Если проблему можно игнорировать, значит, она не заслуживает внимания. Вполне разумный принцип: любой сошел бы с ума, пытаясь исправить все недостатки Вселенной!

Восстановив таким образом некоторое равновесие духа, Одри позвал слуг. Ему на голову надели модную шляпу с тульей набекрень и пунцовым плюмажем. Король Одри надул щеки, распустил усы и вышел из апартаментов.

4

Лионесское королевство простиралось по всему Южному Хайбрасу от Кантабрийского залива до Прощального мыса, смотревшего в Атлантический океан. В замке Хайдион на окраине города Лионесса король Казмир держал бразды правления гораздо крепче короля Одри. При дворе Казмира строго соблюдались протокол и этикет: в Хайдионе преобладала величественная торжественность, а не показная пышность.

Супруга Казмира, королева Соллас, крупная апатичная женщина, ростом почти не уступала королю. Ее красивые русые косы укладывали венками на голове; она принимала молочные ванны, чтобы поддерживать белизну нежной мягкой кожи. Сыном и наследником Казмира был надменный и франтоватый принц Кассандр; кроме того, королевскую семью пополняла принцесса Мэдук – предположительно внучка Казмира, дочь печальной принцессы Сульдрун, покончившей с собой девять лет тому назад.

Замок Хайдион возвышался над столицей Лионесса, оседлав плечо невысокого горного отрога. Снизу он казался нагромождением тяжеловесных каменных блоков, увенчанным семью башнями различных размеров и форм: башней Лападиуса,⁵ Высокой башней,⁶ Королевской башней, Западной башней, Башней Филинов, башней Палемона и Восточной башней. Громоздкая конструкция и башни придавали Хайдиону не слишком изящный, но архаично причудливый внешний вид, резко контрастировавший с утонченным великолепием фасада дворца Фалу-Файль в Аваллоне.

Сходным образом, внешность и личность короля Казмира разительно отличались от внешности и характера короля Одри. В строгом и бледнолицем, но легко красневшем Казмире, казалось, не находила выхода нетерпеливая багровая кровь. Волосы и борода Казмира были словно аккуратно сплетены из рыжевато-русых колечек-кудрей. Бледность даотского короля Одри была чуть желтоватой, сродни слоновой кости, а волосы – ярко-черными. Тяжеловатый, но не ожиревший Казмир, с мощным торсом и бычьей шеей, повелительно смотрел на мир круглыми, голубыми, как фарфор, глазами; в отличие от Одри, он никогда не раздувал ровные, тщательно выбритые щеки. Высокий и начинавший толстеть Одри старался скрывать полноту и тщательно следил за изяществом своих манер.

Ни тот, ни другой король не пренебрегал удобствами и привилегиями, подобавшими царственным особам, однако Одри постоянно окружал себя приближенными и фаворитками, тогда как Казмир никому не уделял особого внимания и не содержал любовниц. Раз в неделю Казмир величаво направлялся в спальню королевы Соллас и прилежно исполнял супружеский долг, обслуживая ее летаргическую белую тушу. В менее формальных ситуациях Казмир довольствовался мимолетным облегчением, пользуясь трепетным телом одного из смазливых мальчиков-пажей.

Если Казмир и предпочитал находиться в какой-либо компании, это была компания его шпионов и осведомителей. Агенты сообщили Казмиру об отказе Эйласа уступить Поэлитетц чуть ли не раньше, чем об этом узнал Одри. Казмир ожидал такого развития событий; тем не менее, неприятная новость вызвала у него очередной приступ ипохондрии. Рано или поздно он намеревался вторгнуться в Даот, уничтожить даотские войска и быстро воспользоваться плодами этой победы, объединив два крупнейших государства – прежде, чем Эйлас успеет этому воспрепятствовать. Тот факт, что гарнизон Эйласа засел в Поэлитетце, существенно осложнял ситуацию, так как ульфские войска теперь могли быстро подступить к Аваллону с северо-запада, совершив марш-бросок через Даотские Топи, в связи с чем исход лионесского

⁵ Башню Лападиуса называли также просто «Старой башней».

⁶ Верхнюю часть Высокой башни именовали «Орлиным гнездом».

вторжения в Даот ставился под вопрос. Таким образом, угрозу, исходившую из Поэлитетца, необходимо было устранить.

Эта идея не впервые приходила в голову Казмиру. Он уже давно пытался разжечь смуту среди ульфских баронов, надеясь, что молодой король-чужеземец не справится с охватившим страну мятежом. С этой целью Казмир нанял Торкваля – отступника-ска, промышлявшего грабежом.

Предприятие Казмира, однако, не приносило удовлетворительных плодов. При всей безжалостности и хитрости Торкваля, разбойнику не хватало дисциплины, что ограничивало его полезность. Месяц проходил за месяцем; нетерпение и недовольство Казмира все возрастали: где успехи, обещанные Торквалем? В ответ на приказы Казмира Торкваль присылал гонцов, требовавших все больше золота и серебра. Казмир уже затратил значительные суммы; при этом он подозревал, что Торкваль мог без труда обходиться без дополнительного финансирования, удовлетворяя свои нужды грабежами и не истощая королевскую казну непомерными запросами.

Казмир любил совещаться с частными осведомителями в Камере Вздохов, находившейся над так называемым Арсеналом; когда-то давно, еще до того, как построили Пеньядор, Арсенал служил дворцовой камерой пыток, а ожидавшие внимания палачей узники сидели в Камере Вздохов, где до их чувствительных ушей – по меньшей мере, так утверждали легенды – снизу доносились приглушенные вопли истязаемых.

Обстановка в Камере Вздохов, круглом помещении с голыми каменными стенами, была нарочито непритязательной: пара деревянных скамей у дощатого дубового стола, а на столе – поднос со светлой буковой флягой и четыремя вырезанными из того же дерева кружками, почему-то вызывавшими у Казмира нечто вроде привязанности.

Через неделю после получения сообщения о тупиковой ситуации в Поэлитетце помощник камергера Эшар известил Казмира о том, что курьер Робальф ожидал в Камере Вздохов возможности представить отчет его величеству.

Казмир не замедлил подняться в безрадостное помещение над Арсеналом. На одной из скамей сидел Робальф – тощий субъект с костлявой физиономией и бегающими карими глазами, редкими коричневатыми волосами и длинным горбатым носом. На нем были запылившийся в пути коричневый вельветовый костюм и остроконечная черная фетровая шапочка; увидев входящего короля, Робальф вскочил на ноги, сорвал с головы шапочку и поклонился: «Государь, к вашим услугам!»

Казмир смерил его взглядом с головы до ног, сухо кивнул и уселся за стол: «Что ты мне можешь сказать?»

Робальф ответил дрожащим от напряжения голосом: «Ваше величество, я выполнил все ваши указания, нигде не задерживаясь ни на минуту – даже для того, чтобы помочиться!»

Казмир задумчиво погладил бороду: «Надо полагать, ты научился мочиться на бегу?»

«Государь, истинного патриота отличает поспешность в выполнении долга!»

«Любопытно!» – Казмир налил вина из буковой фляги в одну из кружек. Указав на стул, он предложил: «Присаживайся, патриот Робальф – так тебе будет удобнее рассказывать».

Робальф осторожно опустил тощий зад на краешек стула: «Государь, я встретился с Торквалем в назначенном месте. Я передал ему, что он обязан явиться в Хайдион, буквально повторив ваши слова и напомнив, что это не приглашение, а королевский приказ. Я просил его немедленно собраться в путь, ожидая, что мы вместе отправимся на юг по Тромпаде».

«Как он ответил?»

«Загадочно, ваше величество. Сначала Торкваль вообще ничего не сказал – я даже усомнился, слушал ли он, пока я говорил. Но в конце концов он произнес: „Я не вернусь в Лионесс“».

«Я настойчиво умолял его образумиться, снова повторив приказ вашего величества. И тогда Торкваль наконец поручил мне передать вам его слова».

«Надо же! – проворчал Казмир. – Он соблаговолил ответить! И в чем же заключается его сообщение?»

«Должен предупредить вас, государь, что Торкваль не отличается вежливостью и пренебрегает почтительным обращением».

«Неважно. Что он сказал?» – Казмир отхлебнул вина из буковой кружки.

«Прежде всего, Торкваль просил передать его наилучшие пожелания и выразил искреннюю надежду на то, что ваше величество продолжает здравствовать. По меньшей мере, он издавал какие-то звуки, обращенные к ветру, и я истолковал их таким образом. Затем Торкваль заявил, что только опасения за свою жизнь мешают ему безотлагательно и неукоснительно выполнить указания вашего величества. При этом он попросил оказать ему срочную финансовую поддержку серебром или золотом в размерах, соответствующих его потребностям – какие, по его словам, весьма существенны».

Казмир поджал губы: «И это все, что он сказал?»

«Нет, ваше величество. Он указал, что был бы чрезвычайно рад, если бы ваше величество оказали ему такую честь и встретились с ним в месте, именуемом пиком Мука. Он подробно разъяснил маршрут, позволяющий прибыть к подножию пика Мука; если ваше величество того пожелает, я могу повторить это описание».

«Не сейчас, – Казмир повернулся на скамье, облокотившись на стол. – Возникает впечатление, что Торкваль относится к моим пожеланиям с дерзостью, граничащей с пренебрежением. А ты как думаешь?»

Робальф нахмурился и облизал пересохшие губы: «Если такова воля вашего величества, я посмею выразить свое мнение без обиняков».

«Говори, Робальф! Искренность я ценю превыше всего».

«Очень хорошо, ваше величество. Я замечаю в поведении Торквали не столько дерзость или пренебрежение, сколько безразличие в сочетании с изрядной долей мрачного юмора. Насколько я понимаю, он живет в мире, где ему одному приходится иметь дело с богиней Судьбы, лицом к лицу, а все остальные люди – включая меня и даже ваше августейшее величество – не более чем разноцветные тени, если я могу себе позволить такое красочное выражение. Короче говоря, Торкваль не ведет себя с преднамеренной наглостью – его просто-напросто несколько не беспокоят государственные проблемы, привлекающие внимание вашего величества. Сотрудничать с ним можно только на этой основе. Таково, по меньшей мере, мое понимание ситуации». Робальф покосился на короля, но неподвижное лицо Казмира не выказывало никаких эмоций.

Помолчав, Казмир произнес успокоительно мягким тоном: «Намеревается ли он служить моим интересам? Вот что важнее всего».

«Торкваль непредсказуем, – ответил Робальф. – Подозреваю, что в дальнейшем он не станет податливее, чем был до сих пор».

Казмир коротко кивнул: «Робальф, ты умеешь разбираться в людях; тебе удалось в какой-то мере прояснить несколько загадок, окружающих поступки и намерения этого бандита».

«Рад стараться, ваше величество!»

Казмир снова замолчал на несколько секунд, после чего спросил: «Сообщал ли Торкваль о каких-нибудь своих успехах или достижениях?»

«Сообщал, хотя он упомянул о них походя, словно о чем-то второстепенном. Проникнув с сообщниками в замок Глен-Гат, он умертвил барона Нольса и шестерых его сыновей. Ему удалось также устроить пожар в цитадели Мальтенг, принадлежащей барону Бан-Окку, причем в пламени пожара погибли и сам барон, и все его домочадцы. Оба барона, Нольс и Бан-Окк, были верными союзниками короля Эйласа».

Казмир хмыкнул: «Как мне недавно сообщили, уже четыре отряда Эйласа охотятся за Торквалем. Хотел бы я знать, как долго ему удастся от них скрываться!»

«Это во многом зависит от самого Торкваля, – отозвался Робальф. – Он может прятаться среди скал или в развалинах крепостей на горных лугах, и его никогда не найдут. Но если Торкваль осмелится делать дальнейшие вылазки, в один прекрасный день ему не повезет – его выследят до логова и вытащат за ушко да на солнышко».

«Не сомневаюсь, что ты прав», – сказал Казмир и постучал костяшками пальцев по столу. В помещение тут же зашел Эшар: «Что будет угодно вашему величеству?»

«Отсчитай Робальфу десять серебряных флоринов и один полновесный золотой. И устрой его поудобнее где-нибудь поблизости».

Робальф встал и поклонился: «Благодарю вас, государь». Курьер и помощник камергера удалились из Камеры Вздохов.

Казмир, погруженный в размышления, продолжал сидеть за столом. Ни поведение Торкваля, ни его предприятия нельзя было назвать удовлетворительными. Казмир поручил Торквалю восстанавливать баронов друг против друга, используя засады с переодеваниями и ложные улики, распространяя слухи и разжигая обманом клановую вражду. Грабежи, убийства и поджоги, однако, придавали Торквалю репутацию свирепого разбойника, против которого приходилось защищаться совместно, забывая о вековых предрассудках и взаимных подозрениях. Таким образом, в конечном счете преступления Торкваля объединяли баронов вместо того, чтобы сеять рознь!

Казмир крякнул от досады. Опорожнив буковую кружку, он со стуком опустил ее на стол. В последнее время ему не сопутствовала удача. Как инструмент государственной политики, Торкваль оказался капризной и даже бесполезной фигурой. Вполне вероятно, что он окончательно спятил. А Эйлас окопался в Поэлитетце, нарушая далеко идущие планы Казмира. Еще одна проблема мучительно и неотступно беспокоила Казмира: давнее предсказание Персиллиана. Пророчество, произнесенное Волшебным Зерцалом самопроизвольно, а не в ответ на вопрос, как того требовал ритуал, оставило неизгладимый отпечаток в памяти Казмира:

*Казмир! Напрасно день и ночь
Судьбу ты тщишься превозмочь:
Наследным принцем разрешится
Сульдрун, твоя шальная дочь.*

*За круглый стол, на древний трон
Вместо тебя воссядет он,
Когда судьба твоя свершится
И опустеет Хайдион.*

Казмир уже много лет пытался разгадать смысл этого предзнаменования. Поначалу оно казалось совершенно бессмысленным, так как единственным ребенком принцессы Сульдрун, судя по всему, была дочь, принцесса Мэдук. Но Казмир подозревал, что во всей этой истории что-то было не так; в конце концов ему удалось докопаться до истины – и его пессимизм оказался вполне оправданным. Сульдрун действительно родила мальчика, но фея из Щекотной обители подменила его своим отродьем, девочкой-полукровкой. Таким образом, король Казмир и королева Соллас, ни о чем не подозревая, приютили и вскормили найденьша, объявив на весь мир, что это безродное порождение лесной нечисти – их внучка, «принцесса Мэдук».

Теперь пророчество Персиллиана уже не представлялось полным парадоксом – а значит, стало еще более зловещим. Казмир организовал повсеместные поиски, разослав множество агентов, но тщетно: сын Сульдрун пропал бесследно.

Сидя в Камере Вздохов и схватившись толстыми пальцами за ручку буковой кружки, король Казмир напрягал ум вопросами, которые задавал себе уже тысячу раз: «Кто этот сын, будь он трижды проклят? Как его зовут? Где он прячется, ускользая от внимания самых искусных и пытливых шпионов? А! Если бы я только знал! Я смел бы это препятствие со своего пути, как ураганным ветром!»

Как всегда, однако, на эти вопросы не было ответа, и безвыходное беспокойство не проходило. Мэдук давно уже официально признали дочерью принцессы Сульдрун, отречься от нее было практически невозможно. Для того, чтобы придать законность ее существованию, сочинили романтическую легенду о благородном рыцаре, тайком приходившем на свидания с Сульдрун в старом саду, о брачной церемонии, состоявшейся при лунном свете, и о ребенке, превратившемся в чудесную маленькую принцессу, любимицу всего двора. Легенда эта была ничем не хуже любых других и, подобно многим сказкам, в каком-то смысле почти соответствовала действительности – если не считать факта подмены ребенка, во всем Хайдионе известного только королю. Никто уже не заботился о том, чтобы установить личность любовника Сульдрун – опять же, кроме короля Казмира, в ярости бросившего несчастного молодого человека в подземную темницу, не поинтересовавшись предварительно тем, как его звали.

У Казмира присутствие принцессы Мэдук вызывало только раздражение, доходившее до иступления. Согласно общепринятым представлениям, дети эльфов и фей, вскормленные человеческой пищей и выросшие среди людей, постепенно теряли волшебные свойства и становились практически неотличимыми от обычных смертных. Но в некоторых случаях – по словам ведунов, знакомых с повадками лесного народца – подкидыши такого рода, озорные и коварные, взбалмошные и неуживчивые, сохраняли диковатый характер и отличались необъяснимыми странностями. Казмир иногда спрашивал себя, не взял ли он на себя слишком большой риск, выкормив столь ненадежное существо. Действительно, Мэдук отличалась от других девушек, воспитывавшихся при дворе, а иногда проявляла черты характера, вызывавшие у короля замешательство и даже тревогу.

Тем временем, Мэдук еще ничего не знала о своем истинном происхождении. Она считала себя дочерью принцессы Сульдрун – почему бы она стала в этом сомневаться, если в этом никто не сомневался? Тем не менее, королева Соллас и дамы, обучавшие ее придворному этикету, рассказывали ей истории, расходившиеся в подробностях, что заставляло о многом задуматься. Принцессу Мэдук воспитывали леди Будетта, леди Дездея и леди Мармона. Мэдук недолюбливала каждую из трех воспитательниц и ни одной не доверяла, потому что каждая из них по-своему пыталась сделать Мэдук не тем, чем она была, а Мэдук твердо решила оставаться собой.

Девятилетняя Мэдук, длинноногая и подвижная – даже непоседливая – издали выглядела почти как мальчик, но у нее была лукавая и привлекательная девичья физиономия. Иногда она перевязывала копну золотисто-медных кудрей черной лентой, но нередко распускала волосы, позволяя локонам болтаться на лбу и закрывать уши. Взор ее небесно-голубых глаз заставлял таять все сердца; ее широкий рот находился в постоянном движении: губы то растягивались, то поджимались, их уголки то поднимались, то опускались, причем нередко не в унисон, отражая изменчивые и противоречивые чувства. Мэдук считали непослушной и своевольной; пытаясь определить ее темперамент, окружающие прибегали к таким выражениям, как «капризная воображая» и «неисправимо испорченный ребенок».

Когда Казмир впервые узнал правду о происхождении Мэдук, сначала он не мог поверить своим ушам, пребывая в состоянии шока, а затем пришел в такую ярость, что, если бы в этот момент Мэдук попала ему под руку, он вполне мог бы свернуть ей шею. Успокоившись, Казмир понял, что ему оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре: так или иначе, через несколько лет ему, несомненно, удалось бы выгодно выдать принцессу замуж.

Покинув Камеру Вздохов, Казмир направился в свои частные апартаменты. По пути он проходил по верхнему коридору с внутренней стороны Королевской башни; коридор превращался в сводчатую галерею, открывавшуюся на служебный внутренний двор с высоты примерно в два человеческих роста. Выйдя в галерею, король тут же остановился, заметив Мэдук – девочка стояла на цыпочках, наклонив голову над балюстрадой в арочном проеме, и приглядывалась к чему-то внизу, на служебном дворе.

Нахмурившись, Казмир не двинулся с места и продолжал наблюдать: как всегда, поведение принцессы вызывало у него подозрения, смешанные с раздражением. Король заметил, что на балюстраде рядом с локтем Мэдук находилась миска, наполненная подгнившими плодами айвы, причем один из плодов она осторожно взяла пальцами правой руки.

Не замечая Казмира, Мэдук подняла руку, прицелилась и кинула айву в какую-то цель, находившуюся на дворе. Пронаблюдав за результатом, она весело отскочила от балюстрады, давась от смеха.

Казмир прошествовал к принцессе и остановился рядом, сурово взирая на нее сверху: «Какими еще шалостями ты занимаешься?»

Застигнутая врасплох, девочка резко обернулась, запрокинув голову с полуоткрытым ртом. Облокотившись на балюстраду, король взглянул вниз через арочный проем: прямо под ним стояла багровая от злости леди Дездея, убиравшая платком остатки айвы с шеи и корсета и озиравшаяся в попытке определить виновника неслыханного хулиганства; ее модная треугольная шляпка сбилась на сторону, повредив тщательно ухоженную прическу. Заметив смотревшего сверху короля Казмира, Дездея оцепенела от изумления, лицо ее вытянулось. Несколько долгих секунд она не могла собраться с мыслями. Затем, оправившись, она опустилась в церемонном реверансе, поправила шляпку и поспешила скрыться во дворце.

Казмир медленно повернулся к принцессе: «Почему ты бросаешься фруктами в леди Дездею?»

«Потому что Дездея вышла на двор первая – Будетту и Мармону я еще не видела», – с обезоруживающей откровенностью пояснила Мэдук.

«Вопрос заключается не в этом! – отрезал король. – Теперь леди Дездея считает, что я швырнул в нее гнилую айву!»

Мэдук серьезно кивнула, выражая полное согласие: «Может быть, так даже к лучшему. Теперь ей придется хорошенько подумать о своем поведении; если бы она считала, что айва упала на нее с неба, она могла бы решить, что это просто случайность».

«Неужели? И чем леди Дездея заслужила столь суровое наказание?»

Мэдук с удивлением раскрыла большие голубые глаза: «Прежде всего, государь, она бесконечно надоедает с поучениями и попреками, просто остановиться не может! Кроме того, она еще и хитрющая, как крыса – подслушивает, подглядывает, все вынюхивает, обо всем догадывается! А еще она требует – вы не поверите! – чтобы у меня швы получались ровно, как по линейке!»

«А! – махнул рукой Казмир, уже терявший интерес к происшествию. – Тебе пора бы остепениться. Чтобы больше ни в кого не бросалась фруктами, слышишь?»

Мэдук нахмурилась и пожала плечами: «Лучше бросаться фруктами, чем другими вещами. Если уж сравнивать, леди Дездея, наверное, предпочтет, чтобы в нее кидали фруктами».

«Другими вещами тоже нельзя бросаться! Принцессы королевской крови должны выражать недовольствие изящно и благосклонно».

Мэдук задумалась: «Что, если другие вещи будут падать ей на голову сами по себе?»

«Нельзя допускать, чтобы какие-либо вещества или предметы – грязные, дурно пахнущие, причиняющие ушибы или царапины, вызывающие отвращение и какие бы то ни было – падали под собственным весом или как-либо иначе, будучи направлены твоей рукой или остав-

лены тобой в том или ином месте, на леди Дездею, на леди Будетту, на леди Мармону или на кого-нибудь еще. Короче говоря, немедленно перестань хулиганить!»

Мэдук досадливо поджала губы; по-видимому, на короля Казмира не действовали ни логика, ни красноречие. Мэдук решила не тратить лишних слов: «Как будет угодно вашему величеству».

Бросив еще один грозный взгляд на служебный двор, Казмир продолжил путь. Мэдук задержалась на минуту, а затем последовала за королем по сводчатой галерее.

Глава 2

1

Допущения Мэдук оказались ошибочными. Происшествие на служебном дворе оказало существенное воздействие на леди Дездею, но не побудило ее тут же изменить философские воззрения, а следовательно и методы обучения принцессы. Торопливо шагая по полутемным коридорам Хайдиона, леди Дездея находилась в полном замешательстве. Она спрашивала себя: «Чем я провинилась? Каким проступком я вызвала такую реакцию его величества? И, прежде всего, почему он предпочел выразить неудовольствие столь необычным способом? Не скрывается ли в этом некое символическое значение, ускользающее от моего внимания? Его величество не может не знать, как прилежно и самоотверженно я тружусь на благо принцессы! Все это чрезвычайно странно!»

Войдя в Большой зал, леди Дездея сделала несколько шагов и замерла – новое подозрение пришло ей в голову: «Нет ли здесь более глубокой подоплеки? Может ли быть, что я стала жертвой интриги? Какое еще объяснение можно подыскать случившемуся? Или – если представить себе немислимое – возможно ли, что его величество находит мою персону отталкивающей? Невозможно отрицать, что моя внешность свидетельствует скорее о представительности и хорошем воспитании, нежели о жеманном кокетстве, свойственном какой-нибудь пустоголовой вертихвостке, напомаженной и надушенной, готовой из кожи лезть, чтобы мужчины бегали за ней, высунув язык. Но благородный человек, разбирающийся в людях, конечно же, не может не замечать мою внутреннюю красоту, порожденную зрелостью и духовным самоусовершенствованием!»

Действительно, внешность леди Дездеи, как она и подозревала, нельзя было назвать вызывающей симпатию с первого взгляда. Ширококостная и плоскогрудая, с непропорционально длинными голеньями и тощим задом, вытянутым лицом она напоминала лошадиную морду, и мелко завитые локоны соломенного оттенка не помогали устранить это впечатление. Несмотря на все свои недостатки, леди Дездея слыла специалисткой в том, что касалось благопристойности, и досконально разбиралась в тончайших нюансах придворного этикета («Отвечая на обращение благородного кавалера, настоящая леди не стоит, уставившись на него, как цапля, только что проглотившая рыбу, но и не позволяет себе расплываться в идиотской ухмылке. Нет! Она застенчиво отзывается на комплимент благонравным замечанием и приятной, но не чересчур самодовольной улыбкой. Она следит за тем, чтобы ее фигура сохраняла элегантную осанку, не переступает с ноги на ногу и не подпрыгивает, не вертит плечами или бедрами. Ее локти остаются прижатыми к телу, а не растопыриваются в стороны. Наклонив голову, леди может заложить руки за спину, если считает такое движение достаточно изящным. При этом само собой разумеется, что она должна смотреть на собеседника, а не считать ворон, и тем более не подзывать проходящих мимо подруг, не плевать на пол и не смущать кавалера неуместными шутками»).

Весь жизненный опыт леди Дездеи, однако, не подготовил ее ни к чему, напоминающему ситуацию, возникшую на служебном дворе. Продолжая лавировать по галереям и переходам Хайдиона, воспитательница принцессы не успокаивалась – напротив, ее растерянное возбуждение только возрастало. Наконец леди Дездея явилась в частные апартаменты королевы Соллас и была допущена в гостиную ее величества. Соллас полулежала на большом диване, окруженная бархатными зелеными подушками. За ней стояла горничная Эрмельгарта, занятая обработкой каскадов бледных тонких волос королевы. Распустив тяжелые косы, горничная припудрила королевскую шевелюру питательной смесью тертого миндаля, каломели и жженных

павлиньих костей, истолченных в порошок. Волосы надлежало расчесывать, пока они не начали блестеть, как бледно-желтый шелк, после чего их аккуратно укладывали в пару валиков, закрепленных шелковыми сетками, усеянными мелкими сапфирами.

К вящему огорчению Дездеи, в гостиной присутствовали еще три персоны. У окна занимались вышиванием леди Бортруда и леди Партенопа, а рядом с королевой, на табурете, заставлявшем свисать его жирные ягодицы, скромно восседал отец Умфред. Сегодня на священнослужителе была бурая фланелевая ряса с откинутым на спину капюшоном. Его тонзура обнажала бледный плоский череп, окаймленный порослью коричневато-мышинного оттенка; на курносом лице с пухлыми белыми щеками и маленьким розовым ртом выделялись влажные, выпуклые темные глаза. Отец Умфред официально занимал должность духовника королевы; сегодня он держал в холеной руке пачку эскизов, изображавших в различных аспектах новую базилику, строившуюся на оконечности мыса к северу от гавани.

Леди Дездея приблизилась на пару шагов и начала было говорить, но королева Соллас остановила ее движением пальцев: «Одну минуту! Как вы могли заметить, я занята».

Закусив губу, Дездея отступила и стала ждать, пока Умфред демонстрировал один за другим зарисовки, вызывавшие у королевы тихие возгласы энтузиазма. Соллас позволила себе только один упрек: «Если бы только мы могли воздвигнуть храм поистине величественных пропорций, заставляющий поблекнуть все архитектурные достижения мира!»

Отец Умфред с улыбкой покачал головой: «Будьте уверены, дражайшая королева! Базилика Святейшей Соллас, возлюбленной ангелами небесными, воссияет божественным озарением превыше большинства храмов Господних!»

«Смею ли я надеяться?»

«Без сомнения! Благочестие не измеряется величиной и тяжестью. Будь это так, крохотный младенец, освященный обрядом крещения, не занимал бы более почетное место в Царствии Небесном, чем дикая бестия, сотрясающая клетку топотом и бешеным ревом!»

«Как всегда, вы умеете взглянуть на суетные заботы в надлежащей перспективе!»

Леди Дездея больше не могла сдерживаться. Она решительно пересекла гостиную и, наклонившись, пробормотала королеве на ухо: «Ваше величество, мне необходимо срочно поговорить с вами наедине».

Поглощенная эскизами, Соллас рассеянно отмахнулась: «Будьте добры, потерпите! Мы обсуждаем серьезные вопросы». Королева прикоснулась пальцем к наброску: «Несмотря ни на что, мы могли бы добавить здесь внутренний дворик с подсобными помещениями с обеих сторон, вместо того, чтобы устраивать их вдоль трансепта, и тогда освободилось бы место для пары апсид поменьше, с отдельной часовней в каждой».

«Дражайшая королева, чтобы это сделать, пришлось бы укоротить неф на такое же расстояние».

Соллас капризно развела руками: «Но я не хочу укорачивать неф! Наоборот, я хотела бы удлинить его еще ярдов на пять, а также углубить алтарную нишу за апсидой. Тогда мы могли бы установить роскошную запрестольную перегородку!»

«В принципе это превосходная идея! – заявил отец Умфред. – Тем не менее, следует учитывать, что фундамент уже заложен. А фундаментом определяются размеры базилики».

«Неужели нельзя хотя бы немного увеличить фундамент?»

Умфред печально покачал головой: «К сожалению, наши возможности ограничены отсутствием средств! Если бы у нас было достаточно денег, все было бы возможно».

«Ну вот, опять! Каждый раз одно и то же! – помрачнела королева. – Неужели все эти каменщики, землекопы, каменотесы или как их еще называют – неужели все они настолько падки на золото, что не хотят ничего сделать от души, во славу церкви?»

«Увы, так оно всегда было, дражайшая государыня! Тем не менее, я ежедневно молюсь о том, чтобы его величество проявил свою щедрость во всей ее полноте и приказал удовлетворять наши нужды из государственной казны».

Королева Соллас удрученно хмыкнула: «К сожалению, его величество не рассматривает обустройство базилики как задачу первостепенного значения».

«Королю не следовало бы забывать об одном немаловажном обстоятельстве, – задумчиво произнес отец Умфред. – После того, как базилику построят, она будет приносить доход. Желающие утолить духовную жажду, поклониться Всевышнему и воспеть ему хвалу начнут стекаться в столицу Лионесса со всех концов Хайбраса и с других островов, принося дары и пожертвования, золото и серебро! Таким образом они надеются порадовать силы небесные и заслужить их благодарность».

«Их дары порадуют и меня, если они помогут подобающим образом украсить нашу церковь».

«С этой целью необходимо заручиться привлекательными мощами и реликвиями, – мудро заметил отец Умфред. – Ничто не открывает кошельки лучше чудотворной реликвии! Король должен это понимать! Паломники вносят вклад в общее благосостояние страны – и, следовательно, неизбежно пополняют государственную казну. Учитывая все последствия их приобретения, реликвии и мощи чрезвычайно полезны».

«Конечно, мы не можем обойтись без реликвий! – воскликнула Соллас. – Но где их приобрести?»

Умфред пожал плечами: «Это непросто; многие лучшие экземпляры уже разобраны. Тем не менее, усердные поиски все еще позволяют находить уникальные вещи – изредка их приносят в дар или предлагают в продажу. Освобождение святынь, захваченных неверными, способствует пополнению запаса реликвий. А иногда их удается обнаруживать в самых неожиданных местах. Чем раньше мы начнем такие поиски, тем лучше».

«Эту возможность нужно будет обсудить подробнее», – решительно сказала королева, после чего повернулась и резко спросила: «Оттилия, что с вами? Вы явно не находите себе места!»

«Вы правы, ваше величество, – сокрушенно призналась леди Дездея. – Я в полной растерянности; не знаю, что и думать».

«Тогда расскажите, что случилось, и мы вместе поможем найти выход из вашего затруднения».

«Боюсь, ваше величество, что такие сведения я могу сообщить вам только наедине».

Королева Соллас недовольно подняла брови: «Что ж, если вы настаиваете, мы примем меры предосторожности». Она повернулась к фрейлинам: «Возникает впечатление, что нам придется уступить капризу леди Дездеи. Я приму вас позже. Эрмельгарта, когда ты будешь нужна, я тебя вызову».

Надменно задрав носы, Бортруда и Партенопа удалились из гостиной вслед за горничной. Отец Умфред задержался, но никто не предложил ему остаться, и он тоже вышел.

Без лишних слов леди Дездея изложила последовательность событий, вызвавшую у нее такое смятение: «Принцессе Мэдук как раз пора было заняться дикцией, что совершенно необходимо – она то проглатывает, то распевает гласные, как портовая потаскушка. Когда я проходила по служебному двору, направляясь с этой целью в апартаменты принцессы, мне на шею шлепнулся кусок прогнившего фрукта, явно намеренно брошенный сверху. Должна признаться, что я сразу стала подозревать принцессу, время от времени позволяющую себе подобные проказы. Тем не менее, взглянув вверх, я обнаружила на галерее его величество, наблюдавшего за мной с исключительно странным выражением лица. Если бы у меня было необузданное воображение и если бы на галерее оказался кто-нибудь другой, а не его августейшее величество – а он, конечно же, руководствуется самыми разумными соображениями

во всех своих действиях – я могла бы сказать, что заметила на его лице торжествующую усмешку или, точнее выражаясь, выражение мстительного злорадства!»

«Невероятно! – развела руками королева Соллас. – Как это может быть? Я изумлена не меньше вашего. Его величество, как известно, не расположен дурачиться и проказничать».

«Разумеется! Тем не менее...» – леди Дездея раздраженно обернулась, так как в гостиную – с лицом, искаженным гневом – ворвалась леди Триффин.

«Нарцисса! – сухо сказала ей леди Дездея. – Будьте добры, обратите внимание на то, что я обсуждаю с ее величеством самый серьезный вопрос. Если бы вы могли подождать...»

Леди Триффин, женщина не менее строгой и внушительной внешности, нежели леди Дездея, оборвала ее яростным взмахом руки: «Это ваши вопросы могут подождать! То, что я хочу сказать, нужно сказать сейчас же! Только что – с тех пор и пяти минут не прошло – когда я проходила по кухонному двору, мне на голову свалилась перезревшая айва, брошенная с верхней галереи!»

Королева Соллас издала гортанный возглас отчаяния: «Опять?»

«Что значит „опять“? Ничего подобного раньше не было. И я говорю чистую правду! Возмущение придало мне бодрости; я взбежала по лестнице, чтобы поймать хулигана и устроить ему нагоняй – и кто, по-вашему, улепетывал мне навстречу, ухмыляясь и хихикая? Принцесса Мэдук!»

«Мэдук?!» – одновременно и с одинаковым недоумением вскричали королева Соллас и леди Дездея.

«А кто еще? Бесстыдница не выразила ни малейшего смущения и даже попросила меня отойти в сторону, чтобы она могла пройти. Тем не менее, я ее задержала и спросила: „Зачем ты швырнула в меня айвой?“ А она ответила, совершенно серьезно: „Мне не попало под руку что-нибудь получше, и я воспользовалась айвой в полном соответствии с указаниями его величества“. Я воскликнула: „Как это понимать? Его величество рекомендовал тебе бросаться гнилыми фруктами?“ А она говорит: „Надо полагать, король считает, что вы и леди Дездея – невыносимо занудные пустомели, вечно пристающие с бесполезными наставлениями!“»

«Поразительно! – отозвалась леди Дездея. – Ничего не понимаю!»

Леди Триффин продолжала: «Я сказала принцессе: „Из уважения к твоему высокому положению, я не могу наказать тебя так, как ты заслуживаешь, но немедленно сообщу о твоём возмутительном поведении ее величеству!“ На что принцесса безразлично пожалала плечами и убежала вприпрыжку, как ни в чем не бывало. Достопримечательное поведение, не правда ли?»

«Достопримечательное, но не единственное в своем роде! – возразила леди Дездея. – Я пострадала таким же образом, но в моем случае король Казмир собственноручно изволил швырнуть в меня фруктом».

Некоторое время леди Триффин не могла найти слов, после чего пробормотала: «Тогда я тоже ничего не понимаю».

Королева Соллас тяжело поднялась на ноги: «Нужно вывести всю подноготную этого дела! Пойдемте! Мы скоро узнаем, что к чему!»

Королева – в сопровождении двух дам и ненавязчиво следовавшего за ними отца Умфреда – прервала совещание короля Казмира с главным сенешалем, сэром Мунго, и королевским секретарем Паквином.

Обернувшись, Казмир нахмурился и медленно встал: «Дражайшая Соллас, какое срочное дело, по-вашему, важнее вопросов, обсуждаемых в королевском совете?»

«Нам нужно поговорить наедине, – упорствовала Соллас. – Будьте добры, отпустите советников – хотя бы на несколько минут».

Заметив леди Дездею и ее возбужденное состояние, Казмир догадался о цели внеурочного визита. Сэр Мунго и Паквин вышли из кабинета. Указав пальцем на отца Умфреда, король обронил: «Ты тоже можешь идти».

Расплывшись в безмятежной мягкой улыбке, Умфред удалился.

«А теперь – в чем дело?» – спросил Казмир.

Запинаясь и путаясь, Соллас разъяснила положение вещей. Казмир выслушал ее с невозмутимым терпением.

Закончив рассказ, королева заметила: «Теперь вы понимаете причину моего беспокойства. По существу, нас озадачивает тот факт, что вы соизволили бросить фруктом в леди Дездею, а затем порекомендовали принцессе Мэдук сделать то же самое с леди Триффин».

Казмир обратился к Дездее: «Сейчас же приведите сюда Мэдук».

Леди Дездея вышла из кабинета и через некоторое время вернулась с неохотно следовавшей за ней Мэдук.

Король сдержанно обратился к принцессе: «Я приказал тебе больше не бросаться фруктами».

«Действительно, ваше величество, я получила от вас такое указание в отношении леди Дездеи, причем вы посоветовали мне не пользоваться более оскорбительными или причиняющими боль предметами – опять же, в отношении леди Дездеи. И я в точности выполнила ваши указания».

«Но ты швырнула айву в леди Триффин. Разве я советовал тебе это делать?»

«Я так поняла ваши слова, так как вы не упомянули леди Триффин».

«Ага! По-твоему, я должен был поименно перечислить всех обитателей Хайдиона, а также все предметы и материалы, которыми в них нельзя бросаться?»

Мэдук пожала плечами: «Как видите, ваше величество, когда существуют сомнения, возможны ошибки».

«И ты испытывала сомнения по этому поводу?»

«Совершенно верно, ваше величество! Мне казалось, что по справедливости каждая из воспитательниц должна подвергаться одинаковому обращению, позволяющему им пользоваться одними и теми же преимуществами».

Казмир улыбнулся и кивнул: «Упомянутые тобой преимущества с трудом поддаются пониманию. Не могла бы ты точнее их определить?»

Мэдук наклонила голову и нахмурилась, разглядывая пальцы: «Разъяснение этих преимуществ может занять много времени и нагнать на вас скуку – а я не хотела бы показаться такой же занудой, как леди Дездея и леди Триффин».

«Будь любезна, сделай нам одолжение. Даже если мы соскучимся, в данном случае это простительно».

Мэдук тщательно выбирала слова: «Мои наставницы, несомненно – весьма благовоспитанные дамы, но изо дня в день они ведут себя одинаково и говорят одно и то же. Они не умеют вставить острое словцо, приготовить сюрприз или рассказать о новых и удивительных событиях. Я подумала, что, может быть, если с ними случится таинственное приключение, оно расшевелит их умственные способности и сделает их разговоры не такими утомительно однообразными».

«Таким образом, ты руководствовалась исключительно благими намерениями?»

Мэдук с подозрением взглянула на короля: «Конечно, я ожидала, что сначала они не выразят никакой благодарности и, возможно, даже немного обидятся, но в конце концов оценят мою помощь по достоинству, потому что осознают существование в этом мире вещей чудесных и удивительных, и все их мироощущение станет более восприимчивым и жизнерадостным».

Леди Дездея и леди Триффин выразили тихими возгласами изумление и негодование. Губы короля Казмира растянулись в жесткой усмешке: «Таким образом, ты считаешь, что твои поступки пошли на пользу воспитательницам?»

«Я сделала все, что могла, – храбро отозвалась Мэдук. – Они на всю жизнь запомнят этот день! Разве они могут сказать то же самое о вчерашнем дне?»

Казмир повернулся к королеве: «Принцесса убедительно обосновала аргумент, заключающийся в том, что ее помощь окажется полезной как леди Дездее, так и леди Триффин, даже если эта помощь выражалась в форме дерзкого хулиганства. Тем не менее, принцесса заслуживает не менее альтруистического обращения, нежели ее обращение с другими, в связи с чем предлагаю сделать этот день не менее памятным для нее, чем для ее наставниц – с помощью ивовой розги или даже жестяной линейки. В конечном счете это всем пойдет на пользу. Однообразное прозябание леди Дездеи и леди Триффин будет должным образом обогащено новым и неожиданным опытом, а принцесса Мэдук поймет, что дословное истолкование королевских указаний в своих интересах не всегда соответствует духу и цели этих указаний».

Мэдук произнесла слегка дрожащим голосом: «Ваше величество, все совершенно ясно! Со стороны вашего величества нет необходимости прилагать дополнительные усилия, чтобы подчеркнуть и так уже достаточно очевидные выводы».

Король Казмир, уже занявшийся просмотром бумаг, лежавших на столе, обронил через плечо: «События такого рода нередко чреваты необратимыми последствиями, что имеет место и в данном случае. Вполне возможно, что ее величеству придется немного вспотеть, но в конечном счете это только пойдет ей на пользу. Все свободны».

Королева Соллас, в сопровождении обеих дам, удалилась из кабинета. Мэдук горестно поплелась за ними, стараясь понемногу отставать. Соллас обернулась и подозвала ее: «Пойдем, пойдем – пошевеливайся! От того, что ты будешь волочить ноги, ничего не изменится».

Мэдук вздохнула: «Что ж, мне все равно больше нечего делать».

Все они стали возвращаться в гостиную королевы Соллас. Где-то по пути из теней вынырнул и незаметно присоединился к ним дородный отец Умфред.

Пудобнее усевшись на диване, Соллас вызвала горничную Эрмельгарту: «Принеси мне три гибких прутика покрепче – можешь вытащить их из веника или из метлы. А теперь, Мэдук, слушай меня внимательно! Ты понимаешь, насколько всех нас огорчили твои проделки?»

«Айва была маленькая и мягкая», – попробовала возразить Мэдук.

«Неважно! Принцессы королевской крови так себя не ведут – и тем более принцесса Лионесская!»

Вернувшись с тремя ивовыми прутьями, Эрмельгарта передала их королеве. Мэдук наблюдала за происходящим, широко раскрыв голубые глаза и горестно опустив уголки губ.

Проверив хлесткость прутьев на диванной подушке, Соллас повернулась к принцессе: «Тебе больше нечего сказать? Ты даже не попросишь прощения? Или попробуешь придумать еще какое-нибудь оправдание?»

Мэдук следила, как замороженная, за движением прутьев, дрожавших в руке королевы, и ничего не ответила, что вызвало у Соллас, обычно апатичной, приступ раздражения: «Никаких сожалений? Теперь я понимаю, почему тебя называют бесстыдницей! Посмотрим, маленькая притворщица, как ты у нас будешь теперь изворачиваться! Можешь подойти».

Мэдук облизала губы: «Я не хочу подходить для того, чтобы меня побили».

Королева изумленно уставилась на нее: «Не верю своим ушам! Отец Умфред, будьте добры, препроводите принцессу к дивану».

Жрец благодушно положил увесистую ладонь на плечо Мэдук и подтолкнул ее к королеве. Соллас уложила принцессу поперек своих обширных бедер, высоко задрала юбку детского платья и принялась хлестать ивовыми прутьями узкие маленькие ягодицы. Мэдук лежала неподвижно, как тряпка, не издавая ни звука.

Отсутствие реакции разъярило королеву – она покраснела, рука ее двигалась все чаще и быстрее, она стянула с принцессы трусики, чтобы ничто не защищало нежную детскую кожу; отец Умфред стоял рядом и поощрительно улыбался, кивая в такт свистящим ударам.

Мэдук молчала. Наконец королеве наскучило это занятие – отбросив прутья, она столкнула принцессу на пол и заставила ее подняться на ноги. С напряженным лицом, плотно сжав побелевшие губы, Мэдук натянула трусы, поправила юбку и направилась к выходу.

Соллас резко окликнула ее: «Я не разрешала тебе уйти».

Мэдук остановилась и обернулась через плечо: «Ты хочешь снова меня бить?»

«Не сегодня. У меня устала рука – даже разболелась».

«Значит, я тебе больше не нужна».

Мэдук вышла из гостиной. Соллас смотрела ей вслед – у нее отвисла челюсть.

2

Поведение принцессы Мэдук – в том числе ее манера разговаривать – произвело неприятное впечатление на супругу Казмира; по ее мнению, принцесса не проявляла должного уважения к высокому королевскому сану. О своенравии Мэдук давно ходили слухи, но непосредственное столкновение с этим своенравием несколько шокировало королеву. Мэдук надлежало стать любезной и обходительной принцессой на выданье – украшением двора; следовательно, требовалось принять срочные исправительные меры.

Соллас обсудила эту проблему с отцом Умфредом, предложившим начать религиозное воспитание маленькой принцессы. Леди Триффин отказалась серьезно рассматривать такую возможность: «Это совершенно непрактично – все мы только потеряем время».

Набожная королева была несколько уязвлена таким отношением к благочестивым намерениям. «Значит, вы можете предложить что-нибудь получше?» – спросила она.

«По сути дела, я уже об этом думала. Занятия с принцессой следует продолжать по-прежнему – пожалуй, уделяя больше внимания манерам и умению вести светскую беседу. Кроме того, было бы неплохо окружить ее свитой благородных девиц, чтобы она училась правилам хорошего тона на примере других. Мэдук уже почти достигла того возраста, когда ей в любом случае полагалась бы свита – и, по-моему, чем раньше это будет сделано, тем лучше!»

Соллас неохотно кивнула: «Как правило, компаньонки приглашают на пару лет позже, но в данном случае налицо особые обстоятельства. Мэдук бесцеремонна и своевольна, как дикий звереныш – несомненно, ей требуется сдерживающее влияние».

Через неделю Мэдук вызвали в утреннюю гостиную на втором этаже Восточной башни. Там ее представили шести девицам благородного происхождения – им, как ей объяснили, предстояло прислуживать ей и составлять ей компанию в качестве фрейлин. Понимая, что протестовать бесполезно, Мэдук остановилась поодаль, чтобы оценить компаньонку со стороны – и ей не понравилось то, что она увидела. Разодетые в пух и прах, все эти девицы то и дело застывали в преувеличенных, вычурно-изысканных позах. Покончив с обязательными церемонными реверансами, шесть девиц, в свою очередь, подвергли Мэдук пристальному изучению – и проявили не больше энтузиазма, чем принцесса. Им уже разъяснили, что от них ожидалось, и большинству фрейлин эти обязанности представлялись неприятными. В сущности, они должны были составлять принцессе компанию, выполнять ее мелкие поручения, делиться с ней последними сплетнями и разделять с ней скуку ежедневных занятий. По желанию Мэдук, девицы должны были резвиться в рамках приличий – то есть метать кольца в цель, прыгать со скакалками, перекидываться мячом или воланом, играть в жмурки, в прятки и тому подобное. Им предстояло вместе заниматься вышиванием, готовить ароматические смеси из цветочных лепестков и душистых трав, плести цветочные гирлянды и учиться исполнять па различных модных танцев. Все они, конечно, учились читать и писать, но прежде всего им надлежало усваивать правила этикета, придворные условности и неписанные, но непреложные законы старшинства и превосходства.

Компаньонками принцессы стали следующие шесть девиц:

Девонета из замка Фолиз;
Фелиция, дочь сэра Мунго, главного сенешаля;
Идрента из поместья Дамар;
Артвен из крепости Касси;
Хлодис из Фанистри;
Элиссия из Йорна.

Все участницы этой разношерстной группы были старше Мэдук – кроме Фелиции, приходившейся принцессе почти ровесницей. Хлодис, крупная блондинка, отличалась некоторой неуклюжестью и безалаберностью, а маленькая темноволосая Элиссия, напротив, всегда выглядела ловко и опрятно. Артвен вела себя исключительно самоуверенно. Ненавязчиво привлекательная, но болезненно хрупкая Фелиция оказалась замкнутым в себе, даже несколько рассеянным существом. Пышущая здоровьем Идрента не могла пожаловаться на внешность – у нее все было на месте, а Девонета уродилась настоящей красавицей. Иные девушки – в частности, Идрента и Хлодис – уже заметно созревали, тогда как фигуры Девонеты и Артвен лишь начинали округляться, а Фелиция и Элиссия, так же, как и Мэдук, еще не перешагнули порог этого преобразования.

Оптимистический замысел состоял в том, чтобы полдюжины подруг всюду сопровождали обожаемую принцессу, весело щебеча всевозможные глупости и соревнуясь в отправлении незатруднительных обязанностей; им надлежало переполняться радостью и гордостью, заслужив похвалу принцессы, и сокрушаться по поводу любого упрека своей не слишком строгой повелительницы. В конечном счете шесть юных фрейлин должны были сформировать нечто вроде миниатюрного кортежа, во главе которого безмятежно шествовала бы принцесса Мэдук, сияющая наподобие драгоценного камня в обрамлении золотых украшений.

На практике все сложилось иначе. Мэдук с самого начала отнеслась с подозрением к такому стесняющему вмешательству в ее жизнь. Со своей стороны, шесть девиц приступили к исполнению придворных повинностей без энтузиазма. Мэдук слыла чудаковатой девочкой, движимой непредсказуемыми порывами, нисколько не заботившейся о впечатлении, которое она производила на других, и при всем при том смехотворно наивной.

Обстоятельства рождения Мэдук – в версии, известной королевскому двору – не слишком способствовали престижу принцессы, и фрейлины это быстро почувствовали. Через несколько дней осторожного и церемонного «взаимного прощупывания» благородные девицы образовали клику, из которой Мэдук была демонстративно исключена. С тех пор манеру обращения фрейлин с принцессой можно было назвать лишь издевательской пародией на вежливость; пожелания Мэдук встречались непонимающими взглядами, а ее замечания терялись в потоке девичьей болтовни или, даже если их слышали, игнорировались.

Сперва такое отношение приводило Мэдук в замешательство; через некоторое время оно стало то забавлять, то раздражать ее, но в конце концов она решила, что ей было плевать на высокородную прислугу, и – настолько, насколько это было возможно – продолжала заниматься своими делами.

Безразличие Мэдук, разумеется, вызвало еще большее неодобрение благородных девиц: по их мнению, оно служило дополнительным свидетельством придурковатости принцессы. Вдохновительницей заговоров фрейлин стала Девонета – изящная и пригожая, свежая, как цветок, уже достаточно изощренная в искусстве флирта. Блестящие золотистые кудри ниспадали ей на плечи, золотистые карие глаза лучились невинностью. Кроме того, Девонета прекрасно умела злословить, устраивать подвохи и плести интриги. Например, по ее сигналу – а ей стоило только приподнять палец или слегка наклонить голову – девушки вдруг отходили от Мэдук, собираясь гурьбой в углу, после чего перешептывались и хихикали, бросая на принцессу насмешливые взгляды через плечо. Время от времени они устраивали другую игру, выглядывая из-за угла, чтобы следить за принцессой, и мгновенно скрываясь, как только она их замечала.

Мэдук вздыхала, пожимала плечами и не обращала внимания на эти проказы. Однажды утром, когда она завтракала в окружении фрейлин, Мэдук обнаружила в миске с кашей дохлую мышь. Принцесса поморщилась и с отвращением отшатнулась. Глядя вокруг, она заметила, что шесть девиц украдкой наблюдают за ее реакцией – несомненно, они знали заранее, что

обнаружится в ее миске. Хлодис зажала рот рукой, чтобы удержаться от смеха. Мэдук встретила глазами с Девонетой – та сохраняла полную невозмутимость.

Отодвинув миску, Мэдук поджала губы, но ничего не сказала.

Два дня спустя таинственные поступки и необъяснимые перемещения Мэдук, явно свидетельствовавшие о попытках что-то скрывать, возбудили интерес Девонеты, Идренты и Хлодис настолько, что три девицы принялись тайком следить за принцессой, чтобы понять, чем она занимается. Разоблачение тайны обещало обернуться скандалом, в связи с чем открывались восхитительные перспективы. Снедаемые любопытством, три подруги поднялись вслед за принцессой под самую крышу Высокой башни и увидели, как Мэдук взобралась по приставной лестнице в заброшенную голубятню. Когда наконец принцесса спустилась из голубятни и поспешила вниз по спиральной лестнице башни, Девонета, Идрента и Хлодис перестали прятаться, взобрались по приставной лестнице, подняли дощатый люк и осторожно изучили внутренность голубятни. К их разочарованию, они ничего не нашли, кроме пыли, вонючей грязи и нескольких перьев – никаких свидетельств порочных извращений здесь не было. Приунывшие проказницы вернулись к открытому люку, чтобы спуститься вниз, но приставная лестница исчезла, а каменный пол был слишком далеко, чтобы на него можно было безопасно спрыгнуть.

К полудню отсутствие Девонеты, Идренты и Хлодис заметили; начался переполох. Допросили Элиссию, Артвен и Фелицию; те не смогли предоставить никаких определенных сведений. Леди Дездея обратилась с резким вопросом к принцессе, но Мэдук пребывала в такой же растерянности.

«Они страшно ленивые – может быть, еще не вылезли из постелей?» – предположила принцесса.

«Вряд ли! – сухо отозвалась леди Дездея. – Странно, очень странно! Мне все это не нравится».

«Мне тоже, – кивнула Мэдук. – Подозреваю, что они снова задумали какую-нибудь проказу».

Прошел целый день, наступила ночь. На рассвете, когда почти все еще спали, кухарке, проходившей с ведрами по служебному двору, послышалось, что кто-то плачет или кричит – звук доносился издали, и было трудно понять, откуда именно. Кухарка задержалась и прислушалась; в конце концов стало ясно, что звук исходил из голубятни над Высокой башней. Кухарка сообщила о своих наблюдениях домоправительнице, леди Будетте, и тайна наконец раскрылась. Трех девиц – грязных, испуганных, продрогших до костей и глубоко оскорбленных – вызволили из их труднодоступной тюрьмы. Истерически крича, они обвиняли Мэдук во всех своих несчастьях и лишениях: «Она хотела, чтобы мы умерли с голоду! Там было холодно, дул сильный ветер, в темноте завывали призраки! Мы испугались до смерти! Она все это сделала нарочно!»

Леди Дездея и леди Триффин выслушали фрейлин с каменными лицами, но не могли найти приемлемый выход из положения. Причины происшедшего оставались неясными; кроме того, если бы они представили претензии фрейлин на рассмотрение королевы, Мэдук могла бы выступить со встречными обвинениями – в том числе, например, оставался открытым вопрос о том, каким образом дохлая мышь оказалась в миске принцессы.

В конце концов Идренте, Хлодис и Девонете сделали строгий выговор; им напомнили, что высокородным молодым фрейлинам не пристало лазить по заброшенным голубятням.

До тех пор об истории с гнилой айвой, поставившей в щекотливое положение самого короля Казмира и послужившей причиной порки, собственноручно осуществленной ее величеством, знали только непосредственные участники, предпочитавшие не распространяться по этому поводу. Теперь, однако, кто-то проговорился, ибо скандальные новости достигли ушей всех шестерых фрейлин – к их неопишуемой радости. Когда девушки были заняты выши-

ванием, Девонета тихо заметила: «Представляю себе, какая это была картина, когда пороли принцессу Мэдук!»

«Как она брыкалась и вопила, задрав к небу голую задницу!» – так же тихо отозвалась Хлодис, словно потрясенная собственным воображением.

«Разве с принцессами так обращаются?» – позволила себе усомниться Артвен.

Девонета твердо кивнула: «Конечно! Разве ты не слышала жуткие вопли?»

«Все их слышали! – подтвердила Идрента. – Но тогда никто не знал, кто кричал и почему».

«А теперь это всем известно! – торжествовала Хлодис. – Мэдук ревела, как бешеная корова!»

«Принцесса словно в рот воды набрала! Мэдук, тебе не нравится наша светская беседа?» – издевательски-заботливым тоном поинтересовалась Элиссия.

«Трудно сказать. В каком-то смысле ваши сплетни меня забавляют. Я их запомню и когда-нибудь посмеюсь над вами точно так же».

«Каким образом?» – встревожилась Девонета.

«Неужели не понятно? Когда-нибудь я выйду замуж за всемогущего короля и буду сидеть на золотом троне. Вот тогда я и прикажу вам, всем шестерым, явиться к моему двору, чтобы вы развлекали меня „жуткими воплями“, раз они вам так нравятся».

Наступила напряженная тишина. Девонета первая взяла себя в руки и звонко рассмеялась: «О чем ты говоришь? Почти невозможно представить себе, чтобы ты когда-нибудь стала королевой! Какой король захочет жениться на принцессе с сомнительной родословной? А родословная нашей принцессы весьма сомнительна – не правда ли, Хлодис?»

«Не только сомнительна, но, можно сказать, отсутствует!» – подтвердила Хлодис.

«Что такое „родословная“?» – простодушно спросила Мэдук.

Девонета снова рассмеялась: «Именно то, чего у тебя нет! Может быть, нам не следовало об этом говорить, но от правды никуда не денешься! У тебя нет отца! Элиссия, как называют ребенка, у которого нет отца?»

«Бастардом».

«Совершенно верно! Увы, принцесса Мэдук – бастард, и никто никогда не захочет на ней жениться!»

«Это неправда! – тем же ласково-ядовитым тоном возразила Мэдук. – У меня был отец. Говорят, он умер – так же, как и моя мать».

«Может быть, он умер – а может быть и нет, – с презрением отозвалась Девонета. – Его бросили в яму, там он и остается по сей день. Твой отец – бродяга, никто даже не позаботился спросить, как его зовут».

«Так или иначе, – подхватила Хлодис, – родословной у тебя нет, и замуж ты никогда не выйдешь. Это, конечно, достойно сожаления, но будет лучше, если ты поймешь свое положение уже сейчас – теперь у тебя будет время к нему привыкнуть».

«Вот именно! – поддакнула Идрента. – Мы тебе это рассказали из чувства долга».

Мэдук едва сдерживала дрожь в голосе: «Ваш долг – в том, чтобы говорить мне правду».

«А мы и сказали тебе правду!» – заявила Девонета.

«Я вам не верю! – топнула ногой Мэдук. – Мой отец – благородный рыцарь, потому что я его дочь! Как может быть иначе?»

Девонета смерила принцессу взглядом с головы до ног и обронила: «Очень просто».

3

Мэдук не совсем понимала, что имели в виду, когда говорили о «родословной». Пару раз она уже слышала это слово, но до сих пор от нее ускользало его значение. Несколько дней спустя она зашла в конюшню, чтобы причесать своего пони, Тайфера. Неподалеку два знатных господина обсуждали жеребца и упомянули о его «впечатляющей родословной». У вороного жеребца, статного и сильного, наблюдался выдающейся величины член, но это свойство, судя по всему, не было основным фактором, определявшим качество родословной – по меньшей мере в том, что касалось родословной Мэдук. Не могли же Девонета и прочие фрейлины предполагать, что у принцессы должен вырасти подобный орган!

А тогда что именно подразумевалось под «родословной»? Может быть, знатные господа намекали на роскошную пушистость конского хвоста? Вряд ли. Мэдук отвергла эту теорию по тем же причинам. Она решила не гадать, а расспросить кого-нибудь при первой возможности.

У Мэдук сложились более или менее приятельские отношения с принцем Кассандром, единственным сыном короля Казмира и королевы Соллас. С годами Кассандр стал самоуверенным удальцом, искавшим развлечений хотя бы потому, что этого требовал присущий молодости избыток здоровья и энергии. Кассандр был силен, хотя скорее тяжеловат, нежели ловок. Он коротко стриг жесткие светлые кудри; его круглое лицо казалось слишком обширным для тонкого носа, маленького рта и близко посаженных голубых глаз. Кассандр унаследовал от отца – или, может быть, усвоил посредством подражания – целый набор резких коротких жестов и повелительных манер. Соллас, несомненно, наградила его тонкой, розовато-бледной кожей, маленькими ладонями и ступнями и характером более доступным и покладистым, чем у короля Казмира.

Мэдук нашла Кассандра сидящим в одиночестве в оранжерее и сосредоточенно пишущим что-то гусиным пером на листе пергамента. Некоторое время Мэдук молча наблюдала за принцем. Возможно ли, что Кассандр решил посвятить себя поэзии? Сочиняет оду к возлюбленной? Романс или балладу? Кассандр поднял голову и заметил племянницу. Отложив перо, он спрятал пергамент в ларце.

Мэдук осторожно приблизилась. Кассандр, судя по всему, был в приподнятом настроении и обратился к принцессе с витиеватым шутивным приветствием: «Тебе поем мы славу, о мстительная фурия Хайдиона, облаченная в сполохи лиловых молний! Кому суждено стать очередной жертвой, познавшей разрушительную силу твоего гнева? Или, другими словами, горечь перезревшей айвы, прилетевшей по лбу?»

Губы Мэдук покривились в некотором подобии улыбки; она присела на скамью рядом с Кассандром: «Его величество строго запретил мне бросаться фруктами». Помолчав, Мэдук вздохнула: «А жаль! Это было полезно для всех заинтересованных лиц. Но я решила быть пайнкой».

«Мудрое решение».

Мэдук задумчиво продолжала: «Казалось бы, принцесса королевской крови должна иметь право бросаться айвой в кого угодно и когда угодно, если ей так вздумается».

«На первый взгляд так может показаться, но нельзя не принимать во внимание требования этикета. Благопристойное поведение – важнейшая обязанность любой принцессы!»

«А моя мать, принцесса Сульдрун – она вела себя благопристойно?»

Приподняв брови, Кассандр с любопытством покосился на маленькую собеседницу: «Что за вопрос! Как на него ответить? Честно говоря, я мог бы выразиться только таким образом: „Не совсем“».

«Потому что она жила одна в саду? Или потому что я родилась, когда она еще не вышла замуж?»

«Ни то, ни другое не считается достаточно благопристойным поведением».

Мэдук поджала губы: «Мне хочется больше о ней узнать, но мне никто ничего не говорит. Почему все молчат о моей матери?»

Кассандр невесело рассмеялся: «Потому что обо всей этой истории никто на самом деле ничего не знает».

«Расскажи – что ты слышал о моем отце?»

«Что я могу сказать? Я почти ничего не знаю, – осторожно произнес принц. – Судя по всему, какой-то проходимец, молодой и пригожий, нашел Сульдрун в саду и воспользовался ее одиночеством».

«Может быть, ей нравилось с ним встречаться?»

«Сульдрун вела себя неприлично, и лучше не придумывать ей оправдания, – с неубедительной чопорностью отвечивал Кассандр. – Но безродный бродяга, ее любовник, позволил себе невероятную наглость! Он насмеялся над достоинством королевской семьи и вполне заслужил свою судьбу».

Мэдук задумалась: «Все это очень странно. Сульдрун не жаловалась на поведение моего отца?»

Кассандр нахмурился: «Вовсе нет! Возникает впечатление, что бедная принцесса его любила. Но о таких вещах лучше помалкивать. Говорят, жрец Умфред застал их в саду и сообщил об этом его величеству».

«За что моего отца так страшно наказали? – пожалала плечами Мэдук. – Не понимаю».

И снова Кассандр изобразил воплощение нравоучительности: «Как то есть за что? Нужно было хорошенько проучить мерзавца, чтобы другим было неповадно!»

С внезапной дрожью в голосе Мэдук спросила: «Он все еще жив?»

«Сомневаюсь».

«А где яма, в которую его бросили?»

Кассандр ткнул большим пальцем через плечо: «Где-то в скалах за Пеньядором. Это колодец глубиной саженой пятнадцать, а на дне колодца – темница, каменный мешок. Там кончают дни неисправимые преступники и враги государства».

Обернувшись, Мэдук взглянула туда, где над стеной Зольтры Лучезарного виднелась серая крыша Пеньядора: «Мой отец не был ни преступником, ни врагом государства».

Кассандр пожал плечами: «Таков королевский приговор – он обжалованию не подлежит».

«И все же! Моя мать была принцесса королевской крови. Она не полюбила бы первого попавшегося бездельника, перепрыгнувшего через ограду!»

Кассандр снова пожал плечами, показывая, что подобные головоломки превосходят его понимание: «Надо полагать – в том, что ты говоришь, есть какой-то смысл. И, тем не менее – кто знает? Королевская кровь, несомненно, имеет значение, но прежде всего Сульдрун была девицей на выданье, а девицы – непредсказуемые создания, повинующиеся мимолетным влечениям, как пух одуванчика – дуновению ветерка! Таково мое представление, основанное на собственном опыте».

«Может быть, мой отец – благородного происхождения, – задумчиво заметила Мэдук. – Его же никто не позаботился спросить?»

«Вряд ли, – махнул рукой Кассандр. – Воспитанный человек не решился бы на столь непростительную глупость. Ты сомневаешься? Но таков закон природы! Каждый должен знать свое место, зависящее от происхождения, то есть от знатности предков – и единственная возможность улучшить наследственное положение состоит в том, чтобы заслужить королевский

патент, выданный за доблесть и героизм, проявленные на войне. Никакую другую систему нельзя назвать целесообразной, справедливой или естественной».

«Какое же у меня положение? – растерянно спросила Мэдук. – И где моя родословная?»

Кассандр улыбнулся и развел руками: «Почему тебя это беспокоит? Тебе предоставили звание принцессы королевской крови – этого должно быть достаточно».

Любопытство Мэдук, однако, не было удовлетворено: «А моего отца бросили в яму вместе с родословной?»

«Надо полагать, – усмехнулся принц. – Если она у него была».

«А что такое родословная? Что-то вроде хвоста?»

Тут Кассандр уже не смог сдерживать веселье, задыхаясь от хохота. Мэдук оскорбленно поднялась на ноги и удалилась.

4

Королевская семья время от времени выезжала из Хайдиона за город: Казмир не прочь был иногда поохотиться – ему особенно нравилась соколиная охота – или просто проехать по сельской местности. Как правило, для Казмира седлали вороного боевого коня по имени Шейван, тогда как королева Соллас ехала на смирной белой кобыле или – что в последнее время случалось все чаще – на выложенном подушками сиденье королевской кареты, благодаря многочисленным рессорам отличавшейся исключительно мягким ходом. Принц Кассандр гарцевал на норовистом саврасом жеребце Гилдрупе, а принцесса Мэдук весело носилась туда-сюда на своем сером в яблоках пони, Тайфере.

Мэдук заметила, что многие придворные дамы испытывали привязанность к лошадям и часто навещали конюшни, чтобы приласкать любимцев и угостить их яблоками или сладостями. Мэдук стала подражать этому обычаю, предлагая просвещенному вниманию Тайфера то морковку, то репку; в то же время пребывание в конюшне позволяло ей на какое-то время ускользнуть от бдительных взоров леди Дездеи и леди Триффин, а также избавиться от шестерых фрейлин.

Ухаживать за Тайфером поручили помощнику конюшего по имени Пимфид – светловолосому пареньку лет двенадцати, сильному и старательному, с честной физиономией, выражавшей постоянную готовность услужить. Мэдук убедила Пимфида в том, что в его обязанности входили также сопровождение и охрана принцессы, по мере надобности. Пимфид не возражал: договоренность такого рода, в меру его разума, свидетельствовала о некотором повышении его статуса при дворе.

После полудня в пасмурный день, когда сплошные низкие тучи нависли над побережьем и в воздухе уже чувствовалась влажность неминуемого дождя, Мэдук набросила на плечи серый плащ с капюшоном и потихоньку пробралась в конюшню. Там она позвала Пимфида, собиравшего вилами навоз: «Пойдем, Пимфид, скорее! Нужно кое-куда сходить – это займет, наверное, около часа, и мне потребуется твоя помощь».

«Сходить – куда, ваше высочество?» – осторожно поинтересовался Пимфид.

«В свое время ты все узнаешь. Пойдем, пойдем! Скоро вечер, время летит, а ты все мнешься с ноги на ногу и скребешь в затылке!»

Пимфид неуверенно хмыкнул: «Вам понадобится Тайфер?»

«Не сегодня, – Мэдук повернулась, чтобы идти. – Пойдем!»

Вздыхнув не без облегчения, Пимфид решительно воткнул вилы в кучу навоза и тяжелой поступью последовал за принцессой.

Мэдук маршировала по тропе, огибавшей тыльную стену замка; помощник конюшего плелся позади.

«А куда мы идем?» – спросил через некоторое время Пимфид.

«Скоро увидишь».

«Как вам угодно, ваше высочество», – пробурчал Пимфид.

Тропа поворачивала налево, к Сфер-Аркту, но Мэдук повернула направо и стала карабкаться вверх по каменистому склону, выбрав другую, еле заметную тропу, ведущую к огромной серой громаде Пеньядора.

Пимфид позволил себе выразить сомнение в разумности такого маршрута, но Мэдук пропустила его робкий протест мимо ушей. Она продолжала подниматься – прямо перед ней уже высилась северная стена Пеньядора. Запыхавшийся и встревоженный, Пимфид внезапно прибавил шагу и поравнялся с принцессой: «Ваше высочество, куда вы? Под этими стенами в темницах томятся преступники!»

«Пимфид, ты преступник?»

«Ни в коем случае!»

«Тогда тебе нечего бояться!»

«Вы ошибаетесь! Именно тем, кто ни в чем не виноват, достаются самые тяжкие наказания!»

«Тебе не о чем беспокоиться, Пимфид, это моя затея. В любом случае, всегда следует надеяться на лучшее».

«Ваше высочество! Я предлагаю...»

Мэдук устремила на помощника конюшего неотразимый взор бездонно-голубых глаз: «Будь так любезен, помолчи».

Пимфид развел руками: «Как вам угодно».

Мэдук с достоинством отвернулась и продолжила подъем по склону под темными каменными стенами Пеньядора. Пимфиду оставалось только угрюмо следовать за ней.

Поравнявшись с углом здания, Мэдук остановилась, чтобы получше рассмотреть участок, находившийся за древней тюрьмой. В дальнем конце, ярдах в пятидесяти от того места, где они стояли на холме, возвышалась массивная виселица, окруженная несколькими механизмами мрачного назначения, а также тремя чугунными столбами, у которых жгли особенно отличившихся врагов государства. Яма для горячей смолы и большая жаровня неподалеку использовались в сходных целях. Ближе, всего лишь в нескольких шагах под холмом, в пустынном углу заднего двора тюрьмы, Мэдук увидела то, что искала – кольцевую каменную ограду высотой меньше человеческого роста, окружавшую отверстие, достаточно широкое, чтобы в него можно было опустить арестанта. Шаг за шагом, невзирая на неразборчивое протестующее ворчание Пимфида, Мэдук спустилась по пологой каменистой пропешине к кольцевой ограде и заглянула в черную глубину колодца. Она прислушалась, но оттуда не доносилось ни звука. Приложив ладони ко рту, Мэдук наклонилась над отдушиной темницы и позвала: «Отец! Ты меня слышишь?» Ей ответила только тишина. «Отец, ты здесь? Это Мэдук, твоя дочь!»

Шокированный поведением принцессы, Пимфид подошел к ней сзади: «Что вы делаете? Это не разрешено ни мне, ни вам!»

Мэдук не обращала на него внимания. Наклонившись пониже над отверстием, она снова позвала: «Ты меня слышишь? Прошло столько времени! Ты еще жив? Ответь! Я твоя дочь, Мэдук!»

В непроглядном мраке колодца ничто не шелохнулось.

Пимфид не был одарен богатым воображением; тем не менее, ему почудилось, что в глухой тишине подземелья существовало какое-то напряжение – как если бы кто-то прислушивался, затаив дыхание, к происходившему сверху. Потянув Мэдук за локоть, он хрипло прошептал: «Принцесса, разве вы не чувствуете? Здесь водятся призраки! Если правильно слушать, можно различить, как они шепчутся и подвывают в темноте».

Наклонив голову, Мэдук снова прислушалась: «Чепуха! Не слышу никаких призраков».

«Это потому, что вы неправильно слушаете! Давайте уйдем, пока духи не заманили нас в подземелье!»

«Не говори глупости, Пимфид! Король Казмир приказал бросить моего отца в эту яму, и я должна узнать, жив ли он».

Пимфид заглянул в темный колодец: «Никто там не выживет. В любом случае, кто мы такие, чтобы судить о королевском правосудии? Это не наше дело».

«То есть как – кто я такая? Моего отца заключили в темницу! Это мое дело!»

«Так или иначе, он давно умер».

Мэдук печально кивнула: «Боюсь, что так. Но он наверняка оставил какую-нибудь памятку, позволяющую узнать, как его звали, какого он был происхождения. Если не остается ничего другого, я хочу знать, какая у него была родословная!»

Пимфид отказался даже представить себе что-нибудь подобное: «Что вы придумали? Пойдемте отсюда поскорее».

Мэдук не допускала возражений: «Смотри, Пимфид! Там, на виселице, болтается веревка. На этой веревке можно спустить тебя в подземелье. Внизу, конечно, темно, но, когда глаза привыкнут к темноте, ты сможешь разобраться в том, что там происходило, и нет ли там каких-нибудь надписей».

Помощник конюшего изумленно уставился на принцессу – у него челюсть отвисла. «Вы в своем уме? – в ужасе выдал он. – Вы хотите, чтобы я спустился в эту дыру? Это уже ни в какие ворота не лезет!»

«Почему же, Пимфид, все проще простого – сбегай за веревкой! Ты же не хочешь, чтобы я над тобой смеялась?»

Послышался скрип подошв, тяжело ступавших по щебню. Мэдук и Пимфид испуганно обернулись: на фоне свинцовых туч возник угрожающий силуэт. Пимфид резко вдохнул и забыл выдохнуть; Мэдук открыла рот и забыла его закрыть.

Темная фигура приблизилась – Мэдук узнала главного палача Зерлинга. Палач остановился, слегка расставив толстые ноги и заложив руки за спину.

Раньше Мэдук видела Зерлинга только издали, но даже на расстоянии от его присутствия мурашки бегали по спине. Теперь палач стоял рядом и смотрел на нее сверху вниз, а принцесса с трепетом взирала на него снизу вверх. Вблизи Зерлинг производил не менее устрашающее впечатление. Человек грузный и мускулистый, он казался почти приземистым, несмотря на внушительный рост. Его мясистое лицо, окаймленное спутанными черными волосами и черной бородой, отличалось необычным коричневато-багровым оттенком. На палаче были панталоны из мятой черной кожи и черный холщовый камзол; лоб почти закрывала натянутая на уши черная кожаная шапочка. Зерлинг переводил взгляд с Мэдук на Пимфида и обратно: «Что вы тут делаете? Здесь творятся пытки и казни, здесь не место для детских забав!»

Мэдук ответила ясным, хотя и дрожащим голосом: «Мы сюда не играть пришли».

«Ха! – слегка откинул голову назад Зерлинг. – Как бы то ни было, принцесса, рекомендую вам немедленно удалиться».

«Я не могу уйти, пока не найду ответ на свой вопрос».

«И что же вас так интересует?»

«Я хочу знать, что случилось с моим отцом».

Зерлинг поморщился в некотором замешательстве: «Кто был ваш отец? Я что-то не помню».

«Конечно, помните! Он любил мою мать, принцессу Сульдрун. За это король приказал бросить его вот в эту яму. Если отец еще жив, может быть, он отзовется и скажет, как его зовут. Тогда я смогу умолять его величество о снисхождении».

Палач вздохнул и печально усмехнулся: «Можете звать сколько угодно, день и ночь! Вы не услышите в ответ ни шепота, ни вдоха».

«Значит, он умер?»

«Его опустили в темницу давным-давно. Там, в одиночестве, человек быстро теряет волю к жизни. Там холодно и сыро, там остается только сожалеть о своих преступлениях».

Мэдук смотрела на отверстие колодца, горько опустив уголки губ: «Кто он был, как он выглядел? Вы не помните?»

Зерлинг бросил тревожный взгляд через плечо: «Замечать что-нибудь, спрашивать о чем-нибудь, помнить кого-нибудь – не мое дело. Я рублю головы и верчу ворот, растягивая сухожилия. Но когда вечером я прихожу домой, я становлюсь совсем другим человеком. Поверите ли, не могу даже курице свернуть шею!»

«Все это замечательно – но каким был мой отец?»

Зерлинг снова опасливо оглянулся: «Пожалуй, лучше было бы ничего не говорить – тем более, что ваш отец позволил себе немислимый проступок...»

Мэдук прервала размышления палача почти плачущим голосом: «Я не могу так думать! Если бы он не позволил себе этот проступок, меня не было бы на свете».

Зерлинг моргнул: «Вопросы такого рода выходят за рамки моей компетенции. Я уделяю все внимание тому, чтобы правильно выдергивать кишки и затягивать петли. Королевское правосудие, по определению, обсуждению не подлежит. Должен признаться, в данном случае суровость наказания меня удивила: казалось бы, достаточно было отрезать наглецу нос и уши, да еще хорошенько вздуть плетью напоследок».

«Меня она тоже удивляет, – отозвалась Мэдук. – Вы говорили с моим отцом?»

«Не помню никаких разговоров».

«Как его звали?»

«Никто не позаботился спросить. Прислушайтесь к моему совету, принцесса: забудьте об этом!»

«Но я хочу знать, какая у меня родословная. У всех есть родословная, а у меня нет!»

«В этой яме вы не найдете никакой родословной! А теперь – ступайте прочь, пока я не подвесил вашего приятеля за ноги, чтобы больше тут никто не безобразничал!»

«Пойдемте, ваше высочество! – взмолился Пимфид. – Здесь больше нечего делать!»

«Но мы ничего и не сделали!»

Пимфид не ответил – он уже удирал со всех ног.

5

Однажды, солнечным утром, Мэдук бодро прошагала по Длинной галерее Хайдиона к парадным воротам. Глядя из-под открытой арки на террасу перед входом, она заметила принца Кассандра. Облокотившись на балюстраду и задумчиво взирая на простирившийся ниже город, его высочество отправлял в рот, одну за другой, темно-лиловые сливы из установленного рядом серебряного блюда. Быстро оглянувшись, чтобы убедиться в отсутствии наблюдателей, Мэдук бегом пересекла террасу и присоединилась к Кассандру.

Сперва принц беззаботно покосился на нее, но тут же вопросительно поднял брови и повернулся к ней лицом: «Клянусь девятью нимфами Астарты! Чудеса в решете!»

«Что тебя так удивляет? – поинтересовалась Мэдук. – То, что я соблаговолила провести некоторое время в твоём обществе?»

«Конечно, нет! Сегодня ты поразительно хорошо одета!»

Мэдук бросила безразличный взгляд на свое скромное белое платье с каймой ниже колен, расшитой зелеными и голубыми цветами; ее медно-рыжие кудри были перевязаны белой лентой: «Ничего особенного, хотя бывает и хуже».

«Перед нами, наконец, не диковатый заморыш, потрепанный бродячими псами, а принцесса королевской крови, изысканная и грациозная! – напыщенно произнес Кассандр. – В самом деле, ты выглядишь почти привлекательно».

Мэдук скорчила гримасу: «Я тут ни при чем. Меня заставили переодеться, чтобы я танцевала котильон».

«И это тебя ужасно огорчает?»

«Не слишком – потому что я сбежала и танцевать не собираюсь».

«Ага! Ты многим рискуешь! Леди Дездея будет вне себя».

«Ей придется руководствоваться здравым смыслом. Если ей нравится танцевать, пусть пляшет – мне все равно. Она может прыгать, вертеться, дрыгать ногами и трясти задом, сколько ей вздумается, но только без меня. По-моему, вполне разумно предоставить каждому возможность следовать своим предпочтениям».

«Так вещи не делаются! Каждый обязан учиться вести себя, как полагается – даже мне приходится подчиняться».

«Почему же ты не танцуешь котильон, обливаясь потом и дрыгая ногами вместе со всеми?»

«В свое время я достаточно попотел, можешь не сомневаться! А теперь твоя очередь».

«Мне это не нужно – и воспитательницам придется вбить себе это в голову».

Кассандр усмехнулся: «Бунтовщица! Тебя могут снова выпороть».

Мэдук презрительно вскинула голову: «Пусть! Я не заплачу и не скажу ни слова – им быстро надоест это занятие».

Принц расхохотался: «Ты жестоко ошибаешься! Только на прошлой неделе я обсуждал этот вопрос с Танчетом, помощником палача. Он говорит, что разговорчивым арестантам – тем, которые орут, визжат и выбалтывают все на свете – легче, чем упрямым и молчаливым, потому что вопли и жалобы позволяют палачу скорее убедиться в том, что он хорошо делает свое дело. Не пренебрегай моим советом! Несколько оглушительных криков и судорожных всхлипываний избавят твою шкуру от множества лишних неприятностей».

«Над этим стóбит подумать», – согласилась Мэдук.

«Или – если рассматривать проблему с другой точки зрения – ты могла бы попробовать вести себя смиренно и робко. Тогда тебя никто пороть не будет, и вопрос отпадет сам собой».

Мэдук с сомнением покачала головой: «Моя мать, принцесса Сульдрун, вела себя смиренно и робко, но ее все равно ужасно наказали, хотя она ничего такого не заслужила. По меньшей мере, я так считаю».

«Сульдрун послушалась короля, – рассудительно возразил Кассандр. – После этого ей оставалось винить только себя в том, что с ней случилось».

«И все-таки мне кажется, что король поступил со своей дочерью слишком жестоко».

Принц явно не хотел затрагивать эту тему: «Королевские приказы обжалованию не подлежат».

Мэдук смерила Кассандра холодным оценивающим взглядом.

Он нахмурился: «Что ты на меня уставилась?»

«В один прекрасный день ты станешь королем».

«Вполне возможно – надеюсь, не слишком скоро. Я не тороплюсь заниматься государственными делами».

«Ты стал бы так обращаться со своей дочерью?»

Кассандр поджал губы: «Я сделал бы все, что, по моему мнению, подобало бы сделать королю».

«А если бы я еще не вышла замуж, ты попытался бы женить на мне какого-нибудь вонючего толстого герцога, чтобы я осталась несчастной на всю жизнь?»

Кассандр не сдержал раздраженный возглас: «Зачем задавать бессмысленные вопросы? Ты выйдешь замуж задолго до того, как я надену корону. О твоей свадьбе договорятся без моего участия».

«Пусть договариваются – ничего у них не выйдет», – пробормотала себе под нос Мэдук.

«Что ты сказала? Я не расслышал».

«Неважно. Ты бываешь в саду, где умерла моя мать?»

«Я много лет там не был».

«Отведи меня туда».

«Сейчас? Тебе пора танцевать котильон!»

«Тем более. Самое удобное время никому не попадаться на глаза».

Кассандр обернулся ко входу во дворец – вокруг никого не было – и беззаботно махнул рукой: «Мне следовало бы держаться подальше от твоих проказ. Тем не менее, сейчас мне больше нечего делать. Что ж, пойдем, пока Дездея не проснулась. Терпеть не могу, когда ко мне пристают с жалобами и упреками».

«Я знаю, как лучше всего отвечать на упреки, – мудро заметила Мэдук. – Я притворяюсь, что ничего не понимаю, и гляжу на них в замешательстве. Они начинают объяснять все подряд, скоро утомляются и забывают, с чего все началось».

«А, лукавая маленькая Мэдук! Пойдем, пока нас не схватили за шиворот».

Принц и принцесса направились по обрамленной арками галерее к стене Зольтры Лучезарного; миновав оранжерею, они прошли по сырому короткому туннелю под стеной и оказались на парадном плаце перед Пеньядором – обширной площади, издавна прозванной Урквиалом. Справа стена круто поворачивала на юг; неподалеку, за разлапистой лиственницей и плотной порослью можжевельника, притаилась потемневшая от времени разохшаяся дощатая дверь.

Кассандр, уже начинавший сомневаться в целесообразности всей затеи, пробрался к двери, расталкивая колючие ветви можжевельника и ругаясь – желтая пыльца, опадавшая с лиственницы, сыпалась ему в глаза. Принц нажал на старую дверь и крикнул: дверь не подавалась – доски осели, ржавые петли перекошились. Кассандр приложился плечом и напрягся; с громким унылым стоном чугунные петли повернулись, и дверь приоткрылась. Кассандр отметил победу над препятствием мрачным торжествующим кивком и подозвал Мэдук: «Смотри! Перед тобой запретный сад принцессы Сульдрун!»

Они стояли над узкой ложбиной, круто спускавшейся к маленькому полумесяцу пляжа. Когда-то сад был задуман в классическом стиле Аркадии, но теперь беспорядочно зарос всевозможными деревьями и кустарником – дубками, оливами и лавром, миртом и тисом, а также душистыми травами – гортензиями, валерианой, златоцветником, вербеной, пурпурным тимьяном. На полпути к пляжу россыпь мраморных обломков и несколько еще не свалившихся колонн свидетельствовали о местонахождении древнеримской виллы. Единственное сохранившееся строение было рядом: небольшая часовня, покрытая пятнами влажного лишайника; от нее исходил запах сырого камня.

Кассандр указал на часовню: «Здесь Сульдрун укрывалась от непогоды. Она провела много одиноких ночей в этом тесном и неуютном месте». Принц неодобрительно покачал головой: «А также несколько не столь одиноких ночей – за что жестоко поплатилась».

Мэдук сморгнула слезы, наворачнувшиеся на глаза, и отвернулась: «Здесь томилась моя мать. Я ее никогда не знала. Здесь она встретила моего отца – и он умер, брошенный в подземелье! Как я могу все это забыть?»

Кассандр пожал плечами: «Не знаю. Могу только заверить тебя, что испытывать сильные чувства по этому поводу бесполезно. Ты хочешь спуститься в сад?»

«Давай пройдем по тропе, посмотрим, куда она ведет».

«Она петляет вниз и выходит на берег моря. Сульдрун проводила дни, выкладывая тропу галькой, собранной на пляже. Но дождевые потоки размыли гальку – от усилий твоей матери, да и от всей ее жизни, не осталось почти никаких следов».

«Кроме меня».

«Точно, кроме тебя! Достопримечательное достижение, нечего сказать!»

Мэдук проигнорировала издевательский тон принца – по ее мнению, он не свидетельствовал о хорошем вкусе.

«По правде говоря, – задумчиво продолжал Кассандр, – ты на нее совсем не похожа. По-видимому, ты многое унаследовала от отца, кто бы он ни был».

«Моя мать любила его! – с чувством сказала Мэдук. – Значит, он был благородный человек, занимавший достойное положение! Тем не менее, меня обзывают „бастардом“ и смеются над тем, что у меня нет родословной».

Кассандр нахмурился: «Кто позволяет себе такие вольности?»

«Шесть фрейлин, которых ко мне приставили».

Принц был шокирован: «Неужели? На первый взгляд они любезны и пригожи – особенно Девонета!»

«Она хуже всех. Маленькая ядовитая змея в девичьем обличе!»

Возмущение Кассандра слегка улеглось: «А, о чем тут говорить! Девушки любят посплетничать и обмениваться колкостями. Печальный факт, но такова их природа. Так что же, пойдем дальше?»

Мэдук задержалась, спускаясь по тропе: «У Сульдрун не было друзей? Ей никто не помогал?»

«Никто не отважился нарушить королевский указ. Время от времени сюда заходил жрец, отец Умфред; он утверждает, что хотел обратить Сульдрун в христианство. Подозреваю, что он хотел совсем другого, но в этом ему, без сомнения, было отказано. Возможно, именно по этой причине он выдал ее королю».

«Так ее предал отец Умфред!»

«Полагаю, что, по его представлению, в этом состоял его долг».

Мэдук кивнула, усваивая новые сведения: «Почему Сульдрун здесь оставалась? Я бы перескочила через стену и сбежала уже через час!»

«Ты так и сделала бы, охотно верю! Но Сульдрун, насколько я ее помню, была мечтательным, робким созданием».

«Но у нее была возможность уйти. Что ей помешало?»

Кассандр задумался: «Надо полагать, она все еще надеялась получить прощение короля. Если бы она сбежала, что тогда? Она не смогла бы выжить в нищете, грязная и голодная – ее бы кто-нибудь изнасиловал, она замерзла бы в придорожной канаве холодной ветреной ночью».

Мэдук не совсем понимала, о чем речь: «Кто-нибудь изнасиловал – что это значит?»

Принцу пришлось объяснить смысл неосторожного выражения в самых обобщенных терминах. Мэдук поджала губы: «Нахальное поведение! Если бы кто-нибудь попытался сделать что-нибудь подобное со мной, я не потерпела бы такого обращения, и обидчик получил бы от меня строгий выговор!»

«Уверю тебя, Сульдрун тоже не прельщала подобная перспектива, – ответил Кассандр. – Вот такая история. А теперь от нее ничего не осталось, кроме принцессы Мэдук. Ты достаточно насмотрелась на старый сад?»

Мэдук огляделась по сторонам: «Здесь тихо и становится не по себе. Как будто весь мир отодвинулся куда-то вдаль. При лунном свете здесь, наверное, очень грустно – и так красиво, что сердце разрывается. Я больше не хочу сюда приходить».

6

Горничная сообщила леди Дездее о том, что принцесса Мэдук вернулась в замок в сопровождении принца Кассандра.

В результате леди Дездея не знала, что предпринять. Она намеревалась хорошенько отчитать маленькую шалунью и назначить ей в наказание шесть утомительных уроков танцев. Соучастие принца Кассандра, однако, полностью меняло дело. Наказать Мэдук значило бы, тем самым, подвергнуть критике молодого принца, а Дездея не хотела брать на себя такую ответственность. Кассандру суждено было однажды стать королем, а короли, как известно, отличаются злопамятностью.

Раздраженно повернувшись на каблуках, леди Дездея решительно направилась в гостиную королевы, где ее величество Соллас отдыхала на диване, обложившись подушками, в то время как отец Умфред звучно декламировал псалмы по-латыни, постепенно разворачивая пергаментный свиток. Соллас не понимала ни слова по-латыни, но находила, что голос отца Умфреда производил успокоительное действие; тем временем королева подкреплялась свежим творогом с медом, приготовленным в небольшой серебряной чаше.

Леди Дездея нетерпеливо ждала поодаль, пока Умфред не закончил чтение, после чего, заметив вопросительное движение головы королевы, рассказала ей о последней провинности Мэдук.

Соллас флегматично выслушала ее, то и дело запуская ложку в чашу с творогом.

Дездея почувствовала необходимость в более энергичном подходе: «Я в замешательстве! Вместо того, чтобы следовать моим указаниям, она шныряет по окрестностям замка в компании принца Кассандра, не обращая внимания на то, что ее ждут. Если бы она не занимала столь высокое положение, можно было бы подумать, что она одержима бесами, что на нее навели порчу или что-нибудь в этом роде. Никогда не встречала столь извращенного ребенка!»

Королева Соллас не разделяла возбуждение воспитательницы: «Она немного своенравна, это правда».

Леди Дездея слегка повысила голос: «У меня руки опускаются! Мэдук даже не затрудняется мне возражать – она просто меня не замечает. Я могла бы с таким же успехом обращаться к окну или к тумбочке!»

«Сегодня вечером я сделаю ей выговор, – уступила Соллас. – Или, может быть, завтра, если придется ее снова колотить. Сейчас у меня на уме десятки других вещей».

Отец Умфред прокашлялся: «Возможно, ваше величество позволит мне выдвинуть предположение».

«Разумеется! Я ценю ваши советы».

Умфред сложил вместе кончики пальцев в позе смиренного назидания: «Леди Дездея намекнула на возможность влияния потусторонних сил. Учитывая все обстоятельства, я считаю это маловероятным – но не выходящим за рамки возможного, так как Святая Церковь не исключает подобные случаи. В качестве меры предосторожности я рекомендовал бы крестить принцессу Мэдук в соответствии с христианским обрядом, после чего преподать ей основные догматы канонического вероучения. Набожность, благочестивые размышления и молитвы постепенно, но неизбежно вселят в нее уверенность в полезности послушания и смирения – качеств, каковые в ней уже давно и безуспешно пытаются воспитать».

Королева Соллас отложила опустевшую чашу: «Ваше предложение не лишено смысла, но я сомневаюсь, что принцесса Мэдук сочтет подобную перспективу привлекательной».

Умфред улыбнулся: «Дети не сразу понимают ценность благонравия и целомудрия. Если условия, окружающие принцессу Мэдук в Хайдионе, оказывают на нее слишком возбуждающее действие, мы могли бы отправить ее на послушание в женский монастырь в Балмер-Скиме.

Мать-настоятельница прилежно и даже сурово выполняет свой долг, когда в этом возникает необходимость».

Соллас откинулась на подушки дивана: «Я поговорю об этом с королем».

С этой целью королева подождала, пока Казмир не закончил ужинать – будучи сыт и выпив вина, он становился покладистее; затем, как бы между прочим, она упомянула в разговоре о принцессе Мэдук: «Ты не слышал последние новости? Мэдук снова ведет себя не так, как можно было бы ожидать».

«Вот еще! – проворчал король. – Подумаешь, важность. Мне надоели жалобы на эту девчонку».

«На мой взгляд, вопрос заслуживает внимания. Она нарочно, без малейшего смущения игнорирует указания воспитательниц! Отец Умфред полагает, что ее следует крестить и обучать основам христианской веры».

«А? Это еще что за бред?»

«Я не стала бы называть это бредом. Леди Дездея вне себя от беспокойства; она подозревает, что Мэдук помешалась или одержима бесами».

«Чепуха! Она просто отличается избытком живости и шаловливости». По нескольким причинам Казмир решил не делиться с королевой сведениями об истинном происхождении Мэдук; он, однако, хорошо понимал, что в жилах принцессы течет кровь лесного народца. Король ворчливо прибавил: «Пожалуй, она ведет себе немного странно, но я сомневаюсь, что с этим можно что-нибудь сделать».

«Отец Умфред уверен в том, что Мэдук нуждается в религиозном наставлении, и я с ним согласна».

В голосе Казмира появилась резкость: «Ты слишком много времени проводишь с этим жирным каплуном! Подожди, я сошлю его туда, где ему придется держать свои мнения при себе!»

«Нас беспокоит исключительно спасение вечной души принцессы Мэдук!» – чопорно, с обидой отозвалась Соллас.

«Она хитрая маленькая бездельница – пусть сама беспокоится о своей душе».

«Хм! – уступила Соллас. – У будущего супруга Мэдук – если на ней кто-нибудь когда-нибудь женится – будет хлопот полный рот».

Король Казмир позволил себе ледяную усмешку: «В этом отношении ты совершенно права – по нескольким причинам! Так или иначе, через неделю мы уезжаем в Саррис, там все будет по-другому».

«Леди Дездее там будет труднее, чем когда-либо! – фыркнув, возразила королева. – Мэдук будет носиться повсюду сломя голову, как дикая коза».

«Что ж, Дездее придется ее ловить, если она серьезно относится к своим обязанностям».

«Ты преуменьшаешь проблему, – сказала Соллас. – А я в Саррисе и так ужасно устаю, мне не нужны лишние заботы».

«Сельский воздух только пойдет тебе на пользу, – подвел итог Казмир. – Мы прекрасно проведем время в Саррисе».

Глава 3

1

Ежегодно, когда наступало лето, король Казмир переезжал с домочадцами и придворными в Саррис – старую усадьбу с множеством пристроек и подсобных помещений, находившуюся в сорока милях к северо-востоку от столицы. Это поместье на берегу реки Глейм, среди лесистых пологих холмов, напоминавших естественный парк, отличалось исключительно приятным климатом. Сама по себе усадьба – или, как ее иногда называли, «загородный дворец» – не претендовала на изящество или великолепие. С точки зрения королевы Соллас удобства Сарриса существенно уступали комфорту, окружавшему ее в Хайдионе; она отзывалась об этом сооружении как об «огромном коровнике, заросшем крапивой и паутиной». Кроме того, она настойчиво возражала против провинциальной бесцеремонности, преобладавшей в Саррисе несмотря на все ее старания; по ее мнению, такая атмосфера унижала достоинство двора и приучала прислугу к лени и халатности.

Светское общество в Саррисе практически отсутствовало, если не считать приглашенных на банкеты, которые король Казмир время от времени устраивал, чтобы развлечь местную знать; королева считала эти пиршества невыносимо скучными. Соллас нередко жаловалась Казмиру: «По сути дела, меня нисколько не радует деревенский образ жизни. По ночам ослы орут под самым окном, а петухи кричат на рассвете, будто их режут заживо!»

Король не внимал ее уговорам. В Саррисе ничто не мешало ему заниматься государственными делами; кроме того, он любил проехаться на коне во главе небольшого отряда охранников и сокольничих. Преследуя дичь, Казмир нередко уезжал довольно далеко, до самых окраин Тантревальского леса, начинавшегося в нескольких милях к северу.

Другим домочадцам короля Саррис тоже был по душе. Принца Кассандра окружали друзья-собутыльники; днем они развлекались верховой ездой наперегонки и греблей на реке, а также устраивали потешные рыцарские турниры, начинавшие входить в моду. По вечерам они увлеченно занимались соревнованиями другого рода в компании нескольких развеселых местных девиц, пользуясь с этой целью заброшенной избушкой егеря.

Принцесса Мэдук тоже любила уезжать за город – хотя бы потому, что это позволяло ей избавиться от общества фрейлин. Ее пони, Тайфер, всегда был под рукой; каждый день она с удовольствием выезжала на прогулку в окрестные луга в сопровождении помощника конюха, Пимфида. Не все ее дни проходили безоблачно: от принцессы даже в Саррисе ожидалось поведение и манера одеваться, подобавшие ее положению. Мэдук, однако, почти не обращала внимания на строгие предписания леди Дездеи, повинуясь своим причудам.

Наконец Дездея отвела Мэдук в сторону, чтобы устроить серьезный разговор: «Дорогая моя, тебе давно пора осознать действительность! Ты не можешь вечно уклоняться от того факта, что ты – принцесса Мэдук Лионесская, а не какая-нибудь непутевая простушка-потаскушка без роду и без племени!»

«Очень хорошо, леди Дездея – я буду об этом помнить. А теперь мне можно идти?»

«Не спеши! По сути дела, я только начала говорить. Я пытаюсь объяснить, что каждый из твоих поступков отражается не только на твоей репутации и не только на репутации королевской семьи, но на репутации всего королевства! Подумай о том, какая огромная ответственность на тебя возложена! Ты это понимаешь?»

«Да, леди Дездея. И все же...»

«И все же – что?»

«Возникает впечатление, что моим поведением никто не интересуется – кроме вас. Поэтому в конечном счете от него ничего не зависит, и о репутации королевства беспокоиться не приходится».

«От твоих поступков очень многое зависит! – отрезала Дездея. – Дурные привычки легко усваиваются, но от них трудно отделаться! Тебе необходимо научиться любезности и благопристойности, чтобы окружающие тебя уважали и тобой восхищались».

Мэдук неохотно кивнула: «Не думаю, что кто-нибудь станет восхищаться моим вышиванием или уважать меня за то, как я танцую».

«Тем не менее, ты обязана этому научиться и приобрести манеры, отличающие знатных наследниц от быдла – так, чтобы они вошли в плоть и кровь, проявляясь естественно и непринужденно. Время летит, день проходит за днем – ты и опомниться не успеешь, как месяцы превратятся в годы! Рано или поздно начнутся разговоры о помолвке, и тогда твое поведение и твои манеры станут предметом всеобщего внимания и подвергнутся беспощадной оценке».

Мэдук скорчила презрительную гримасу: «Если кто-нибудь мной заинтересуется, ему не потребуется много времени, чтобы услышать все, что я о нем думаю!»

«Дорогая моя, прямолинейная откровенность и любезность несовместимы!»

«Какое мне дело? Я не хочу связываться с такими вещами. Пусть пристают к кому-нибудь другому со своими помолвками и женитьбами».

Леди Дездея мрачно усмехнулась: «Не будь так уверена – очень скоро тебе придется изменить точку зрения. В любом случае, мне поручено сделать из тебя благовоспитанную особу, и я этим займусь».

«Вы только потеряете время».

«Неужели? Представь себе такую ситуацию. Благородный принц приедет в Лионесс, ожидая встретить скромную и безупречную принцессу, изящную и очаровательную. Он спросит: „Где же принцесса Мэдук – прекрасная, милая, благосклонная?“ А ему ответят, указывая пальцем в окно: „Вот она!“ Принц выглянет в окно и увидит, как ты скачешь и кувыркаешься, словно одержимая, с растрепанными рыжими волосами, своевольная и неприступная, как адская фурия! Что тогда?»

«Если у этого принца есть что-нибудь в голове, он прикажет подать коня и тут же уедет, – Мэдук вскочила. – Вы закончили? Мне хотелось бы заняться своими делами».

«Можешь идти».

Леди Дездея сидела в полной неподвижности добрых десять минут. Затем она резко поднялась на ноги и поднялась в будуар королевы. Соллас сидела, опустив руки в таз с мелом, замешанным в соке молочая – таким образом она надеялась воспрепятствовать вредному воздействию сельской воды.

Королева подняла голову: «Что такое, Оттилия? Ты меня пугаешь! Ты в отчаянии? Кто-нибудь умер? Или у тебя просто желудочные колики?»

«Мое состояние объясняется другими причинами, ваше величество! Я только что говорила с принцессой Мэдук и, к сожалению, должна сообщить неутешительные новости».

Соллас вздохнула: «Опять? Как только произносят ее имя, мне становится тошно. Она в твоих руках. Научи ее вежливо разговаривать, хорошо одеваться, делать реверансы, танцевать и вышивать – больше ничего не нужно. Через несколько лет мы выдадим ее замуж. А до тех пор придется мириться с ее странностями».

«Если бы это были всего лишь „странности“, как вы изволили выразиться, я могла бы с ними справиться. Но Мэдук превратилась в настоящего сорванца – дерзкая, непослушная, неисправимая безобразница! Она плавает в реке, куда я боюсь заходить. Она забирается на деревья, прячется в листве и притворяется, что меня не слышит. Чаще всего она проводит время в конюшне: от нее всегда разит навозом. Не знаю, что с ней делать».

Соллас вытащила руку из белой жижи, рассмотрела кожу и решила, что процедура производит желаемый эффект. Горничная начала было удалять налипшую пасту, чем вызвала гневный окрик королевы: «Поосторожнее, Нельда! Ты с меня шкуру сдираешь заживо! Ты бы еще принесла, в самом деле, скребок из конюшни!»

«Прошу прощения, ваше величество! Я буду осторожнее. Ваши руки теперь выглядят просто прекрасно!»

Королева Соллас кисло кивнула: «Поэтому я и терплю такие мучения. Ты что-то сказала, Оттилия?»

«Что делать с принцессой Мэдук?»

Соллас подняла на воспитательницу пустой волоокий взор: «В чем, по сути дела, она провинилась?»

«Она не слушается, делает, что хочет, и не всегда содержит себя в чистоте и порядке. У нее часто замызганное лицо, а в прическе путается солома – если этот рыжий ералаш можно назвать прической. Нерадивое, упрямое, своенравное, дикое создание!»

Королева снова вздохнула и взяла виноградину из стоявшей под рукой чаши: «Передай принцессе, что я недовольна. Разъясни ей, что заслужить мое благоволение она может только благопристойным поведением».

«Я это делала десятки раз, ваше величество. С таким же успехом можно было бы обращаться к стене».

«Хм. Конечно, ей скучно – мне здесь тоже скучно. Крестьянская жизнь просто выводит меня из себя! Где изящные, любезные девочки, окружавшие ее в Хайдионе? Они изысканно одеваются, у них утонченные манеры! Мэдук могла бы многому научиться, если бы стала им подражать».

«Если бы! В данном случае на это надеяться трудно».

Соллас взяла еще одну виноградину: «Прикажите привезти сюда двух или трех фрейлин принцессы. Дайте им понять, что от них ожидается обучение принцессы хорошим манерам и этикету. Время не ждет, нам нужно думать о будущем!»

«Будет сделано, ваше величество!»

«Среди них есть маленькая блондинка – пригожая, с лукавыми ужимками. В ее годы я тоже такая была».

«Судя по всему, вы имеете в виду Девонету, дочь герцога Мальноярда Одо из замка Фолиз».

«Пусть погостит в Саррисе с какой-нибудь подругой. Кого ты посоветуешь?»

«Идренту или Хлодис. По-моему, лучше Хлодис – она покрепче. Я сразу же этим займусь. Тем не менее, не ожидайте чудес».

Через неделю Девонета и Хлодис прибыли в Саррис и выслушали указания леди Дездеи. «Сельский воздух оказывает странное действие на принцессу Мэдук, – сухо говорила воспитательница. – Она ведет себя так, будто выпила возбуждительный напиток. Чрезмерная живость заставляет ее забыть о благопристойности, она взбалмошна и капризна. Мы надеемся, что вы сможете показать ей хороший пример и, может быть, сумеете сдерживать принцессу осторожными замечаниями».

Девонета и Хлодис направились на поиски Мэдук. Им пришлось искать довольно долго, но в конце концов они заметили принцессу высоко в кроне вишневого дерева – Мэдук срывала и ела спелые вишни.

Мэдук тоже их заметила – без малейшего удовольствия: «Я думала, вы разъехались на лето по домам. Или родня от вас уже устала?»

«Вовсе нет! – с достоинством ответила Девонета. – Мы здесь по королевскому приглашению».

«Ее величество считает, что вам не хватает надлежащего общества», – прибавила Хлодис.

«Ха! – вскинула голову Мэдук. – Моим мнением, конечно, никто не интересовался!»

«Нам поручили подавать вам хороший пример, – объяснила Девонета. – Для начала я могла бы заметить, что поиски благовоспитанных особ, как правило, не приводят к их обнаружению на дереве».

«Значит, я поистине благовоспитанная особа, потому что не хочу, чтобы меня обнаруживали», – отозвалась Мэдук.

Хлодис задумчиво смотрела вверх: «Вишни уже поспели?»

«Вполне».

«Они сладкие?»

«Очень сладкие!»

«Раз уж вы туда забрались, не могли бы вы сорвать для нас несколько вишен?»

Мэдук выбрала пару вишен и сбросила их в руки Хлодис: «Эти уже птицы поклевали».

Взглянув на вишни, Хлодис сморщила нос: «А получше нет?»

«Конечно, есть. Вы можете сами их набрать – для этого достаточно залезть на дерево».

Девонета резко отвернулась: «Я не желаю мять и пачкать платье».

«Как хотите!»

Девонета и Хлодис отошли в сторону, осторожно присели на траву и стали тихо беседовать. Время от времени они поглядывали вверх на Мэдук и хихикали, словно им в голову пришло что-то исключительно забавное.

Через некоторое время Мэдук спустилась по веткам и прыгнула на траву: «Как долго вы намерены оставаться в Саррисе?»

«Нас попросила приехать королева», – уклонилась от ответа Девонета. Смерив принцессу взглядом, она рассмеялась, не веря своим глазам: «Вы надели мальчишеские бриджи!»

«Если бы я залезла на дерево без штанов, у вас было бы больше поводов меня критиковать», – холодно отозвалась Мэдук.

Девонета презрительно хмыкнула: «Теперь, когда вы соблаговолили спуститься на землю, вам следует немедленно переодеться. В чистом длинном платье вы будете выглядеть гораздо лучше».

«Не буду – после того, как проведу часок-другой в обществе Тайфера».

Девонета моргнула: «Даже так? И куда вы направитесь?»

«Куда угодно. Скорее всего, вдоль берега».

Туповатая Хлодис подчеркнуто спросила: «А кто такой Тайфер, позвольте поинтересоваться?»

Мэдук с удивлением обратила на нее голубоглазый взор: «Какие странные мысли копошатся у тебя в голове! Тайфер – мой пони. Кто еще?»

Хлодис хихикнула: «Я что-то напутала».

Мэдук молча повернулась, чтобы уйти.

«Куда вы?» – позвала вдогонку Девонета.

«В конюшню!»

На хорошеньком личике Девонеты появилась гримаса отвращения: «Не хочу даже приближаться к конюшне. Давайте займемся чем-нибудь другим».

«Например, мы могли бы посидеть в саду и поиграть в наперстки или в бирюльки».

«Замечательная идея! Идите и начинайте без меня, я к вам присоединюсь попозже».

«Вдвоем играть не так весело!» – с сомнением сказала Хлодис.

«Кроме того, – прибавила Девонета, – леди Дездея поручила нам вас сопровождать».

«Чтобы вы могли научиться хорошим манерам», – объяснила Хлодис.

«Таково положение вещей, ничего не поделаешь, – притворно вздохнула Девонета. – В отсутствие родословной вы не можете надеяться, что благовоспитанность проявится сама собой – вам придется учиться на нашем примере».

«У меня прекрасная родословная! – храбро заявила Мэдук. – Я в этом совершенно уверена, и когда-нибудь ее найду. Может быть, даже очень скоро».

Девонета чуть не подавилась от смеха: «И где же вы собираетесь ее искать – в конюшне?»

Повернувшись к фрейлинам спиной, Мэдук пошла прочь. Девонета и Хлодис с раздражением смотрели ей вслед. Хлодис вскочила на ноги и крикнула: «Подождите! Мы пойдем с вами – но только если вы будете себя вести, как полагается!»

Через несколько часов Девонета и Хлодис представили отчет воспитательнице. Обе фрейлины были исключительно разочарованы поведением Мэдук, полностью игнорировавшей их рекомендации. «Принцесса заставила нас бесконечно торчать в конюшне, пока она скребла своего Тайфера и причесывала ему гриву!»

Этим дело не ограничилось. Причесав Тайфера, Мэдук куда-то увела его под уздцы и не вернулась. Две девицы пошли ее искать. Когда они пробирались на цыпочках к воротам конюшни, брезгливо поднимая юбки, ворота внезапно распахнулись, и створка столкнула их обеих с выложенного каменными плитами прохода в сточную канаву. Фрейлины не удержались на ногах и растянулись плашмя, хватаясь одна за другую. В этот момент Мэдук прошла через ворота и надменно спросила: «С какой стати вы решили обниматься в конском навозе? Я не назвала бы это поведением, подобающим придворным дамам. Постыдились бы!»

Леди Дездея могла только посочувствовать воспитанницам: «Вам следовало быть осторожнее! И все же, принцессе не следует тратить столько времени на лошадь. Завтра я этим займусь! Мы будем вышивать крестиками, закусывая медовыми коврижками и запивая их прохладным сангари. От этого никто не откажется!»

На рассвете три девочки завтракали луковым пудингом с холодной вареной птицей в приятной маленькой комнате с окнами, выходившими в парк. К ним зашел принц Кассандр. Присев за стол, он приказал лакею принести бутылку бледного сладкого вина. Откинувшись на спинку стула, принц принялся прихлебывать вино из кубка и пространно рассуждать о своем мировоззрении в общем и о своих авантюрах в частности. На следующий день он и его приятели намеревались поехать на север по Старой дороге, чтобы навестить большую ярмарку в городке под наименованием Флохамет. «Мы устроим турнир!⁷ – пообещал Кассандр. – Если найдется приличный противник, мне, наверное, придется стерпеть пару царапин – но мы, разумеется, не намерены соревноваться с деревенщиной».

Несмотря на относительно юный возраст, Девонета всегда была готова проверить эффективность своих чар: «Для того, чтобы так рисковать, нужно ничего не бояться!»

Кассандр сделал неопределенный жест рукой, в целом признающий справедливость замечания: «На турнирных поединках требуется сочетание множества приемов, которым можно научиться только на практике, а также врожденных способностей – не говоря уже о безукоризненном умении держаться в седле. Может быть, я преувеличиваю свои возможности, но мне кажется, что я смогу неплохо себя показать. Почему бы вам трем не поехать с нами во Флохамет – хотя бы для того, чтобы посмотреть на ярмарку? А потом, если турнир состоится, мы надели бы ваши ленты! Как вы думаете?»

«Заманчивое предложение! – воскликнула Хлодис. – Но леди Дездея уже назначила нам расписание на завтра».

«Утром мы будем сидеть и вышивать в теплице, а маэстро Жослен будет нам петь, аккомпанируя на лютне, – назидательно произнесла Девонета, покосившись на принцессу. – А после полудня королева устраивает прием, и мы все должны на нем присутствовать».

⁷ Поединки рыцарей в латах, с копьями наперевес, еще не получили широкое распространение. В ту эпоху на кончике турнирного копья надевали увесистую подушку из буйволовой кожи, и столкновение противников редко приводило к нанесению травм более серьезных, нежели ушибы и растяжения.

«Что ж, на вашем месте я не стал бы пренебрегать указаниями Дездеи, – пожал плечами Кассандр. – Может быть, этим летом снова представится такой случай».

«Очень надеюсь! – подхватила Девонета. – Представляю себе, как у зрителей замирают сердца, когда вы сбрасываете на землю противников, одного за другим!»

«Все не так просто, – слегка смутился Кассандр. – Кроме того, на ярмарке может не оказаться никого, кроме пахарей, лавочников и дровосеков. Посмотрим!»

2

Рано утром, когда над восточными холмами только показался багровый край солнечного диска, Мэдук вскочила с постели, оделась, наскоро позавтракала в кухне холодной овсяной кашей с инжиром и побежала в конюшню. Там она отыскала Пимфида и приказала ему оседлать Тайфера и другую лошадь для себя.

Пимфид жмурился, зевал и чесал в затылке: «Зачем выезжать в такую рань? Не думаю, что в этом есть какой-то смысл».

«Я не просила тебя думать, Пимфид! Думать буду я, а я уже все решила. Просто приготовь лошадей – и не задерживайся».

«Не вижу необходимости торопиться, – ворчал конюший. – Еще только светает, впереди целый день».

«Разве не понятно? Я хочу смыться от Девонеты и Хлодис! Пошевеливайся, будь так добр!»

«Очень хорошо, ваше высочество, – Пимфид флегматично оседлал лошадей и вывел их из конюшни. – Куда изволите ехать?»

«Куда угодно, лишь бы подальше отсюда – на Старую дорогу, например».

«До Старой дороги не близко! Четыре или пять миль...»

«Неважно! Погода хорошая, лошадям не терпится размяться».

«Но мы не вернемся к обеду! По-вашему, я должен голодать?»

«Поехали, Пимфид! Сегодня состояние твоего желудка не имеет значения».

«Оно может не иметь значения для вашего высочества – вы можете позволить себе закусывать шафранными кексами и жареными потрохами в меду, когда вам заблагорассудится! Но я не более чем крестьянский сын, как вы могли заметить, и аппетит у меня здоровый, так что вам придется подождать, пока я не найду хотя бы хлеба с сыром в дорогу».

«Поторопись!»

Конюший побежал куда-то и скоро вернулся с холщовой котомкой – ее он привязал к задней луке седла.

«Ты готов наконец? – спросила Мэдук. – Тогда поехали!»

3

Дорога из Сарриса пролегла по королевским парковым угольям: мимо лугов, усеянных ромашками и пламенно-красными маками, цветами волчьих бобов и дикой горчицы, мимо ясеневых и березовых рощ, в тени коренастых дубов, протянувших ветви над колеями.

Границу королевских парков отмечали небольшие каменные ворота, а за ними уже виднелся перекресток, где дорога в Саррис пересекалась Компанейским проездом.

Мэдук и Пимфид повернули на север по Компанейскому проезду – не без возражений со стороны Пимфида, не понимавшего, что так интересовало принцессу на Старой дороге: «Там ничего нет, кроме дороги; в одну сторону она ведет направо, а в другую – налево, вот и все!»

«Именно так, – кивнула Мэдук. – Поехали!»

В окрестностях постепенно стали появляться признаки сельскохозяйственной деятельности: небольшие, окаймленные старыми каменными оградами поля, засеянные овсом и ячменем, а время от времени и фермерский дом. Через пару миль колея стала полого подниматься длинными петлями, чтобы присоединиться наконец, на самом гребне холма, к Старой дороге.

Здесь Мэдук и помощник конюшего придержали лошадей. Обернувшись, они могли обозреть обширную панораму – весь Компанейский проезд до перекрестка, а справа от перекрестка – королевские парки до самых тополей, росших вдоль берегов реки Глейм, хотя загородную усадьбу не было видно за деревьями.

В соответствии с предсказанием Пимфида, Старая дорога тянулась налево и направо, спускаясь в ложбины и теряясь из виду в обоих направлениях. Компанейский проезд, пересекая Старую дорогу, продолжался туда, где мрачновато темнела чаща Тантревальского леса – здесь до него оставалось немногим больше мили.

Сейчас на Старой дороге никого больше не было – что само по себе, по-видимому, вызвало у Пимфида опасения. Приподнявшись в седле и вытянув шею, он долго оглядывался по сторонам. Мэдук наблюдала за ним с недоумением и наконец спросила: «Куда ты так внимательно смотришь, если вокруг никого нет?»

«Именно в этом я хочу убедиться».

«Не понимаю».

«Разумеется, не понимаете! – с некоторым высокомерием отозвался подросток-конюший. – В вашем возрасте позволительно не знать об опасностях этого мира – а им несть числа! Если хорошенько присмотреться – и даже если не присматриваться – всяких подвохов и бед всюду видимо-невидимо».

Мэдук присмотрелась к дороге – сначала направо, на восток, потом налево, на запад: «Не вижу никаких подвохов и бед».

«Это потому, что дорога пуста. Подвохи часто появляются внезапно, словно ниоткуда – именно поэтому они так опасны!»

«Пимфид, мне кажется, ты просто боишься».

«Вполне возможно, что так оно и есть – страх правит этим миром! Заяц боится лисы, лиса боится гончей, а гончая боится псаря. Псарь боится лорда, а тот боится короля. О том, кого и чего боится король, я не хотел бы рассуждать вслух».

«Бедняга Пимфид! Твой мир полон опасностей и страхов! У меня, однако, нет времени предаваться тревожным предчувствиям».

«Вы – принцесса королевской крови, – сдержанно ответил Пимфид. – В связи с чем я ни в коем случае не могу назвать вас бесшабашной маленькой дурехой, даже если бы у меня было такое намерение».

Мэдук обратила на него печальный взгляд бездонных голубых глаз: «Так вот как ты на самом деле обо мне думаешь!»

«Могу сказать только одно: люди, которые ничего не боятся, долго не живут».

«Я кое-чего боюсь, – возразила Мэдук. – Боюсь вышивания, боюсь учителя танцев Жослена и еще пары других вещей – о них лучше не упоминать».

«Я много чего боюсь! – гордо заявил Пимфид. – Бешеных собак, прокаженных и их колокольчиков, адских демонов, гарпий и ведьм, всадников без головы и тварей, живущих на дне колодцев, а также козлоногих упырей, оживших мертвецов и призраков, притаившихся у входа в покойницу».

«Это все?» – поинтересовалась Мэдук.

«Ни в коем случае! Я боюсь водянки, бельма на глазу и чумы. Кроме того, если уж говорить начистоту, я очень боюсь навлечь на себя гнев короля! Нам нужно вернуться, пока кто-нибудь не заметил, что мы уехали так далеко от Сарриса. Начнут распространяться сплетни, и королю мигом все донесут».

«Не спеши! – подняла руку Мэдук. – Когда наступит время вернуться, я дам тебе знать». Она присмотрелась к столбу с придорожным знаком: «До Флохамета всего четыре мили».

Пимфид сразу помрачнел: «Четыре мили или четыреста – какая разница? Нас там увидят!»

«Принц Кассандр говорил, что на флохаметской ярмарке весело».

«Все ярмарки одинаковы! – объявил Пимфид. – Сборища бродяг, мошенников и карманных воров!»

Мэдук упорствовала: «Там будут жонглеры, шуты, песенники, танцоры на ходулях, мимы и фигляры!»

«Все они недаром пользуются дурной славой – им нельзя доверять!» – предупредил Пимфид.

«А еще там устроят рыцарский турнир, – упорствовала Мэдук. – В нем может принять участие принц Кассандр, если для него найдется подходящий противник».

«Хм! Сомневаюсь!»

«Даже так? Почему же?»

Пимфид неподвижно смотрел в горизонт: «Мне не подобает обсуждать достоинства принца».

«Говори! Я никому не скажу».

«Принц вряд ли рискнет драться на глазах множества зевак: того и гляди, кто-нибудь выбьет его из седла».

Мэдук ухмыльнулась: «Он тщеславен, это правда. В любом случае, турнир меня мало интересует – я скорее хотела бы посмотреть, чем торгуют на ярмарке и что там показывают».

На честной физиономии Пимфида застыло выражение ослиного упрямства: «Мы не можем просто так заехать в город и проталкиваться через толпу оборванцев и головорезов! Представьте себе, как разгневется ее величество! Вам устроят выговор, а меня побьют. Нам нужно вернуться, солнце давно взошло».

«Еще рано! Девонета и Хлодис только приготавливают пьалы!»

Пимфид испуганно вскрикнул и указал рукой на запад, вдоль Старой дороги: «Смотрите, кто-то едет! Это знатные люди, вас узнают! Пора улепетывать, пока они далеко!»

Мэдук глубоко вздохнула. С доводами помощника конюшего невозможно было не согласиться. Развернув Тайфера кругом, она начала было спускаться по Компанейскому проезду, но тут же натянула поводья.

«Что такое?» – встревожился Пимфид.

«Всадники, поднимаются на холм. Это Кассандр на гнедом жеребце, а с ним... ну вот, конечно! Король Казмир на вороном боевом коне!»

Пимфид застонал от отчаяния: «Мы пропали!»

«Ничего не пропали! Поедем дальше по Компанейскому проезду, за Старую дорогу, и переждем, пока они проскачут налево».

«Наконец-то у вас появилась здравая мысль! – пробормотал Пимфид. – Быстрее! Нельзя терять времени – спрячемся за деревьями с той стороны!»

Пришпорив лошадей, Мэдук и Пимфид поспешно пересекли Старую дорогу и направились на север по Компанейскому проезду, теперь напоминавшему скорее не колею, а тропу, протоптанную на лугу. Скоро они приблизились к группе тополей, где надеялись укрыться.

«Чую дым!» – крикнула Мэдук через плечо.

«Где-то здесь пастушеская хижина. Дым из очага!» – отозвался конюший.

«Не вижу никакой хижины».

«Сейчас некогда с этим разбираться. Скорее, в тень!»

Они заехали за череду тополей и там обнаружили источник дыма – костер, над которым пара бродяг жарила кролика. У одного, пузатого коротышки, было круглое плоское лицо, окруженное черной порослью бороды, бакенбард и шевелюры. Другой, высокий и тощий, как палка, отличался разболтанными движениями рук и ног, продолговатой физиономией и тускло-безразличными рыбьими глазами. Оба носили какие-то лохмотья и потрепанные полусапожки со шнуровкой. На голове высокого бродяги красовался остроконечный колпак из черного фетра, а его приятель-толстяк напялил шляпу с низкой тульей и широченными полями. Неподалеку валялась пара котомок, по-видимому содержавших пожитки. При виде принцессы и Пимфида бродяги вскочили на ноги и стояли, напряженно оценивая ситуацию.

Пузатый заговорил: «И что вы тут делаете, цветущие юные создания?»

«Вас это не касается! – отрезала Мэдук. – Пимфид, поедем дальше; мы помешали господам завтракать».

«А мы не возражаем!» – развел руками толстяк. Не отрывая глаз от новоприбывших, он обратился к тощему товарищу: «Оссип, взгляни-ка на дорогу – никто не едет?»

«Никого нет!» – доложил Оссип.

«Прекрасные лошади! – размышлял вслух коротышка. – Седла и упряжь тоже высокого качества».

«Обрати внимание, Саммикин! У рыжей девчонки золотая пряжка».

«Где справедливость, Оссип? Одни носят золото, а у других ни гроша за душой!»

«Увы, такова жизнь! Если бы это зависело от меня, у всех всего было бы поровну!»

«Благородный принцип!»

Оссип присмотрелся к уздечке Тайфера: «Гляди-ка! Даже лошадь в позолоте!» Его голос зазвенел елейной завистью: «Живут же люди!»

Саммикин прищелкнул пальцами: «Не могу не возрадоваться судьбе! Прекрасная погода, и нам наконец повезло!»

«Тем не менее, придется приложить определенные усилия с тем, чтобы поддержать нашу репутацию».

«Несомненно, Оссип, несомненно!» Двое двинулись вперед. Обернувшись к Мэдук, Пимфид резко выкрикнул: «Уезжайте, скорее!» Он развернул свою лошадь, но узловатая рука Оссипа уже схватила уздечку. Пимфид с размаху пнул Оссипа в лицо, что заставило бандита зажмуриться и прижать к глазу ладонь другой руки: «А, змееныш! Ты, оказывается, умеешь кусаться! У меня теперь синяк будет – и глаз распухнет!»

Пританцовывая на коротких ножках, Саммикин рванулся к Мэдук, но она успела пришпорить Тайфера и отъехала подальше. Остановившись у колеи, она смотрела по сторонам, не зная, что предпринять.

Саммикин вернулся к Оссипу, все еще цеплявшемуся за уздечку лошади Пимфида, несмотря на отчаянные пинки и проклятия помощника конюшего. Подобравшись сзади, коро-

тышка приподнял Пимфида за пояс и бесцеремонно сбросил на землю. Пимфид взревел от ярости. Перекатившись по траве, он схватил сук, валявшийся под деревом, и, вскочив на ноги, приготовился обороняться. «Псы бродячие! – кричал он, с истерической отвагой размахивая палкой. – Захребетники! Подходите, я вас проучу!» Обернувшись, он взглянул на Мэдук, оцепеневшую в седле: «Уезжай скорее, бестолковая кукла! Зови на помощь!»

Саммикин и Оссип неторопливо подобрали дорожные посохи и двинулись в атаку на помощника конюшего, защищавшегося отважно и ловко – пока сухая ветка не разлетелась в щепки под ударом пузатого бродяги. Замахнувшись посохом, Оссип изо всех сил огрел Пимфида в висок – глаза паренька закатились, он свалился. Саммикин продолжал пинать и колотить Пимфида, пока Оссип привязывал лошадь к дереву. Прервавшись, коротышка решительно повернулся в сторону Мэдук. Принцесса наконец сумела сбросить оцепенение – развернув Тайфера, она понеслась галопом по проселочной дороге.

Голова Пимфида безжизненно повисла, струйка крови текла у него изо рта. Отступив на пару шагов, Саммикин одобрительно крикнул: «Этот уже ничего не расскажет! Пора ловить его подружку».

Низко пригнувшись к лошадиной гриве, Мэдук скакала по колее между каменными оградами. Она оглядывалась через плечо – Оссип и Саммикин пустились в погоню трусцой. Мэдук издала восклицание, напоминавшее стон, и снова пришпорила Тайфера. Она надеялась доехать до какой-нибудь прорехи в ограде, чтобы выскочить на луга и вернуться к Старой дороге.

Бандиты не отставали. Оссип бежал длинными размашистыми шагами, будто надменно выпрямившись; Саммикин прилежно работал полусогнутыми руками и мелко семенил, слегка рыская из стороны в сторону, как озабоченная жирная крыса. По-прежнему возникало впечатление, однако, что они не слишком торопятся.

Мэдук смотрела то направо, то налево. С одной стороны тянулась канава с проточной водой – за ней путь преграждала каменная ограда; с другой ограда кончилась, но ее заменила плотная живая изгородь боярышника.

Впереди отворот колеи свидетельствовал о наличии бреша в ограде. Мэдук повернула на всем скаку, промчалась через эту брешь – и в испуге остановилась, натянув поводья. Она очутилась в небольшом загоне для овец. Озираясь по сторонам и поворачиваясь в седле, она не замечала никакого выхода.

Тем временем, пыхтя и отдуваясь, в прорехе ограды появились Оссип и Саммикин. Все еще слегка задыхаясь, Оссип протянул руку к принцессе: «Потихоньку, не шарахайся! Придержи конька! Спокойно, спокойно – мы уже достаточно набегались».

«Главное – спокойствие! – громко подтвердил Саммикин. – Скоро все кончится, и – насколько мне известно – у тебя больше не будет никаких поводов беспокоиться».

«Никаких, это уж как пить дать! – согласился Оссип. – Стой смирно, не плачь: терпеть не могу ревущих детей!»

Мэдук отчаянно пыталась найти в ограде загона место пониже, где Тайфер мог бы перескочить, но такого места не было. Она соскользнула на землю и обняла Тайфера за шею: «Прощай, дружище! Мне придется тебя покинуть, чтобы спасти свою жизнь». Подбежав к изгороди, Мэдук вскарабкалась на нее, спрыгнула с другой стороны и поспешила прочь.

Оссип и Саммикин в ярости заорали: «Стой! Вернись! Мы пошутили! Мы тебе ничего не сделаем!»

Испуганно оглянувшись, Мэдук побежала еще быстрее – туда, где неподалеку начиналась темная чаща Тантревальского леса.

Грязно ругаясь, проклиная необходимость прикладывать столько усилий и выкрикивая самые изобретательные угрозы, доступные их воображению, бандиты кое-как перевалили через ограду загона и продолжили погоню.

На краю леса Мэдук задержалась, чтобы отдышаться, и прислонилась к стволу старого дуба. По лугу, не дальше, чем в пятидесяти ярдах, ковыляли Оссип и Саммикин, уже едва державшиеся на ногах от усталости. Коротышка заметил принцессу – ее растрепанные темно-рыжие кудри выделялись на фоне шершавого ствола. Бродяги почти остановились, после чего стали шаг за шагом приближаться. Саммикин позвал слащавым тоном: «А, милочка моя! Ты решила подождать – это правильно, это хорошо с твоей стороны! Не ходи в лес, там живут бяки и буки!»

«Они тебя сожрут заживо и выплюнут твои косточки! – добавил Оссип. – А с нами ты не пропадешь!»

«Иди сюда, цыпленочек! – ворковал пузатый. – Мы с тобой от души позабудемся!»

Мэдук повернулась и нырнула в лес. У нее за спиной раздавались разочарованные возгласы бандитов: «Вернись сейчас же, рыжая пронира!» «Теперь тебе не сдобровать – чем дольше ты прячешься, тем хуже для тебя!» «Подожди у меня, барское отродье – ты еще будешь пищать и выворачиваться и судорожно вздыхать, пока не потеряешь сознание! Никакой пощады тебе не будет! Нам от твоей породы никогда пощады не было!»

Мэдук морщилась, у нее тревожно сжималось сердце. Неужели мир может быть так уродлив и жесток? Они убили Пимфида, доброго храброго Пимфида! А Тайфер? Она больше никогда не сможет скакать на Тайфере, куда глаза глядят! Если разбойники ее поймут, они ей мигом шею свернут – даже если им не придет в голову устроить с ней какое-нибудь немислимое развлечение.

Мэдук остановилась и прислушалась, затаив дыхание. Шорох опавших листьев и треск валежника под тяжелыми ступнями угрожающе приближались. Мэдук бросилась в сторону, забежала за плотную поросль терновника и стала продираться сквозь чащу низкорослого лавра, надеясь сбить преследователей с толку.

Лес становился гуще, небо уже почти не проглядывало сквозь листву; его было видно только там, где недавно упало старое дерево – или там, где по какой-то причине образовалась прогалина. Принцессе преградило путь большое трухлявое бревно; она перебралась через него, обогнула, пригнувшись, колючую завесу ежевики и перепрыгнула через родник, сочившийся в темно-зеленом ковре жерухи. Она задержалась, чтобы оглянуться и перевести дыхание. Не было заметно ничего страшного – судя по всему, ей удалось ускользнуть от разбойников. Мэдук затаила дыхание и прислушалась.

Глухие, потрескивающие отзвуки шагов, едва слышные, все еще осторожно приближались – бандитам посчастливилось заметить лоскут белого платья принцессы в просвете зарослей, они продолжали идти по ее следам.

Мэдук тихо всхлинула от раздражения. Повернувшись на каблуках, она снова побежала, выбирая самые труднопроходимые места и стараясь все время держаться в тени. Проскользнув через заросли ольхи, она перешла вброд сонный ручей, пересекла поляну и забежала за огромный ствол упавшего дуба. Там, где торчали вверх и в стороны обломанные корни, она нашла небольшую нишу, прикрытую пучком наперстянок. Присев на корточки, Мэдук протиснулась спиной в расщелину между корнями.

Прошло несколько минут. Мэдук ждала, едва осмеливаясь дышать. Послышались шаги: Оссип и Саммикин шли где-то рядом. Мэдук зажмурилась – ей казалось, что бандиты могут почувствовать ее взгляд и вернуться.

Оссип и Саммикин ненадолго задержались на поляне, мрачно озираясь по сторонам. Пузатому показалось, что он услышал издали какой-то звук – указав пальцем в том направлении, он издал яростный возглас, и разбойники углубились в чащу. Глухие отзвуки шагов удалялись и постепенно растворились в лесной тишине.

Мэдук не вылезала из тесного убежища. Ниша между корнями оказалась теплой и удобной – веки ее невольно опустились, и она задремала.

Прошло время – как долго? Пять минут? Полчаса? Мэдук проснулась; теперь у нее затекли руки и ноги. Она стала осторожно выбираться из расщелины – и застыла. Что это? Тихие, звенящие, переливчатые звуки... Музыка?

Мэдук напряженно прислушивалась. Судя по всему, источник звуков находился где-то поблизости, но соцветия наперстянки не позволяли его разглядеть.

Мэдук сидела на корточках, не решаясь покинуть укрытие. Музыка казалась беззаботной и бесхитростной, даже несколько легкомысленной, и сопровождалась причудливыми короткими трелями и присвистами. Опасное или злобное существо, решила Мэдук, никак не могло бы получать удовольствие от таких наигрышей. Принцесса приподнялась на коленях и выглянула из-за пучка наперстянки. Было бы неудобно, если бы ее обнаружили в такой неподобающей достоинству позе. Мэдук набралась храбрости, поднялась на ноги, пригладила растрепанные волосы и стряхнула опавшие листья, приставшие к платью, в то же время внимательно изучая окрестности. В двадцати шагах на гладком валуне сидело небольшое существо – едва ли крупнее самой принцессы – со сморщенной физиономией и круглыми глазами цвета зеленоватой морской волны, с кожей и волосами одинакового темно-орехового оттенка. Существо нарядилось в аккуратный коричневый костюм с голубыми и красными полосками; на голове у него была заливчатая синяя шапочка с плюмажем из переливчатых перьев черного дрозда, а ступни его скрывались в длинных башмаках с заостренными носками. Существо держало в руке деревянную шкатулку-резонатор с выступающими металлическими язычками; язычков было не меньше двух дюжин, и существо, перебирая их пальцами, извлекало из шкатулки звенящие переливчатые звуки.

Заметив принцессу, существо перестало играть и спросило тоненьким голоском: «Почему ты спишь посреди дня? Когда просыпаются совы – тогда надо спать».

«Я задремала потому, что мне захотелось спать», – дружелюбно объяснила Мэдук.

«Понятно – по меньшей мере не так непонятно, как раньше. И что ты на меня уставилась? Надо полагать, тебя восхищает моя неотразимая внешность?»

«В какой-то мере, – тактично ответила принцесса. – Кроме того, мне редко приходилось беседовать с эльфами».

«Я древесный гном, а не эльф! – раздраженно заметило существо. – Разница очевидна!»

«Для меня не столь очевидна. То есть, у меня нет достаточного опыта».

«Древесные гномы – безмятежные, полные достоинства создания, склонные проводить время в созерцательном одиночестве. Тем не менее, наша порода отличается галантностью, благородством и привлекательностью, что нередко приводит к судьбоносному скрещиванию с представителями других лесных народцев и даже со смертными. Во всем Тантревальском лесу не сыскать существ великолепнее древесных гномов!»

«Несомненно, – кивнула Мэдук. – А что вы думаете об эльфах?»

Гном-музыкант презрительно махнул рукой: «Ненадежное, капризное племя! У эльфа в голове всегда копошатся четыре мысли одновременно. Эльфы и феи болтливы, нуждаются в обществе себе подобных – в одиночестве они тоскуют и чахнут. Они щебечут, сплетничают, проказничают, насмеваются; они бахвалятся и прихорашиваются; их жгучие страсти и великие замыслы испаряются через двадцать минут. Экстравагантное излишество – такова сущность их племени! Все, что делают эльфы и феи, делается в мимолетном приступе своенравной извращенности. По сравнению с ними древесные гномы – воплощения рыцарской доблести! Разве мать не объяснила тебе в младенчестве эти прописные истины?»

«Моя мать ничего мне не объясняла. Она давно мертва».

«Мертва? Это как понимать?»

«Как понимать? Протянула ноги, сыграла в ящик, приказала долго жить! Мне всегда казалось, что с ее стороны это было опрометчиво. Могла бы уделить мне больше внимания».

Большие зеленые глаза гнома моргнули; он извлек из музыкальной шкатулки задумчивую трель: «Поразительная и печальная новость! Тем более поразительная, что я имел честь беседовать с твоей матушкой примерно две недели тому назад, причем она демонстрировала обычную жизнерадостность – каковую, должен заметить, ты от нее в немалой степени унаследовала».

Мэдук в замешательстве встряхнула головой: «Вы, должно быть, принимаете меня за кого-то другого».

Древесный гном внимательно присмотрелся к ней: «Разве ты не Мэдук, прекрасное и талантливое дитя, которое путаник-король, беспардонный болван, объявил наследной принцессой Лионесской?»

«Так меня зовут, – скромно призналась Мэдук. – Но моей матерью была принцесса Сульдрун».

«А вот и нет! Это сказки для дураков! Твоя мать – фея Твиск из Щекотной обители».

Мэдук уставилась на гнома, открыв рот: «А вы откуда знаете?»

«В Тантревальском лесу это общеизвестно. Можешь мне верить или не верить, воля твоя».

«Я нисколько не сомневаюсь в том, что вы знаете, о чем говорите, – поспешила заверить собеседника Мэдук. – Но это просто невероятно! Как это может быть?»

Гном-музыкант осторожно положил шкатулку на валун и слегка выпрямился. Искося бросая на принцессу оценивающие взгляды и поглаживая подбородок длинными зеленоватыми пальцами, он размышлял: «Хорошо! Я посвящу тебя в подробности дела, но только если ты меня об этом попросишь – потому что я не хотел бы возбуждать тревогу или беспокойство, не получив твое недвусмысленное разрешение». Древесный гном повернулся к принцессе, глядя зелеными глазами прямо ей в лицо: «Желаешь ли ты, чтобы я сделал тебе такое одолжение?»

«Да, пожалуйста!»

«Что ж, пусть будет так! Принцесса Сульдрун родила мальчика. Отцом его был Эйлас из Тройсинета. Теперь этого мальчика величают Друном, он – тройский принц».

«Принц Друн? Теперь я вообще ничего не понимаю! Это невозможно! Друн гораздо старше меня».

«Терпение! Ты скоро все поймешь. Так вот – младенца прятали в лесу, потому что ему угрожала опасность. Твиск случайно оказалась поблизости; ей приглянулся маленький белобрысый мальчик, и она подменила его тобой. Так получилось. Ты – подкидыш. Друн провел в Щекотной обители, по летосчислению смертных, всего один год и один день, но в пространстве фей прошло много лет – семь, восемь, может быть, даже девять. Никто точно не знает, эльфы не следят за временем».

Некоторое время Мэдук молчала, усваивая неожиданные сведения. Потом она спросила: «Значит, я – фея-полукровка?»

«Ты долго жила среди смертных, ела их хлеб и пила их вино. Наследие фей – непрочная материя, требующая осторожного обращения. Кто знает, в какой мере это наследие заместились в тебе человеческой накипью? Таково, однако, положение дел. Учитывая все обстоятельства, судьба обошлась с тобой не так уж плохо. Ты хотела бы, чтобы все было по-другому?»

Мэдук задумалась: «Я не хотела бы превратиться не в то, что я есть – кем бы я ни была. В любом случае, я вам благодарна за объяснение».

«Ну что ты, о какой благодарности может идти речь? Мне практически ничего не стоило сделать тебе столь пустячное одолжение».

«В таком случае скажите – кто мог быть моим отцом?»

Древесный гном усмехнулся: «Ты исключительно удачно сформулировала этот вопрос! Твоим отцом мог быть тот или другой – или даже некто давно покинувший этот мир. Об этом тебе придется спросить твою матушку, фею Твиск. Ты хотела бы с ней встретиться?»

«Конечно, очень даже хотела бы!»

«У меня есть пара свободных минут. Если хочешь, я могу научить тебя вызывать фею Твиск».

«Пожалуйста, научите!»

«Таково твое пожелание?»

«Да, конечно!»

«Рад выполнить твое требование – в связи с чем твоя незначительная задолженность увеличится лишь ненамного. Будь добра, подойди поближе».

Мэдук осторожно вышла из-за цветущих наперстянок и приблизилась к древесному гному – от него исходил смолистый запах, напоминавший о протертых травах и сосновой хвое, с легкими примесями горьковатых почек, сладкой пыльцы и мускуса.

«Смотри же! – величественно произнес гном. – Я срываю травинку и прodelываю в ней две маленькие прорези – одну вот тут, а другую вот здесь, после чего продеваю кончик травинки в первую прорезь вот таким образом, а затем во вторую вот этаким образом... Теперь остается только подуть в травяной свисток – только потихоньку, чтобы он не развязался! – и прозвучит вызов. Слушай!» Гном подул на травинку; послышался тихий дрожащий звук: «Но для того, чтобы Твиск услышала вызов, тебе нужно сделать травяной свисток своими руками и самой подуть в него».

Мэдук начала было изготавливать травяной свисток, но прервалась – ее тревожила не выходящая из головы мысль. Она спросила: «Что вы имели в виду, когда упомянули о моей незначительной задолженности?»

Гном-музыкант поиграл в воздухе длинными пальцами: «Это несущественно. Об этом можно было даже не упоминать».

Мэдук с сомнением продолжила изготовление травяного свистка, но снова остановилась: «Общеизвестно, что эльфы и феи никогда ничего не дают, если не берут что-то взамен. Древесные гномы тоже придерживаются этого правила?»

«Вот еще! Скажем так: если заключается крупномасштабная сделка, такой принцип может находить применение. Древесные гномы не отличаются алчностью».

Мэдук почувствовала, что гном уклоняется от прямого ответа: «Тем не менее, скажите, каким образом я могла бы рассчитаться за ваши сведения и советы?»

Смущенно ерзая на валуне, гном сдвинул шапочку с плюмажем сначала на лоб, потом на затылок: «Не могу принять ничего существенного. Никакого серебра или золота, никаких драгоценностей! Мне доставило удовольствие сделать одолжение столь изящному быстроногому существу. Если исключительно из чувства благодарности тебя не затруднит необходимости поцеловать кончик моего носа, твоя задолженность будет полностью погашена. У тебя нет возражений?»

Мэдук с подозрением воззрелась на гнома и на его длинный заостренный нос, тогда как гном продолжал выражать смущение суетливо-нелепыми, бессодержательными жестами.

«Придется подумать о вашем предложении, – сказала в конце концов Мэдук. – Я редко целую знакомцев, в том числе их носы или другие части тела».

Гном нахмурился, сгорбил, обнял руками колени и опустил голову. Уже через несколько мгновений, однако, к нему вернулись успокоительно-вежливые манеры: «В этом отношении ты совсем не похожа на свою мать. Что ж, неважно. Я всего лишь хотел... а, о чем тут говорить! Ты уже сделала свисток? Прекрасно, прекрасно. А теперь тихонько подуй в него, с приветливым выражением лица... Вот так! Хорошо, можешь больше не дуть. Выслушай даль-

нейшие указания. Чтобы Твиск отозвалась, тебе нужно дунуть в травяной свисток и спеть вполголоса небольшое заклинание:

*«Лирра-ла-лисса, я фея Мэдук!
Ветры небесные, туч повелители!
Пусть дуновенья волшебного звук
Вызовет Твиск из Щекотной обители,
Пусть ее ветер несет мне навстречу,
Пусть она вспомнит о дочери вдруг,
Пусть отзовется, и я ей отвечу,
Лирра-ла-лисса, принцесса Мэдук!»*

Робко повторив эти слова вслух, Мэдук глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, извлекла дрожащий звук из травяного свистка и пропела заклинание.

На первый взгляд ничего не произошло. Посмотрев по сторонам, Мэдук спросила у гнома: «Может быть, я что-то напутала?»

Из-за поросли наперстянок послышался тихий голос: «Ты правильно повторила заклинание». Красотка-фея Твиск выступила вперед: грациозное создание с развевающимся шлейфом бледно-голубых волос, перевязанных ниткой сапфиров.

Потрясенная и восхищенная, Мэдук пролепетала: «Неужели я ваша дочь?»

«Прежде всего, – деловито сказала Твиск, – каким образом ты согласилась заплатить Зокко за услуги?»

«Он хотел, чтобы я поцеловала его в нос. Я сказала, что мне нужно посоветоваться по этому вопросу».

«Совершенно верно! – заявил гном Зокко. – В свое время я обеспечу предоставление надлежащих рекомендаций, и дело будет в шляпе. Вопрос не нуждается в дальнейшем обсуждении».

«Будучи ее матерью, рекомендации предоставлю я, что избавит тебя от лишних трудов», – возразила Твиск.

«Для меня это не составит никакого труда! Я достаточно изобретателен и сообразителен».

Твиск пропустила его возражения мимо ушей: «Мэдук, советую тебе подобрать комочек земли и предложить его этому пучеглазому уродцу со следующими словами: «Зокко, мой символический дар оплачивает, целиком и полностью погашая любую мою задолженность перед тобой ныне и присно и вовеки веков, в этом мире и в любых других мирах, в любых воображимых и невообразимых отношениях, каждую из услуг, предоставленных тобой мне, по моему поручению или от моего имени, фактических или вымышленных, в пределах любых измерений и пространств, а также за их пределами».

«Какой вздор, какая чушь! – вспылил древесный гном. – Мэдук, не обращай внимания на бестолковую синеволосяную распутницу – как тебе известно, мы уже обо всем договорились».

Твиск лениво приблизилась на несколько шагов, и Мэдук смогла рассмотреть ее получше: прелестное, неподражаемо очаровательное создание с бледно-голубой шевелюрой и кожей кремового оттенка. Глаза феи, такие же, как у Мэдук, сияли чудесными мечтательными небесно-голубыми озерами, способными утопить рассудок любого влюбчивого мужчины. Твиск обратилась к дочери: «Должна отметить, в качестве любопытной подробности, что Зокко знаменит похотливостью. Поцеловав его в нос, ты оказалась бы у него в услужении, и вскоре тебе пришлось бы целовать его, по приказу, совсем в других местах, не говоря уже о прочем».

«Подумать только! – удивилась Мэдук. – Зокко казался таким обходительным и покладистым!»

«Он умеет прикидываться».

Мэдук повернулась к гному: «Я посоветовалась по поводу задолженности». Она подобрала комочек земли: «Вместо того, чтобы целовать ваш нос, я вручаю вам этот символ моей благодарности». Невзирая на пiski и стоны протестующего Зокко, Мэдук продекламировала формулу, рекомендованную феей.

Древесный гном раздраженно бросил ком земли в сторону: «Бесполезный символ! Не могу его съесть, у него и вкуса-то никакого нет! Не могу его надеть, он не годится даже как сувенир, который можно было бы повертеть в руках, вспоминая несколько приятных минут!»

«Помолчи, Зокко! – посоветовала Твиск. – Твое пошлое нытье всем осточертело».

«В дополнение к символическому подарку, – продолжала Мэдук, – и несмотря на ваши жуткие намерения, я действительно благодарна за то, что вы устроили мне встречу с матерью. Не сомневаюсь, что она испытывает такие же чувства».

«Еще чего! – воскликнула Твиск. – Я и думать о тебе забыла! Зачем, кстати, я тебе понадобилась?»

Мэдук не на шутку обиделась: «Я хотела с тобой повидаться! Мне говорили, что ты умерла».

Твиск покровительственно рассмеялась: «Нелепое заблуждение! Во мне жизнь бьет ключом, а порой и переливает через край».

«Это сразу заметно! Сожалею о своей ошибке, мне сообщили ложные сведения».

«Именно так. Тебе следовало бы не принимать на веру все, что тебе говорят. Но теперь ты знаешь правду, и я могу вернуться в Щекотную обитель».

«Подожди! – взмолилась Мэдук. – Я твоя родная дочь, и ты меня только что встретила! Кроме того, мне нужна твоя помощь!»

Твиск вздохнула: «Как так получается, что всем всегда нужна моя помощь? Чего ты от меня хочешь?»

«Я заблудилась в лесу! Два разбойника убили Пимфида и украли моего пони, Тайфера! Они за мной погнались и страшно меня напугали – меня они тоже хотели убить и даже обзывали щуплой рыжей сучкой!»

Твиск осуждающе уставилась на дочь, не веря своим ушам: «И ты стояла, опустив голову, пока тебя безнаказанно оскорбляли?»

«Ничего подобного! Я убежала как можно дальше и спряталась».

«Тебе следовало напустить на них осиный рой! Или укоротить им ноги, чтобы у них ступни росли прямо из задниц. Или превратить их в ежей – это проще простого».

Мэдук смущенно усмехнулась: «Если бы я знала, как это делается!»

Твиск снова вздохнула: «Я пренебрегла твоим образованием, это невозможно отрицать. Что ж, раз теперь представилась такая возможность, начнем восполнять это упущение сию минуту». Фея взяла принцессу за руки: «Что ты чувствуешь?»

«По мне пробежала дрожь, с головы до ног! Очень странное ощущение».

Твиск кивнула и отступила на шаг: «А теперь сложи большой и указательный пальцы, вот таким образом. Прошептав „Фвип!“, повернись в сторону того, кто причиняет тебе неудобство, и вздерни подбородок. Попрактикуйся на Зокко».

Мэдук сложила большой и указательный пальцы: «Вот так?»

«Правильно».

«А теперь – „Фвип“?»

«Именно так».

«И вздернуть подбородок – вот так?»

Зокко испустил отчаянный вопль и подскочил в воздух, повиснув на высоте человеческого роста и быстро перебирая ногами. «Ай, ай, ай-йи! – кричал гном. – Опустись сейчас же!»

«У тебя получилось с первого раза, – одобрила Твиск. – Обрати внимание на то, как он машет руками и семенит ступнями, словно танцует. Это заклинание называют „подергунчиком“ или „пляской гоблинов“».

Мэдук разжала пальцы, и Зокко свалился на землю, выпучив сине-зеленые глаза: «Прекратите эти проказы, немедленно!»

«Прошу прощения, Зокко! – лукаво извинилась Мэдук. – Кажется, я слишком высоко вздернула подбородок».

«Мне тоже так показалось, – заметила Твиск. – Попробуй снова, но без усердия, с пренебрежением».

На этот раз Зокко повис в воздухе на высоте не больше собственного роста, а его жалобы стали менее пронзительными.

«Прекрасно! – похвалила Твиск. – У тебя заметна врожденная склонность к маленьким хитростям нашего племени».

«Я научилась слишком поздно! – помрачнела Мэдук. – Бедняга Пимфид валяется, мертвый, в придорожной канаве, и все из-за того, что мне не терпелось побывать на флохаметской ярмарке».

Твиск беззаботно махнула рукой: «Ведь не ты убила Пимфида?»

«Конечно, нет!»

«Тогда тебе не о чем жалеть».

Но огорчение Мэдук нельзя было рассеять так легко: «Все это хорошо и замечательно, но Оссип и Саммикин, забившие его насмерть кольями, тоже не испытывают никаких сожалений. Они колотили его и колотили, пока не брызнула кровь, а потом погнались за мной и украли Тайфера! Я тебя встретила, и меня это очень радует, но я не могу забыть Пимфида и Тайфера».

Зокко усмехнулся: «Чисто женская черта – она уже умеет петь басом и сопрано одновременно!»

Твиск повернулась к гному, вопросительно приподняв бровь: «Кажется, ты что то сказал?»

Зокко облизнул губы: «Всего лишь праздное наблюдение, не более того».

«Так как тебе все равно нечего делать, может быть, ты мог бы разобраться с обстоятельствами, причиняющими моей дочери столько беспокойства».

«Не вижу, почему я должен оказывать одолжение тебе или твоей достаточно непривлекательной дочери», – капризно отозвался гном.

«Дело твое!» – великодушно пожала плечами Твиск. Доверительно наклонившись к Мэдук, она добавила: «Древесным гномам не хватает воображения. Зокко, например, представляет себе, что в ближайшем будущем его ждет блаженная праздность, лишённая забот и унижений. Как ты думаешь, его представления расходятся с действительностью?»

«Существенно».

Зокко суетливо вскочил на ноги: «У меня, кажется, есть пара свободных минут. Ничего страшного не случится, если я пойду взгляну, как обстоят дела и, может быть, внесу кое-какие поправки».

Твиск кивнула: «Возвращайся с отчетом безотлагательно!»

Зокко мигом удалился. Твиск смерила свою дочь взглядом с головы до ног: «Забавно, забавно! Как я уже упомянула, я почти забыла о твоём существовании».

«С твоей стороны было не очень красиво отдавать маленькую дочь чужим людям и подменять меня чужим младенцем!» – с обидой выпалила Мэдук.

«Все не так просто, – возразила Твиск. – Вопреки тому, что тебе хочется думать, ты не уродилась таким уж милым созданием – напротив, с тобой была одна морока. Типпит был тихий и послушный мальчик с золотистыми кудрями; он курлыкал и смеялся, а ты всегда пиналась и пищала. Мне не терпелось от тебя избавиться».

Мэдук придержала язык; в данном случае упреки были очевидно бесполезны. «Надеюсь, теперь тебе представилась возможность изменить свое мнение», – с достоинством сказала она.

«Из тебя могло бы получиться что-нибудь и похуже. Кажется, ты унаследовала от меня какое-то подобие умственных способностей и, пожалуй, некоторую долю моей привлекательности, хотя у тебя на голове не прическа, а ералаш».

«Это потому, что я в ужасе носилась по лесу и пряталась под трухлявым бревном. Ты могла бы подарить мне волшебный гребень, чтобы я не тратила столько времени на причесывание».

«Удачная мысль! – заметила Твиск. – Ты найдешь этот гребень у себя под подушкой, когда вернешься в Саррис».

Уголки губ Мэдук опустились: «Мне придется вернуться в Саррис?»

«Куда еще?» – с легкой издевкой спросила Твиск.

«Мы могли бы жить вместе в красивом маленьком собственном замке – может быть, на берегу моря».

«Это непрактично. Ты неплохо устроилась в Саррисе. Не забывай, однако, что никто не должен знать о нашей встрече – и в первую очередь король Казмир!»

«Почему? Хотя, конечно, я ничего не собиралась ему рассказывать...»

«Это долгая и сложная история. Казмир знает, что ты – подкидыш, но сколько он ни старался, он так и не смог узнать, кем стал настоящий ребенок Сульдрун. Если Казмир это узнает – а из тебя он мог бы добыть эти сведения пыткой – он подошлет убийц в Тройсинет, и Друн распрощается с жизнью».

Мэдук поморщилась: «Зачем ему устраивать такую подлость?»

«Затем, что Казмира тревожит предсказание о судьбе сына Сульдрун. Только жрецу Умфреду известна истина, но он ее бережет, как зеницу ока – по меньшей мере до поры до времени. А теперь, Мэдук, хотя мне было любопытно с тобой поболтать...»

«Не уходи! Нам еще о многом нужно поговорить! Мы сможем скоро встретиться снова?»

Твиск безразлично пожала плечами: «Обстоятельства моей жизни постоянно меняются – я не могу строить определенные планы».

«В моей жизни обстоятельства меняются скорее внезапно, нежели постоянно, – сказала Мэдук, – и я не совсем уверена, что хорошо их понимаю. Девонета и Хлодис, например, обызывают меня „бастардом“ и не упускают случая указать на то, что у меня нет родословной».

«Формально они правы, хотя выражают свое мнение довольно бесцеремонно».

«Я так и думала, – огорчилась Мэдук. – И все же я хотела бы знать, как зовут моего отца, какие у него характер и внешность, какое положение он занимает...»

Твиск рассмеялась: «Это головоломка, которую даже я не пытаюсь разгадать».

Мэдук изумленно раскрыла глаза: «Ты не помнишь, как его зовут?»

«Нет».

«А его положение? Происхождение? Как он выглядел?»

«Все это было слишком давно. Почему я обязана помнить мельчайшие подробности всей своей жизни?»

«И все же, раз он был моим отцом, несомненно он занимал высокое положение, у него была древняя и славная родословная?»

«Не помню, чтобы я встречалась с таким высокопоставленным аристократом».

«Значит, я не могу даже утверждать, что я – внебрачная дочь знатного вельможи?»

Твиск проявляла нетерпение – ей явно наскучила эта тема: «Утверждай, что хочешь! Никто не сможет опровергнуть твои заявления, даже я! В любом случае, по каким бы законам ты ни родилась, тебя все еще считают принцессой Лионесской. А это завидное, высокое положение!»

Уголкем глаза Мэдук заметила, как рядом мелькнуло что-то зеленое и синее: «Зокко вернулся».

Гном отчитался перед феей: «Никакого трупа или мертвого тела мне найти не удалось, и я сделал вывод, что в данном случае можно говорить о попытке убийства, но не об убийстве как таковом. Продолжив розыски на восток вдоль Старой дороги, я заметил бродяг непотребной внешности, ехавших верхом. Толстяк Саммикин взгромоздился на высокой гнедой кобыле, покачиваясь, как верблюжий горб. Долговязый Оссип оседлал серого в яблоках пони, волоча ноги по земле».

«Ох, мой бедный Тайфер!» – всплеснула руками Мэдук.

«И чем завершилось твое рассмотрение этого дела?» – поинтересовалась Твиск.

«Лошади привязаны к ограде загона. Бродяги бегут со всех ног в Голые холмы – за ними гонятся два бурых медведя».

«Пожалуй, Саммикина следовало превратить в жабу, а Оссипа – в саламандру. Кроме того, на твоём месте я уделила бы больше внимания подтверждению кончины Пимфида – хотя бы потому, что не хотела бы упустить случай полюбоваться на ходячий труп».

«Значит, наверное, он еще жив!» – предположила Мэдук.

«Такая возможность, конечно, существует», – кивнула Твиск.

«Если он хотел, чтобы его считали мертвым, ему следовало оставаться на месте», – проворчал Зокко.

«Именно так, – сказала Твиск. – Зокко, можешь идти. И впредь не пытайся водить за нос мою невинную маленькую дочь!»

«Возраст ее очевиден, хотя невинность вызывает сомнения, – пробормотал себе под нос древесный гном. – Так или иначе, всего хорошего». Словно опрокинувшись спиной вниз с гладкого валуна, Зокко исчез.

«С ним еще можно иметь дело, другие гномы не так покладисты, – заметила фея. – Но время не ждет. Мне было очень приятно с тобой встретиться после многолетней разлуки, но...»

«Подожди! – воскликнула Мэдук. – Я все еще ничего не знаю ни о своем отце, ни о моей родословной!»

«Я об этом подумую. Тем временем...»

«Пожалуйста, не уходи! Мне нужна твоя помощь – я сама не справлюсь!»

«Как тяжело бремя родительского долга! – вздохнула Твиск. – Что еще тебе нужно?»

«Даже если Пимфид не умер, он, наверное, еле жив, его жестоко избили. Дай мне что-нибудь, от чего он выздоровеет».

«Это нетрудно», – Твиск сорвала лавровый лист и плюнула точно в его сердцевину. Сложив листок вчетверо, она трижды прикоснулась им к своему лицу – ко лбу, к носу и к подбородку – после чего передала его дочери: «Натри раны Пимфида этим листком, и он быстро поправится. Что-нибудь еще? Если нет...»

«Еще не все! По-моему, не следует наказывать „подергунчиком“ леди Дездею. Она может подпрыгнуть так высоко, что при дворе начнется скандал – или сломать ногу, когда упадет обратно на землю».

«Ты слишком добра, – отозвалась Твиск. – В том, что касается подергунчика, тебе не мешает отработать жестикуляцию – главным образом, движение подбородка. Практика позволит контролировать высоту прыжка воспитательницы так, чтобы не возникало никаких скандалов. Что еще?»

Мэдук задумалась: «Еще я хотела бы волшебную палочку, чтобы превращать разбойников в жаб и саламандр, шапку-невидимку, сапоги-скороходы, бегущие по воздуху, волшебный кошель с неизменным золотом, талисман, заставляющий всех меня любить, зеркало...»

«Стой! – закричала Твиск. – Ты слишком многого хочешь!»

«Никогда не мешает попросить, – повела плечом Мэдук. – А где мы снова увидимся?»

«Если потребуется, приходи в Щекотную обитель».

«Как я ее найду?»

«По Старой дороге дойдешь до Малого Саффилда. Там поверни на север по берегу Тимбла – по пути пройдешь Тон-Тимбл, и колея кончится в Глимводе, уже на краю леса. Там спроси, как пройти на Шаткую тропу, ведущую на Придурковатую поляну. Это и есть Щекотная обитель. Приходи в полдень – никогда не приходи ночью, по многим причинам. Встань на краю поляны и тихо трижды произнеси мое имя – я приду. Если к тебе станут приставать эльфы, кричи: „Отстранитесь, я под защитой закона фей!“»

«Удобнее было бы вызывать тебя травяным свистком», – с надеждой предположила Мэдук.

«Удобнее – возможно, с твоей точки зрения. Но не обязательно с моей, – Твиск сделала шаг вперед и поцеловала Мэдук в лоб, после чего с улыбкой отступила. – Я о тебе не позаботилась, но такова моя природа. Не ожидай от меня ничего лучшего».

Твиск растворилась в воздухе. Мэдук стояла одна посреди поляны – у нее на лбу еще оставалось щекочущее ощущение поцелуя матери. Посмотрев на пустое место, где только что стояла Твиск, принцесса повернулась и тоже ушла.

4

Через некоторое время Мэдук вернулась лесом к тропе, по которой за ней гнались разбойники. В овечьем загоне она нашла Тайфера и гнедую кобылу Пимфида, привязанных к столбу ограды. Вскочив на Тайфера, она поехала с кобылой на поводу к перекрестку Старой дороги. По пути принцесса внимательно смотрела по сторонам, но Пимфида нигде не было – ни мертвого, ни живого. Это обстоятельство вызывало у Мэдук тревогу и замешательство. Если Пимфид не умер, почему он неподвижно лежал под деревом, бледный и окровавленный? Если же он умер, почему бы он куда-то ушел?

Продолжая беспокойно поглядывать налево и направо, Мэдук пересекла Старую дорогу и стала спускаться с холма по Компанейскому проезду. В конце концов она приехала в Саррис. Опечаленная, Мэдук отвела лошадей в конюшню – и здесь, наконец, раскрылась тайна исчезновения помощника конюшего. Рядом с кучей навоза безутешно сидел Пимфид собственной персоной.

Увидев принцессу, он вскочил на ноги. «Наконец вы потрудились вернуться! – воскликнул он. – Почему вас так долго не было?»

«Меня задержали события, от меня не зависящие», – с достоинством ответила Мэдук.

«Все хорошо, что хорошо кончается! – ворчал Пимфид. – Тем временем я тут сидел, как на иголках. Если бы король Казмир вернулся с ярмарки раньше вас, меня бы уже гноили в темнице!»

«По-видимому, ты беспокоишься обо мне гораздо меньше, чем о себе», – съязвила Мэдук.

«Неправда! Я строил всевозможные догадки по поводу того, какая судьба вас постигла, и ни одна из возможностей меня не радовала. Кстати, что именно с вами произошло?»

Мэдук не видела необходимости рассказывать обо всех подробностях своих приключений: «Бандиты гнались за мной до самого леса. Мне удалось от них убежать, после чего я вернулась окольным путем к Старой дороге и приехала домой. Вот, в сущности, и все». Принцесса подошла к Пимфиду и рассмотрела его с ног до головы: «Кажется, ты в целости и сохранности, более или менее. Я боялась, что тебя убили – они так жестоко колотили тебя кольями!»

«Ах! – скорбно вздохнул Пимфид. – Меня не так легко прикончить. У меня крепкая голова».

«В целом, учитывая все обстоятельства, тебя не в чем упрекнуть, – вынесла приговор Мэдук. – Ты храбро дрался и сделал все, что мог».

«Так-то оно так! Но я не последний дурак! Когда я понял, к чему идет дело, я притворился мертвым».

«У тебя синяки? Что-нибудь болит?»

«Не могу отрицать, что мне нанесли несколько ушибов, и что болит у меня, по сути дело, все, что может болеть. В голове стучит, как в колоколе!»

«Встань, Пимфид! Я облегчу твои страдания!»

«Что вы собираетесь делать?» – с подозрением спросил помощник конюшего.

«Не задавай лишних вопросов».

«В том, что касается методов исцеления, я предпочитаю осторожность. В частности, я не нуждаюсь ни в слабительном, ни в клистире».

Мэдук игнорировала его замечания: «Подойди, покажи, где у тебя болит».

Пимфид приблизился и смущенно указал расположение самых серьезных ушибов. Мэдук приложила к ним магический компресс из лаврового листа, и боли Пимфида мгновенно прошли.

Пимфид неохотно признал преимущества терапевтических методов принцессы: «Удивительное дело! Где вы научились таким трюкам?»

«Это не каждому дано, – уклонилась от ответа Мэдук. – Я хотела бы также вознаградить тебя за храбрость. Ты смело дрался с врагами и заслуживаешь повышения в ранге». Глядя по сторонам, принцесса не смогла найти никакого подходящего инструмента, кроме вил, торчавших в куче навоза: «Пимфид, преклони колени!»

Помощник конюшего снова уставился на нее в недоумении: «Что вы еще придумали?»

«Делай, что тебе говорят! Таков приказ твоей принцессы!»

Пимфид обреченно пожал плечами: «Наверное, придется уступить вашей прихоти, хотя я не вижу никаких причин для такого унижения».

«Перестань ворчать!»

«Тогда побыстрее кончайте забаву, в чем бы она ни заключалась. Я уже чувствую себя полнейшим дураком».

Мэдук выдернула вилы из кучи навоза и высоко ими замахнулась. Пимфид отшатнулся, закрывая голову рукой: «Что вы делаете?!»

«Терпение, Пимфид! Сей инструмент символизирует меч из благородной стали!» Мэдук прикоснулась вилами к голове Пимфида: «За выдающуюся доблесть на поле боя нарекаю тебя „сэром Пом-Помом“. Отныне тебе надлежит именоваться не иначе как „сэр Пом-Пом“! Встань, сэр Пом-Пом! В моих глазах, по меньшей мере, ты доказал свое благородство!»

Пимфид поднялся на ноги, одновременно ухмыляясь и хмурясь: «Боюсь, что конюший и другая прислуга плевать хотели на мое благородство».

«Неважно! Для меня ты теперь – сэр Пом-Пом».

Посвященный в рыцари помощник конюшего пожал плечами: «Лиха беда начало».

Глава 4

1

Леди Дездея, узнав от конюшего о возвращении принцессы Мэдук в Саррис, устроилась в вестибюле, где высокородная проказница не могла ускользнуть от ее внимания.

Прошло пять минут. Сверкая глазами и скрестив руки на груди, леди Дездея ждала, постукивая пальцами по локтям. Мэдук, едва волочившая ноги от усталости, открыла дверь и зашла в вестибюль.

Принцесса направилась к боковому коридору, не глядя по сторонам, словно погруженная в свои мысли; леди Дездею она полностью игнорировала, как если бы воспитательница не существовала.

Мрачно усмехнувшись, Дездея позвала ее: «Принцесса Мэдук! Будьте добры, я хотела бы с вами поговорить».

Мэдук остановилась, опустив плечи, и неохотно повернулась: «Да, леди Дездея? Что вам нужно?»

Дездея проявляла сдержанность: «Прежде всего, я хотела бы сделать несколько замечаний по поводу вашего поведения, вызвавшего беспокойство у всех во дворце. Во-вторых, я хотела бы сообщить вам о некоторых планах на ближайшее будущее».

«Если вы устали, – со слабой надеждой ответила Мэдук, – нет необходимости затруднять себя замечаниями. А планы мы можем обсудить как-нибудь в другой раз».

Усмешка Дездеи, казалось, застыла у нее на лице: «Как вам угодно, хотя мои замечания весьма существенны, а упомянутые планы имеют к вам самое непосредственное, а также косвенное отношение».

Мэдук отвернулась и собралась уходить. «Один момент! – задержала ее леди Дездея. – Упомяну только об одном. Их величества намерены отпраздновать день рождения принца Кассандра, устроив великолепное празднество. Приедет множество знатных и влиятельных лиц. Будет устроен официальный прием, на котором вам придется присутствовать и сидеть в составе королевской семьи».

«Что ж, все это не так уж важно», – отозвалась Мэдук и снова отвернулась. И снова ее остановил голос леди Дездеи: «Тем временем вам придется срочно научиться общепринятым хорошим манерам – чтобы вы могли показать себя в самом лучшем свете».

Обернувшись через плечо, Мэдук сказала: «На приеме мне придется только тихо сидеть, время от времени кивая головой. Для этого не нужно ничему учиться».

«Ха! Вы неправильно оцениваете объем необходимых навыков, – возразила Дездея. – Завтра я сообщу вам все подробности».

Мэдук притворилась, что не слышит, и удалилась в коридор, ведущий к ее комнатам. Оказавшись у себя, она тут же прошла к постели и остановилась, глядя на подушку. Найдется ли что-нибудь под подушкой? Медленно, осторожно, опасаясь разочарования, она приподняла подушку и обнаружила небольшой серебряный гребень.

Мэдук не сдержала тихое радостное восклицание. Твиск нельзя было назвать образцовой матерью, конечно, но по меньшей мере она была жива, а не мертва, как принцесса Сульдрун – по меньшей мере теперь Мэдук была не одна в этом мире!

На стене над туалетным столиком принцессы висело зеркало из византийского стекла, отвергнутое королевой Соллас, так как, будучи недостаточно ровным, оно искажало отражение – но бракованное зеркало сочли вполне подходящим для принцессы Мэдук, тем более что принцесса редко пользовалась зеркалами.

Мэдук подошла к зеркалу. На нее смотрели голубые глаза под беспорядочной копной медно-рыжих кудрей. «Не так страшна моя прическа, как ее пытаются изобразить, – отважно сказала себе Мэдук. – Мои волосы не заплетены в косы и не уложены валиком, но я не терплю никаких кос и валиков! Посмотрим, однако, что произойдет».

Мэдук провела гребнем по волосам. Гребень скользил по прядям, вопреки обыкновению не встречая никакого сопротивления и не выдирая волос; с его помощью процесс причесывания становился даже в какой-то мере приятным.

Мэдук прервалась, чтобы приглядеться к отражению. Изменение, хотя и не поразительное, было вполне заметным. Кудри, казалось, улеглись и образовали аккуратное обрамление вокруг лица. «Улучшение очевидно, – заметила про себя Мэдук. – Это немаловажно, так как поможет мне избежать насмешек и критических замечаний. Сегодняшний день полон знаменательных событий!»

С утра Мэдук завтракала кашей и вареным беконом в маленьком озаренном солнцем алькове кухонной стены, где, как ей было известно, она могла не опасаться присутствия Девонеты или Хлодис.

Мэдук решила съесть персик, после чего задумалась над гроздью винограда. Ее нисколько не удивила физиономия леди Дездеи, заглянувшая в кухню: «Вот где вы прячетесь!»

«Я не прячусь, – холодно ответила Мэдук, – я завтракаю».

«Так-так. Вы кончили завтракать?»

«Не совсем. Как вы можете видеть, у меня еще остался виноград».

«Когда вы наконец утолите голод, будьте добры, приходите в утреннюю гостиную. Я вас буду ждать».

Мэдук обреченно поднялась на ноги: «Что ж, пойдете».

В утренней гостиной Дездея указала на стул: «Вы можете сесть».

Принцессе не понравился тон воспитательницы. Бросив на нее угрюмый взгляд, Мэдук развалилась на стуле, расставив вытянутые ноги и уронив подбородок на грудь.

Леди Дездея явно не одобряла такую позу: «Ее величество королева считает, что ваши манеры оставляют желать лучшего. Я разделяю ее точку зрения».

Губы Мэдук слегка покривились, но она промолчала.

Дездея продолжала: «Возникла необычная ситуация, требующая принятия срочных мер. Помимо всего прочего, для вас самое важное – репутация. А!» Воспитательница выставила лицо вперед: «Вы раздуваете щеки, вы сомневаетесь? Тем не менее, я права!»

«Да-да, леди Дездея».

«Принцесса Лионесская – немаловажная персона! Слухи о ваших поступках, достойных как похвалы, так и порицания, быстро распространяются по всей стране и за ее пределами, словно на крыльях птиц! Поэтому вы обязаны всегда вести себя благородно, изящно и благонаправно; вы должны лелеять и холить свою репутацию так, словно она – прекрасная клумба душистых цветов!»

«Вы могли бы этому способствовать, распространяя обо мне только хорошие слухи», – глубокомысленно заметила Мэдук.

«Прежде всего вам нужно изменить привычки – я не хочу, чтобы надо мной смеялись, когда я отзываюсь о вас с похвалой».

Леди Дездея сделала пару шагов в одном направлении, затем пару шагов обратно. Остановившись, она снова посмотрела в лицо принцессе: «Желаете ли вы, чтобы о вас говорили, как об очаровательной молодой принцессе, известной прекрасными манерами – или как о развязной девчонке с замызганной физиономией и разбитыми коленками?»

Мэдук задумалась: «Есть какие-нибудь другие варианты?»

«На данный момент этого достаточно».

Мэдук глубоко вздохнула: «Я не возражаю против того, чтобы меня считали очаровательной молодой принцессой – с тем условием, что мне не придется создавать такое впечатление самой».

На лице Дездеи появилась характерная мрачная усмешка: «К сожалению, это невозможно. Вас никогда не будут считать тем, чем вы не являетесь. Совершенно необходимо, чтобы на празднестве вы вели себя благонаравно, как подобает изящной молодой принцессе, и вам придется вести себя именно таким образом. Вам явно недостает благородных привычек, и вам придется их усвоить. По велению королевы, вам больше не разрешается совершать верховые прогулки, бродить по окрестностям или плавать в реке – по меньшей мере до тех пор, пока не закончится празднество».

Пораженная и подавленная, Мэдук спросила: «А что же я тогда буду делать?»

«Учиться правилам поведения при дворе и хорошим манерам, причем уроки начнутся сию минуту. Перестаньте изображать тряпичную куклу и выпрямитесь на стуле, сложив руки на коленях!»

2

По случаю восемнадцатилетия принца Кассандра устраивалось празднество, которое, согласно намерениям короля Казмира, должно было превзойти все, что когда-либо оживляло летний дворец в Саррисе.

На протяжении многих дней отовсюду прибывали фургоны, груженные тюками, горшками и ящиками, ведрами с маринованной рыбой, стойками, увешанными колбасами, окороками и беконом, бочками масла, вина, сидра и эля, корзинами с луком, репой, капустой и зеленью, газонным дерном и перевязанными пучками петрушки, душистых трав и кресс-салата. Днем и ночью на кухнях не прекращалась работа – печи не остывали ни на минуту. На служебном дворе в особых печах, построенных специально по случаю торжества, пекли караваи с хрустящими корочками, приправленные шафраном булочки, фруктовые пирожные и сладкое печенье, покрытое смородиной, анисом, медом и орехами, а также корицей, мускатным орехом и гвоздикой. Одну из печей посвятили производству исключительно пирогов и расстегаев, начиненных говядиной с зеленым луком, пряной зайчатинной, обжаренной в вине, свининой с репчатым луком, щукой или карпом, томлеными в сливочном масле с укропом и грибами, или бараниной с перловкой и тимьяном.

Вечером накануне дня рождения принца пару волов начали жарить над огнем на тяжелых чугунных вертелах – вместе с парой кабанов и четырьмя овцами. С утра на рашперах стали вертеться две сотни птиц – чтобы они были готовы к началу большого пира, назначенному на полдень; пир должен был продолжаться, пока все его участники не насытятся до предела.

Уже за два дня до начала торжеств в Саррис стали прибывать знатные гости со всех концов Лионесса, из Блалока, Помпероля и Даота и даже из таких дальних стран, как Аквитания, Арморика, Ирландия и Уэльс. Самых высокородных лордов и дам поселили либо в восточном, либо в западном флигеле собственно королевского летнего дворца. Припозднившимся вельможам и знатым особам предложили не менее приятные павильоны на газоне у реки. Разнообразным почетным гостям рангом пониже – баронам, рыцарям и маршалам с их супругами – пришлось довольствоваться соломенными тюфяками и койками в нескольких залах и галереях Сарриса. Ожидалось, что в большинстве своем приезжие покинут Саррис на следующий день после банкета, хотя иные могли и задержаться, чтобы посоветоваться с королем Казмиром по вопросам государственного значения. Непосредственно перед банкетом королевская семья намеревалась официально принимать важнейших гостей. Прием должен был начаться примерно за три часа до полудня. Принцессу Мэдук надлежащим образом уведомили о том, что на этой церемонии потребуются ее присутствие; кроме того, ей порекомендовали не забывать о том, что по этому случаю от нее ожидаются только наилучшие манеры, подобающие высокородным девицам.

Поздно вечером накануне этих событий леди Дездея явилась в апартаменты принцессы, где она не оставила сомнений в том, какое поведение потребуется от Мэдук. Безразличные замечания принцессы вызвали у воспитательницы заметное раздражение: «Сегодня мы не будем спорить о пустяках! Теперь каждая деталь имеет значение. Если ваше высочество даст себе труд припомнить эвклидову геометрию, она не преминет заметить, что такова сущность вещей: целое является суммой всех его частей!»

«Как пожелаете. Сегодня я устала и хотела бы отправиться спать».

«Еще не время! Нужно, чтобы вы поняли причины нашего беспокойства. Повсюду ходят слухи о вашем непослушании, о ваших диких выходках. Каждый из гостей будет наблюдать за вами с пристальным вниманием или даже с нездоровым любопытством, ожидая проявления какой-нибудь необычной или извращенной черты вашего характера».

«Вот еще! – пробормотала Мэдук. – Пусть пялятся на меня, сколько влезет – мне все равно. Теперь вы закончили?»

«Нет, не закончила! – отрезала леди Дездея. – У меня все еще не вызывает уверенности ваше отношение к предстоящему приему. Между прочим, среди гостей будут несколько молодых принцев. Многие из них нетерпеливо ждут возможности заключить подходящий брак».

Мэдук зевнула: «А мне какое дело? Их интрижки меня не интересуют».

«Было бы гораздо лучше, если бы вы ими интересовались, и живо интересовались! Любой из этих принцев с радостью не упустит шанс породниться с лионесским королевским домом! Принцы будут внимательно разглядывать вас, оценивая ваши достоинства».

«Это вульгарно», – буркнула Мэдук.

«Не совсем! По сути дела, это естественное и правильное поведение. Знатные женихи заранее подыскивают подходящих супруг! Сейчас вам еще рано думать о бракосочетании, но годы летят незаметно, и, когда наступит пора обсуждать обручение, мы хотели бы, чтобы принцы вспоминали о вас с одобрением. Это позволит королю Казмиру заключить самый выгодный для страны брачный договор».

«Ерунда и чепуха, с начала до конца! – безапелляционно заявила Мэдук. – Если королю Казмиру так не терпится заключать брачные договоры, пусть выдает замуж Девонету и Хлодис, пусть женит принца Кассандра. И почему бы ему не выдать замуж вас, раз уж на то пошло? Пусть не надеется, что я стану принимать участие в его государственном сводничестве».

Потрясенная леди Дездея только развела руками: «Вы не понимаете, о чем говорите!» Воспитательница не могла найти слов: «Лучше не продолжать этот разговор, вам пора отдохнуть. Надеюсь, поутру в вас проснется искорка разума».

Мэдук не сочла нужным отвечать и мрачно направилась к постели.

С утра в апартаменты принцессы явилась толпа горничных и прочей прислуги. Большую деревянную ванну наполнили теплой водой; принцессу намылили белым египетским мылом, после чего стали поливать родниковой водой, надушенной бальзамом из древнего Тингиса. Ее волосы расчесывали, пока они не засверкали, после чего она украдкой прошлась по ним еще раз серебряным гребнем, чтобы медно-золотистые кудри улеглись самым привлекательным образом. Мэдук нарядили в голубую батистовую блузу с кружевами на плечах и рукавах и в складчатую юбку с тонкой белой вышивкой.

Леди Дездея критически наблюдала со стороны. Жизнь в Саррисе, по ее мнению, пошла на пользу принцессе: порой нахальная бездельница выглядела почти хорошенькой, хотя очертаниями тела и длинными ногами все еще досадно напоминала мальчишку.

Мэдук не нравилось новое платье: «Оно все какое-то расфуфыренное, и на юбке слишком много складок!»

«Чепуха! – заявила Дездея. – Платье подчеркивает вашу фигуру – в той мере, в какой есть что подчеркивать, разумеется. Оно вам идет».

Мэдук игнорировала замечания мучительницы, чтобы не слишком раздражаться. Она сидела, мрачно уставившись в зеркало, пока ее волосы расчесывали еще раз – «чтобы все было без сучка, без задоринки», по словам Дездеи – после чего принцессе на голову надели серебряный обруч, инкрустированный лазуритом.

Леди Дездея дала принцессе последние указания: «Вы встретитесь с рядом знатнейших особ! Помните: вы обязаны произвести на них наилучшее впечатление скромными и очаровательными манерами – чтобы все недоброжелательные слухи, подмочившие вашу репутацию, были раз и навсегда опровергнуты!»

«Не могу обещать невозможное, – ворчала Мэдук. – Если кому-то хочется составить обо мне плохое мнение, они его не изменят, даже если я буду пресмыкаться перед ними и умолять об уважении и восхищении».

«Пресмыкаться и умолять вас никто не просит, – едко отозвалась Дездея. – Дружелюбия и приветливости, как правило, вполне достаточно».

«Нужны мне дружелюбие и приветливость, как корове седло! Я – принцесса, это они должны стараться заслужить мое благоволение, а мне их мнение должно быть безразлично. Такова логика вещей».

Леди Дездея уклонилась от дальнейшего обсуждения этой темы: «Как бы то ни было! Выслушивайте представляющихся вам знатных особ и привечайте их, сначала называя титул, а затем имя, причем без ошибок. Это позволит им думать, что вы хорошо воспитаны и умеете держать себя в обществе, и они тут же начнут сомневаться в справедливости распространяемых слухов».

Мэдук не ответила, и Дездея продолжала наставления: «Сидите тихо, вам нельзя ерзать, чесаться, ежиться и корчиться. Смыкайте колени – не расставляйте ноги, не сидите, развалившись, не болтайте ногами. Локти следует прижимать к талии, а не растопыривать, как крылья чайки на ветру. Если вы кого-нибудь узнаете, не подзывайте знакомого веселыми выкриками – так нельзя себя вести! Не вытирайте нос тыльной стороной руки. Не гримасничайте, не надуйте щеки и не хихикайте по какой-либо причине или без причины. Вы способны все это запомнить?»

Дездея ждала ответа, но Мэдук продолжала молча сидеть, уставившись в пространство. Леди Дездея присмотрелась к ней поближе и рявкнула: «Так что же, принцесса Мэдук? Вы мне ответите или нет?»

«Да-да, как вам угодно. Говорите, что хотите».

«Я достаточно долго говорила».

«Надо полагать, я о чем-то задумалась и прослушала».

Пальцы леди Дездеи хотели было сжаться в кулаки, но остановились. Воспитательница произнесла звонким холодным тоном: «Пойдемте. Прием скоро начнется. Хотя бы раз в жизни попробуйте вести себя так, как подобает принцессе королевской крови, чтобы произвести хорошее впечатление».

Мэдук ответила ровно и спокойно: «Я не стремлюсь производить хорошее впечатление. Того и гляди, кому-нибудь взбредет в голову на мне жениться».

Дездея ограничилась язвительным хмыканьем: «Пойдемте, нас ждут».

Леди Дездея шествовала впереди – по коридору к главной галерее, а затем в Большой зал; Мэдук следовала за ней издевательской походкой, на полусогнутых ногах и чуть подпрыгивая. Воспитательница сочла это проявлением врожденной извращенности, недостойным внимания.

В Большом зале уже собиралась публика. Гости стояли группами, приветствуя знакомых, разглядывая новоприбывших, отвешивая агрессивно-жесткие поклоны конкурентам и притворяясь, что не замечают врагов. Каждый облачился в самый роскошный наряд, надеясь как минимум привлечь внимание и вызвать восхищение – или, что еще лучше, зависть. По мере того, как вельможи перемещались, шелка и атлас переливались в утреннем солнечном свете – зал казался морем оттенков, столь ярких и насыщенных, что каждый словно жил собственной жизнью: лавандовых, пурпурных, матово-черных, глубоких ярко-желтых и горчично-охряных, киноварных, пунцовых, карминово-красных, как зерна спелого граната, всевозможных оттенков синего, от небесно-голубого и кобальтового до граничащего с фиолетовым ультрамаринového и отливающего синью, как надкрылья жука, глянцево-черного, не говоря уже о всевозможных зеленых тонах.

Кланяясь, кивая и улыбаясь, леди Дездеи провела принцессу за руку к возвышению для королевской семьи, где Мэдук приготовили красивый маленький трон из позолоченного дерева и слоновой кости, с красными бархатными подушками на сиденье и спинке.

Дездея доверительно прошептала принцессе на ухо: «К вашему сведению, сегодня нам нанесут визит принц Биттерн Помперольский, а также принц Чалмз де Монферрон, принц Гарселен Аквитанский и ряд других столь же высокородных наследников».

Мэдук непонимающе взглянула ей в лицо: «Как вам известно, меня эти особы не интересуют».

Леди Дездея усмехнулась, жестко и мрачно: «Тем не менее, они вам представятся и будут внимательно за вами следить, чтобы оценить ваше очарование и ваши достоинства. Они хотят знать, покрыто ли ваше лицо оспинами, страдаете ли вы косоглазием, справедливы ли слухи о том, что вы испорчены не по возрасту и склонны к диким выходкам, нет ли у вас на коже язв и чирьев, проявляете ли вы умственную отсталость и правда ли, что у вас низкий лоб и растопыренные уши... Так что возьмите себя в руки и сидите смиренно!»

Мэдук нахмурилась: «Поблизости никого нет. Почему я должна сидеть на этой подставке, как канарейка на жердочке? Это глупо. Сиденье выглядит неудобным. Почему мне не подобрали подушку помягче? Король Казмир, и королева Соллас будут сидеть на подушках четырехдюймовой толщины, а на моем сиденье только какая-то подстилка из красного бархата».

«Это несущественно! Подушка предназначена для ваших ягодичек, а не для ваших глаз! Будьте добры, присядьте».

«Это самый неудобный трон на свете!»

«Вполне возможно. Тем не менее, не ерзайте так, будто вам не терпится в туалет».

«Кстати, мне не терпится в туалет».

«Почему вы не подумали об этом раньше? Теперь не время. Король и королева уже заходят в зал!»

«Можете не сомневаться, что они успели опорожниться от души. Я хотела бы сделать то же самое. Разве у королевской принцессы нет права помочиться в туалете, а не на троне?»

«Что ж, поспешите, если вам так не может быть!»

Уходя, Мэдук, однако, не торопилась; не торопилась она и возвращаться. Тем временем королевская чета постепенно продвигалась по залу, то и дело задерживаясь, чтобы обменяться парой слов с теми, кому они особо благоволили.

В свое время Мэдук вернулась. Бросив непроницаемый взгляд на Дездею, она уселась на позолоченный трон из слоновой кости и, обратив к потолку глаза невинной мученицы, приготовилась к пытке.

Король и королева заняли свои места; принц Кассандр появился из бокового прохода в жилете из светло-бежевой замши, в бриджах из черной саржи, расшитой золотом, в белой кружевной батистовой рубашке. Он бодро прошел по залу, отвечая веселыми жестами на приветствия друзей и знакомых, после чего уселся по левую руку короля Казмира.

Сэр Мунго де Хач, лорд-сенешаль королевского двора, встал перед тронным возвышением. Два герольда, приложив к губам горны, протрубили короткий фанфарный мотив, «*Apparens Regis*»; в зале стало тихо.

Звучно возвысив голос, сэр Мунго обратился к собравшимся: «Я говорю от имени королевской семьи! Мы приветствуем вас в Саррисе! Мы рады тому, что вы разделяете с нами счастливое событие, а именно празднование восемнадцатилетия его королевского высочества, нашего любимого и высокочтимого принца Кассандра!»

Мэдук нахмурилась, ее подбородок опустился на ключицу. Внезапно воспрянув, она покосилась на леди Дездею, гипнотизировавшую ее змеиным взглядом. Подавленно вздохнув, Мэдук слегка пожалала плечами. Как если бы это стоило ей невероятного труда, принцесса выпрямилась на троне.

Сэр Мунго закончил приветствие; герольды снова протрубили краткий клич, и прием начался. По мере того, как гости приближались к возвышению, сэр Мунго громко объявлял их имена и титулы. Названные персоны подходили засвидетельствовать почтение – сначала

к принцу Кассандру, затем к королю Казмиру, к королеве Соллас и, наконец, как того требовал протокол, к принцессе Мэдук. Мэдук отвечала на их приветствия со скованным безразличием, едва удовлетворявшим минимальные требования королевы и воспитательницы.

Принцессе казалось, что прием тянется бесконечно. Голос сэра Мунго не умолкал; все благородные господа и их супруги, проходившие мимо, начинали походить друг на друга. Наконец, чтобы хоть как-то развлечься, Мэдук стала сопоставлять внешность представлявшихся персон различными животными и птицами: вот переваливается сэр Теленок, за ним повиливает задом сэр Хорек, важно выступает леди Цапля, подпрыгивает леди Синичка... У принцессы возникло жутковатое ощущение – она взглянула направо, где за ней угрожающе следили глаза леди Вороны, потом налево, где на троне восседала королева Дойная Корова.

Игра исчерпала себя. У Мэдук начинали ныть ягодицы; сначала она чуть сдвинулась в одну сторону, потом в другую, после чего переместилась поглубже в глубину трона. Случайно она встретилась глазами с леди Дездеей и с удивлением отупения наблюдала за странными яростными жестами воспитательницы. Наконец, болезненно вздохнув, Мэдук снова переместилась вперед и выпрямилась.

Так как ей больше нечего было делать, Мэдук стала наблюдать за присутствующими, слегка заинтересованная тем, кто из них мог оказаться принцем Биттерном Помперольским, мнению которого леди Дездея придавала такое значение. Возможно, он уже успел представиться принцессе, а она не заметила? «Что ж, – подумала Мэдук. – В таком случае мне явно не удалось очаровать принца Биттерна или заслужить его восхищение».

У стены, поодаль, три молодых человека, явно высокородных, беседовали с господином любопытной наружности – хотя, если можно было судить по некоторым деталям, не слишком знатного происхождения. Высокий, тощий господин отличался коротко подстриженными пыльно-русыми волосами и продолговатым шутовским лицом. Его яркие серые глаза живо наблюдали за происходящим, а широкий рот, казалось, постоянно сдерживался, стараясь не растянуться в насмешливую улыбку. Одежда его, на фоне нарядов других гостей, производила впечатление почти обыденной. Несмотря на очевидное отсутствие официального высокого звания, он ничем не выражал почтения к окружающей знати. У Мэдук такое умение себя держать вызвало одобрение. Этот господин и трое говоривших с ним молодых людей, судя по всему, только что прибыли – их костюмы слегка запылились в пути. Внешность этих молодых людей соответствовала определению возраста нуждающихся в супругах принцев, столь волновавшему леди Дездею. Один, тощий и костлявый, с узкими плечами и словно разболтанными конечностями, производил печальное впечатление редкими светло-желтыми волосами, свисавшими до плеч, выдающимся бледным подбородком и длинным, словно безутешно удрученным носом. Может быть, это и был принц Биттерн? Как раз в этот момент печальный субъект бросил не слишком смелый взгляд в сторону Мэдук – принцесса нахмурилась: она не хотела, чтобы те, за кем она наблюдала, об этом знали.

Очередь перед королевским возвышением стала укорачиваться – трое молодых людей отошли наконец от стены и приблизились, чтобы представиться. Сэр Мунго возвестил их имена и звания: опасения Мэдук оправдались. Лорд-сенешаль напыщенно возвысил голос: «Мы имеем честь находиться в присутствии его королевского высочества, галантного принца Биттерна Помперольского!»

Пытаясь изобразить нечто вроде товарищеского приветствия, принц Биттерн слабо улыбнулся принцу Кассандру, неловко взмахнув рукой. Приподняв брови, Кассандр вежливо кивнул и спросил, не утомился ли принц Биттерн по дороге из Помпероля. «Нет-нет, что вы! Такие красивые, освежающие виды! – возразил Биттерн. – В высшей степени приятное путешествие! Кроме того, Чалмзу и мне повезло – к нам присоединились исключительно интересные спутники».

«Я заметил, что вы прибыли в их компании».

«Да-да, именно так! Мы неплохо повеселились!»

«Надеюсь, вы сумеете столь же приятно провести время у нас».

«Несомненно, несомненно! Гостеприимство Лионесса легендарно!»

«Рад слышать!»

Биттерн перешел к королю Казмиру, а принц Кассандр сосредоточил внимание на Чалмзе, наследнике правителя Монферрона.

И Казмир, и королева Соллас благосклонно приветствовали принца Биттерна, после чего помперольский принц повернулся к Мэдук, с трудом скрывая нетерпеливое любопытство. Несколько секунд он стоял словно в оцепенении, не понимая, в каком тоне ему следовало обратиться к этой голубоглазой девочке.

Мэдук наблюдала за ним без какого-либо выражения. Наконец принц Биттерн поклонился; поклон его носил смешанный характер – не слишком искренней галантности и слегка легкомысленного снисхождения. Так как принц был в два раза старше Мэдук, а принцесса едва достигла подросткового возраста, по-видимому, обстоятельства требовали притворной шутливости.

Манеры принца Биттерна не показались Мэдук приятными, и она подчеркнуто не отзывалась на его неубедительные попытки изобразить веселость. Принц снова поклонился и быстро отошел в сторону.

Его место занял Чалмз де Монферрон – приземистый, крепко сколоченный молодой человек с ежиком жестких волос, черных, как сажа; на его грубоватом лице было несколько оспин и бородавок. С точки зрения Мэдук, принц Чалмз ненамного превосходил привлекательностью неловкого лицемера Биттерна.

Мэдук покосилась на третьего юношу, уже приветствовавшего королеву Соллас. Будучи занята изучением принцев Биттерна и Чалмза, Мэдук не расслышала объявление сэра Мунго. Ей показалось, однако, что она узнала этого молодого человека – где-то она его видела, когда-то они уже встречались. Юноша этот, среднего роста, двигался быстро и легко; скорее жилистый, нежели мускулистый, он мог похвастаться широкими плечами и узкими бедрами. Его густые золотисто-коричневые волосы были подстрижены под горшок, а серо-голубые глаза и точеные черты лица придавали выражение сосредоточенной отваги. Мэдук решила, что этот гость был привлекателен не только внешностью, но и характером. Другими словами, он ей понравился. Если бы это был принц Биттерн, перспектива обручения не казалась бы ей столь трагической. Конечно, у нее и в мыслях не было вешаться на шею первому попавшемуся удалцу, но этот удалец, по меньшей мере, представлялся ей мыслимым будущим супругом, тогда как другие были немислимы.

Молодой человек с укором спросил ее: «Неужели вы меня не помните?»

«Я вас узнала, – возразила Мэдук, – но не могу вспомнить, где и когда мы встречались. Освежите мою память».

«Мы встретились в Домрейсе. Я – Друн».

3

Старейшие острова обрели покой. На востоке и на западе, на севере и на юге, на многочисленных островах архипелага улеглась многовековая буря вторжений, набегов, осад, предательства, вендетт, грабежей, поджогов и убийств – города, побережья и сельские просторы одинаково наслаждались преимуществами мира.

Исключение составляли некоторые особые районы. В первую очередь следует упомянуть Визрод, где нерешительные ополченцы короля Одри маршировали вверх и вниз по влажным лесистым горным долинам и патрулировали пустынные каменистые холмы, пытаясь укротить неотесанных наглых кельтов, улюлюкавших с горных высот и бесшумно, как призраки, скользивших в зимних туманах. Вторым очагом раздоров оставались нагорья Северной и Южной Ульфляндии, где изгой-ска Торкваль и его банда головорезов предавались зверским грабежам, не подчиняясь ничему, кроме своей прихоти.

В остальном восемь королевств поддерживали, по меньшей мере формально, добрососедские отношения. Некоторые наблюдатели, однако, рассматривали установившийся мир как временную и весьма неустойчивую аномалию. Пессимистический подход объяснялся главным образом общеизвестным намерением короля Казмира вернуть трон Эвандиг и знаменитый Круглый стол «совета благороднейших», Карбра-ан-Медан, на подобающие им изначальные места в Древнем зале Хайдиона. Амбиции Казмира заходили дальше: он намеревался объединить все Старейшие острова под своим знаменем.

Планы Казмира были очевидны, он их почти не скрывал. Он собирался нанести жестокий удар по Даоту, надеясь быстро одержать легкую и решительную победу над потерявшими боевой дух армиями короля Одри. После этого Казмир планировал пополнить свои внушительные силы ресурсами Даота и, не торопясь, расправиться с Эйласом, королем Тройсинета.

Казмира удерживала только политика короля Эйласа, умственные способности и опыт которого Казмир научился уважать. Эйлас утверждал, что безопасность его обширного королевства, в настоящее время охватывавшего Тройсинет как таковой, остров Сколу, Дассинет и всю Ульфляндию, Северную и Южную, зависела от раздельного существования Даота и Лионесса. Кроме того, Эйлас дал понять, что в случае войны немедленно встанет на сторону государства, подвергнувшегося нападению – с тем, чтобы нанести поражение агрессору и восстановить спокойствие.

Казмир, под личиной благосклонного безразличия, только ускорил приготовления, набирая дополнительных рекрутов в армии, укрепляя бастионы и организуя базы снабжения в стратегически важных пунктах. Еще более зловещим признаком служил тот факт, что Казмир сосредоточивал силы в северо-восточных провинциях Лионесса, но достаточно неторопливо, чтобы этот процесс нельзя было рассматривать как провокацию.

Эйлас с опасением следил за событиями. У него не было иллюзий в отношении короля Казмира и его целей. В ближайшее время Казмир намеревался привлечь на свою сторону Блалок и Помпероль, заключив с ними союз и закрепив его брачными узами – хотя того же результата можно было добиться исключительно посредством запугивания, не прибегая к обходным маневрам. Таким же образом Казмир уже поглотил древнее королевство Кадуз, теперь превратившееся в провинцию Лионесса.

Эйлас решил, что угрожающему давлению со стороны Казмира необходимо было противостоять. С этой целью он отправил принца Друна, в сопровождении надлежащего знатного эскорта, сначала во дворец Фалу-Файль в Аваллоне, затем к пьяному королю Блалока, засевшему в своей цитадели Твиссами, и, наконец, ко двору короля Кестреля в Гаргано, столице Помпероля. В каждом случае Друн доставлял одно и то же послание: король Эйлас выражал надежду на продолжение мира и обещал содействие в случае нападения с любой стороны.

Для того, чтобы эту декларацию нельзя было объявить провокационной, Друну было поручено передать те же заверения королю Казмиру в Лионессе.

Друна давно уже пригласили на празднество по случаю совершеннолетия принца Касандра, и он условно принял приглашение. Обстоятельства сложились так, что его основная миссия не заняла слишком много времени, и Друн поспешно направился в Саррис, чтобы не опоздать на прием.

Принц проехал по Икнильдскому пути до городка Пышная Ива на Старой дороге – здесь он попрощался со спутниками, продолжавшими скакать на юг до Слют-Скима, откуда корабль должен был переправить их через пролив Лир в Домрейс. Сопровождаемый одним лишь оруженосцем Эймери, Друн проехал на запад по Старой дороге до деревни Тон-Твиллет. Оставив Эймери на постоялом дворе, принц повернул на север по дороге в Твомбл и вскоре углубился в Тантревальский лес. Еще через две мили он выехал на обширный луг Лалли, где за цветником виднелась Трильда, усадьба волшебника Шимрода.

Друн спешил к воротам, ведущих в сад. В Трильде царил тишина; дымок, выходящий из печной трубы, означал, однако, что Шимрод был дома. Друн потянул за висящую у входной двери цепь, и в глубине большой усадьбы отозвался гулкий колокол.

Прошла минута. Стоя на крыльце, Друн любовался роскошным цветником – за ним, как ему было известно, ухаживали по ночам два садовника-гоблина.

Дверь распахнулась: появился Шимрод. Он тепло приветствовал принца и провел его внутрь. Оказалось, что Шимрод готовился покинуть Трильду, его ждали какие-то дела. Волшебник согласился сопроводить Друна сначала в Саррис, а затем до столицы Лионесса, где им предстояло расстаться – Друн должен был вернуться в Домрейс на корабле, а Шимрод собирался в Свер-Смод, замок Мургена на обрывистых склонах Тих-так-Тиха.

Прошло три дня, и настало время уезжать из Трильды. Шимрод поручил зачарованным стражам охранять усадьбу и ее содержимое от грабителей, после чего волшебник и принц выехали в лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.